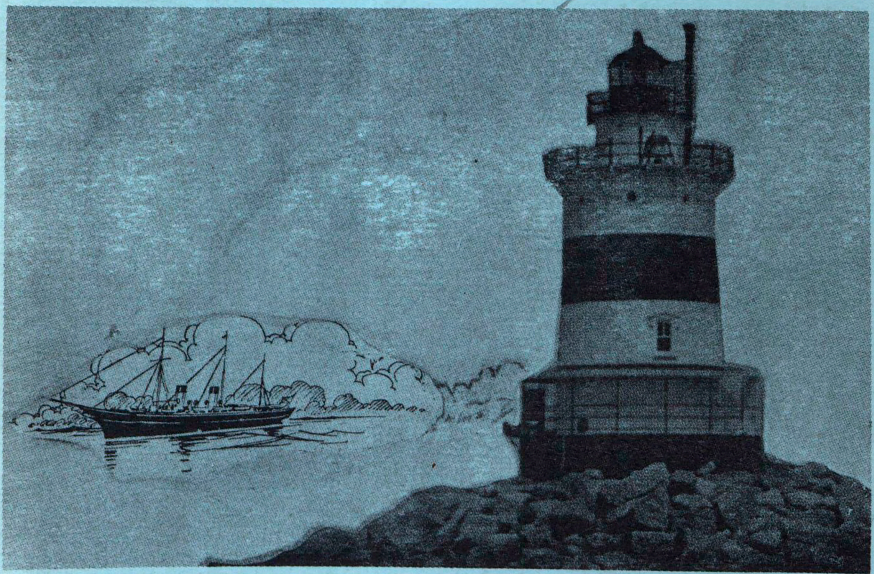
Г.Р. ВАНТЦ

В МОРЕ И НА СУШЕ

Г.Р. ВАНТЦ

В МОРЕ И НА СУШЕ

РАССКАЗЫ И СТИХОТВОРЕНИЯ

1970

Г. Р. Вантц.

Г. Р. ВАНТЦ.

ПАМЯТНОЕ СОБЫТИЕ

Событие, о котором говорится в приводимом ниже очерке, 7 октября 1916 г. старого стиля, своею внезапностью взволновало русскую общественность. Тайна окружавшая причину, вызвавшую это событие, породила много, долго непрекращавшихся, толков. Интерес к этому событию у тех, кто помнит его, сохранился до настоящего времени, о чем свидетельствуют вопросы, которые иногда приходится слышать автору очерка.

1.

Был поздний вечер 6-го октября 1916 года.

На севастопольском рейде в небольшой, ярко освещенной и опрятной каюте дредноута "Императрица Мария" сидели два молодых инженер-механика. Хозяин каюты мичман Игнатьев, щуря большие серые глаза говорил:

– Вероятно, скоро нас пошлют к неприятельским берегам для выполнения весьма рискованной операции. Но пока я плаваю на "Императрице Марии", офицерам и матросам нашего корабля нет надобности беспокоиться за свою участь, и вот почему: недавно гадалка предсказала мне, что я не утону. Во время боя, по расписанию я должен находится в третьем котельном отделении, то есть на самой нижней палубе. В случае гибели судна у меня шансов на спасение будет меньше, чем у кого-либо. И, если, все-таки, мне не суждено утонуть, то, очевидно, никому из моих соплавателей и подавно не угражает

жребий очутиться на дне моря.

Эту краткую речь Игнатьев произнес с усмешкой на лице, и создавалось впечатление, что он не считает собственные доводы убедительными.

Гость – мичман Вагнер устремил в пространство свой задумчивый взгляд и, казалось, пристально всматривался в грядущее, пытаясь проникнуть в его тайны. После нескольких секунд молчания он сказал:

– Я не верю гадалкам. Но в данном случае искренне желаю, чтобы слышанное вами предсказание всецело сбылось. Однако мне пора совершить очередной обход машинных и котельных отделений – ведь я сегодня дежурю.

И, крепко пожав Игнатьеву руку, Вагнер ушел.

Около одиннадцати часов ночи Вагнер закончил осмотр порученных ему для наблюдения отсеков корабля и возвратился к себе в каюту. Сняв китель и тщательно умывшись, он сел на кровать, сложил на груди руки и в этой позе долго оставался неподвижным. Ему не давали покоя мрачные мысли. Их странная навязчивость очень угнетала юношу и на его лице отражалось чувство досады. Ложась в постель, Вагнер разделся. Поглощенный борьбою с навязчивыми мыслями он забыл, что ему, как дежурному офицеру, полагается спать в одежде. Это правило морского устава Вагнер незаметно для себя нарушил в первый раз за все время своей непродолжительной службы в Императорском флоте.

2

Наступило утро 7-го октября: тихое, теплое, обильное нежными красками, одно из тех какими так богат Крым в первый период осени. От всей природы веяло умиротворяющей негой. Высоко в небе, постепенно тая, парили легкие светлосерые облака. Между ними простиралась чистая лазурь. Воды обширного севастопольского рейда точно застыли, четко отражая

в голубоватой поверхности, громады военных кораблей. На самой середине Северной бухты высились гиганты "Императрица Екатерина Вторая" и первый дредноут Черноморского флота – "Императрица Мария". Значительно дальше от города, близ Инкерманского монастыря, обозначались характерные силуэты линейных кораблей второй бригады: "Евстафия", "Иоанна Златоуста" и "Пантелеймона". В южной бухте дружными рядами расположились дивизионы миноносцев: а ближе к морю у входа на рейд верными стражами стояли неуклюжие броненосцы "Три Святителя", "Ростислав" и стройный крейсер "Память Меркурия". Кроме этих боевых кораблей эскадры на рейде присутствовали огромные вспомогательные крейсеры, военные транспорты и белое с красным крестом госптельное судно "Император Петр Великий", а у Графской пристани на мертвом якоре мирно дремал старый линейный корабль "Георгий Победоносец" служивший базой для штаба командующего.

Было рано. На судах эскадры только что прозвучали горны, игравшие полудку. На верхних побудку матросы привычными руками проворно свертывали койки, укладывали их в сетки и шли на бак. Там они курили, умывались и обменивались между собою краткими замечаниями.

Казалось ничто не могло нарушить спокойствия чарующего утра. Но внезапно на "Императрице Марии" около первой башни из под палубы вырвался большой огненный шар и тотчас же поднялся исполинский столб черного дыма, в котором высоко взвился какой то крупных размеров предмет. Прокатился мощный гул; дрогнули окрестности; звякнули окна прибрежных домов. Внутри корабля протянулись длинные языки пламени. Губительным жаром дохнуло на матросов толпившихся на баке. В ужасе они попятились к самому форштевню. Некоторые взобрались на запасный якорь, свисавший из правого клюза. Но от сильного сотрясения перестал действо-

вать стопор брашпиля. Загремели массивные железные звенья якорного каната и тяжелый якорь с шумом упал в воду вместе с сидевшими на нем людьми. Рейд сразу ожил. На всех судах протяжно залились дудки; послышались тревожные команды. По палубам, по выстрелам бежали офицеры и матросы; они по шкентелям торопливо сползали в шлюпки, и через несколько мгновений со всех сторон, подымая белые буруны, полным ходом помчались паровые и моторные катера по направлению к взрывающемуся дредноуту.

3

На "Императрице Марии" инженер-механик мичман Вагнер проснулся от толчка и грохота. Ему показалось, что где то совсем близко разорвалась бомба, очевидно брошенная с неприятельского цеппелина. В каюту сквозь скважины стал просачиваться зеленовато-желтый газ. Вагнер ощутил во рту неприятный сладковатый вкус.

– А ведь этот газ, может быть, ядовитый – подумал Вагнер, и тотчас же, вскочив с кровати, не одеваясь, вышел из каюты.

Вдоль корридора правого борта по направлению к корме непрерывной вереницей бежали матросы.

– Что случилось? – окликнул их Вагнер, но ему никто не ответил.

– Что случилось? – громче и строже повторил вопрос мичман, но и на этот раз ответа не последовало. Увлеченный стремительным потоком охваченных паникой людей, Вагнер очутился на верхней палубе. Там, озираясь на все стороны, он пытался дать себе отчет в сущности происшествия, Кругом метались матросы. Многие стонали. Многие вытаскивали из сеток койки и, прижав их к груди, бросались с ними за борт. Набитые мелкими пробками матрацы коек отлично держали людей на воде. За бортом уже плавали десятки матро-

сов и оттуда продолжали доноситься их стоны. Недалеко от себя Вагнер увидел очень коренастого, совершенно обнаженного матроса, который лежал на спине, широко раскинув руки. Его тело покрывали сильные ожоги. Матрос был мертв.

На палубе показалась атлетическая фигура старшего офицера капитана 2-го ранга Городысского. На нем была черная шинель, из под которой выглядывали голые ноги в ночных туфлях.

– В чем дело? – послышался его зычный голос.

Но и старшему офицеру никто не отвечал. Один за другим выбегали наверх остальные офицеры с выражением недоумения на лице: никто из них не знал причины разбудившего их грохота. Но вот в районе первой башни опять появился огненный шар, опять протянулся к небу черный столб дыма и новый гул потряс окресности. Этого мгновения для офицеров было достаточно дабы понять, что происходит пожар в одном из носовых артиллерийских погребов. В воздухе запахло гарью. На палубу медленно падали куски горящего пороха. Вагнер ощутил боль в правой ноге. Нагнув голову, он заметил, что из обнаженной ступни бежит струйка крови. Оказалось он наступил на острый край только что упавшего куска пороха.

Положение создалось весьма опасное. Через разрушенные переборки пожар мог переброситься в другие погреба и вызвать громадную катастрофу. Это обстоятельство учел старший офицер и немедленно принял нужные меры:

– Затопить носовые погреба – громко скомандовал он.

– Есть – спокойно ответил стоявший поблизости помощник старшего инженер-механника старший лейтенант Пафомов и исчез в люке. За ним, повинуясь его приказанию, последовали рослый, дюжий трюмный унтер-офицер первой статьи Мази и небольшой, но расторопный рядовой трюмный Гри-

шков.

Обстоятельства сложились крайне неблагоприятно для "Императрицы Марии". 7-го октября утром дежурило переднее котельное отделение, расположенное по соседству с носовым погребом и первым же взрывом была разрушена главная паровая магистраль. Пар из котлов мгновенно ушел в атмосферу. Остановились турбо-генераторы, погасло электричество, замолк шум вентиляторов.

Непривычный сумрак и гробовая тишина в корридоре на жилой палубе охватили старшего лейтенанта Пафомова и обоих сопроваждавших его матросов. Пафомов был одним из выдающихся инженеров Черноморского флота и уже имел свои изобретения. На "Императрицу Марию" он получил назначение еще тогда, когда она находилась на верфи в стадии постройки и он лучше, чем кто либо знал свой корабль. Освещая себе путь электрическим фонарем Пафомов быстро и уверенно шел в носовую часть корабля, откуда каждое мгновение могло вырваться смертоносное пламя. Оба трюмных неотступно следовали за своим начальником. Но вот Пафомов споткнулся о что-то мягкое. При тусклом свете фонаря он увидел устилавшие палубу трупы обожженных взрывом матросов. Под трупами находились штоки кингстонов, которые надлежало открыть. Оттащив с помощью своих трюмных трупы, инженер-механик Пафомов затопил носовые погреба и таким образом добросовестно выполнил опасное поручение.

На верхней палубе прозвучала вторая команда Городысского:

— Затопить кормовые погреба!

— А ведь эта команда относится ко мне — подумал Вагнер и бросился бежать вниз по трапу. На "Императрице Марии" Вагнер находился только шесть недель. Сначала он заве-

дывал носовыми котельными отделениями и лишь недавно был назначен на новую должность помощника трюмного инженера-механика. Он еще не успел хорошо изучить всю сложную систему затопления корабля гиганта. Но за Вагнером бежали старые опытные трюмные, состоявшие в команде дредноута еще в период его постройки. Каждый из них имел в своем заведывании несколько кингстонов и твердо знал их расположение.

– Ваше благородие, вот здесь кингстон, – говорил один из трюмных, догоняя Вагнера и протягивая ему тяжелый патронный ключ. Вагнер отбросил вделанную в палубу круглую латунную крышку, наставил ключ на квадрат штока кингстона и стал быстро поворачивать в нужную сторону. Ему показалось, что он слышит как в погреб хлынула вода и одновременно он почувствовал, что с него свалилась часть давящей его тяжести. Открыв таким образом все кингстоны, Вагнер со своими трюмными возвратился на верхнюю палубу.

А к "Императрице Марии" со всех сторон уже приблизились катера с других кораблей. Вода вокруг дредноута, казалось, кипела от быстро вращавшихся гребных винтов. Катер, подошедший первым, пристал к левому борту. По трапу на палубу быстро взбежал статный рыжеватый мичман и, увидев старшего офицера, подошел к нему, взял под козырек и коротко доложил:

– Господин капитан 2-го ранга, я – в вашем распоряжении!

– Отлично, – ответил Городысский – прикажите вашим людям принять раненых.

– Есть – ответил мичман.

На катер немедленно потянулась длинная вереница матросов, бережно несших тяжело раненых. Легко раненые шли

сами. Как только катер оказался заполненным ранеными, он отошел от трапа и его место тотчас же занял другой катер. Таким образом быстро и без ненужной суматохи производилась разгрузка раненых, которых доставляли в морской госпиталь и на госпитальное судно "Император Петр Великий".

Рискуя, взорваться вместе с "Императрицей Марией", к ее правому борту пристал большой буксирно-спасательный пароход "Черномор" имевший мощные наносы для откачивания воды из отсеков потерпевших аварию кораблей. Из толстых шлангов "Черномора" хлынули обильные струи воды на ту часть дредноута, где бушевало пламя.

От флагманского корабля "Георгия Победоносца" отвалил изяшный катер "Буревестник" и с предельной скоростью понесся к "Императрице Марии". Через несколько минут с "Буревестника" на "Императрицу Марию" поднялся среднего роста широкоплечий офицер с живыми темными глазами, с резко очерченным профилем, с квадратным слегка раздвоенным подбородком с плотно сжатыми губами. На зигзагах его золотых погон чернели орлы. Этот офицер был командуюший флотом вице-адмирал Колчак. Его сопровождало несколько чинов штаба. Волевое строгое лицо командуюшего в это утро казалось особенно строгим. Колчак не любил многословия. Окинув быстрым взглядом палубу судна, он задал несколько вопросов Городысскому и замолк. Для него было ясно, что уже предпринято все, что можно было предпринять для спасения корабля.

Взрывы еще продолжались, но происходили все реже и сила их заметно слабела. Дредноут начал погружаться носом и одновременно крениться на правый борт.

Вагнер, не будучи одетым по форме, почувствовал себя не ловко в присутствии адмирала, и спустился к себе, в каюту.

Одев китель и шинель, Вагнер подошел к письменному столу и, выдвинул ящик: юноша хотел захватить с собою фотографические карточки родных и друзей, которые берег, как святыню. Но, вдруг, ему показалось кощунством спасать что-нибудь свое, когда тонет корабль, и резким движением втолкнув обратно ящик, он покинул каюту.

В момент первого, самого мощного взрыва, давление газов заклинило стальные двери некоторых помещений внутри корабля. Запертыми в своем кубрике оказались многие кочегары седьмой роты. Сверху к ним доносились раскаты следовавших один за другим взрывов. Но напрасно они изо всех сил толкали выходную дверь – она не поддавалась. Матросы в своем кубрике себя чувствовали словно в большом металлическом гробу. Но потом они догадались построить из своих тел живую пирамиду. Очутившийся на вершине пирамиды унтер-офицер Бойко проник в вентиляционную трубу и, упираясь локтями, в ее стены благополучно выбрался на верхнюю палубу. Бравый унтер-офицер не бросил на произвол судьбы своих товарищей. Быстро раздобыв канат, он закрепил один конец каната на верхней палубе, а другой спустил через вентиляционную трубу в кубрик. По канату из кубрика выбрались и все остальные кочегары.

Иная участь постигла артиллерийского кондуктора, который после первого взрыва очутился замурованным в одном из казематов 130-миллиметровых орудий. Потеряв надежду открыть заклиненную дверь, кондуктор сделал попытку вылезть из каземата через полупортик между кромкой брони и дулом орудия. Ему удалось продвинуть торс, но его таз застрял. За высунувшимся на половину туловища из полупортика кондуктором внимательно следил один из катеров окружавших дредноут, но помочь несчастному пока не представлялось возможным, так как полупортик был расположен слишком вы-

соко.

Между тем, дифферент на нос и крен на правый борт у "Императрицы Марии" беспрестанно увеличивались, а одновременно усиливалось и тревожное чувство, которое уже пробудилось в душе каждого, кто находился на тонушем корабле. Но вот наступил момент, когда судно перестало изменять свое положение. Один из мичманов снял фуражку, широко перекрестился и громко сказал:

— Слава Богу! "Императрица Мария" спасена.

Но радость мичмана была преждевременной. Дредноут снова начал погружаться носом и крениться на правый борт и при том с возрастающей быстротой. Очевидно, проникавшая в корабль вода нашла ход в один из больших отсеков и хлынула туда обильным потоком.

— Сейчас перевернется — отрывисто сказал Колчак и сошел по трапу на свой катер. За ним последовали чины его штаба.

— Остановить затопление правого борта, — скомандовал Городысский. Он имел намерение выравнять крен.

Вагнер сделал несколько шагов по направлению к кормовому люку.

— Успею ли я найти все нужные кингстоны и оставлен ли патронный ключ, на надлежащем месте — с беспокойством думал он.

Но, внезапно ему преградил дорогу трюмный унтер-офицер Любецкий — отличный специалист из сверхсрочных, лазавший по трюмам "Императрицы Марии" еще в период ее постройки. В правой руке Любецкий держал патронный ключ.

— Закрыть кингстоны? — коротко спросил он.

— Закройте — ответил Вагнер.

На верхней палубе появился ревизор мичман Вирен. Он бережно нес тяжелую металлическую шкатулку, в которой

хранились судовые деньги.

– Ну, вы, с вашей казной идите скорее, на катер – приказал ему Городысский.

Вирен направился к трапу. За ним последовали два офицера.

– Господа, еще не было разрешения оставить корабль – строго им заметил Городысский, и оба смущенных офицера немедленно возвратились.

Дифферент на нос и крен на правый борт корабля настолько увеличились, что матросы с одного из катеров дотянулись руками до застрявшего в полупортике кондуктора и стали его тащить. Но все их усилия были напрасны: оказалось невозможным протащить таз. Тогда, обращаясь к старшему на катере мичману, кондуктор сказал:

– Ваше благородие, лучше уходите, а то меня не спасете, но себя и людей зря погубите.

Мичман с таким выражением лица, точно ощутил острую физическую боль, скомандовал:

– Малый назад – и катер отошел на безопасную дистанцию.

Кондуктор смотрел на приближавшуюся к нему массу воды и в его широко открытых, почти безумных глазах, вдруг, сквернула искра радости, будто он, нашел выход из создавшегося положения. Неистовым голосом несчастный запел "Боже, Царя храни" и с пением гимна через несколько мгновений скрылся в воде.

На юте "Императрицы Марии" собрались почти все офицеры – около тридцати человек и матросы, уцелевшие от взрывов и непокинувшие корабля под влиянием паники.

С правого борта, вследствие большого крена, вода, сравнительно близко подошла к верхней палубе и поэтому правый борт манил к себе. Казалось, что там легче спастись. Но на самом деле именно там таилась опасность для спасаю-

щегося быть вовлеченным в пучину вместе с погружающимся кораблем. Это хорошо сознавали и офицеры и матросы, и все они толпились возле левого борта, хотя левый борт и корма очень высоко поднялись над уровнем бухты. Однако один из кочегаров не выдержал соблазна и бросился к правому борту. Но едва он сделал несколько шагов, как в него вцепились две руки.

— Куда синяя рубаха? Погибнешь там, — настовительно сказал остановивший кочегара мичман и толкнул его обратно к левому борту.

Вагнер, стоя на юте сзади всех, смотрел, как продолжал подыматься левый борт, одновременно принимая все более и более наклонное положение. Корабль начал переворачиваться. Вагнер взглянул на зеркальные воды бухты, на чистую лазурь неба, на зелень прибрежных садов . . . Все эти виды любимой им природы для него уже отходили в прошлое . . . Неумолимо приближалось то, о чем в обычной обстановке не думает здоровый человек и что ему, даже, кажется невероятным: приближалось то загадочное, что называют смертью. На мгновение Вагнеру почудились жуткий мрак и гнетущая теснота, парализующая все мысли, чувства и ощущения. Вагнер не хотел умирать, но скованный сознанием долга в отношении дисциплины он знал, что не сделает ни одного шага к спасению, пока не получит соответствующего распоряжения или пока перемена в обстановке не даст ему морального права действовать самостоятельно. Он еще знал, что совершенно так же поступят стоящие около него офицеры и матросы.

— Неужели же мы все погибнем? — вдруг проговорил старший лейтенант Юрьев таким тоном, словно ему просто любопытно было получить ответ на интересующий его вопрос.

А старший офицер, от кого в данный момент зависела судьба всех находившихся на тонущем дредноуте людей, упорно

молчал и, озираясь на все стороны, что-то соображал. Ему все еще не верилось, что никак нельзя спасти корабль, в заботы о котором он вкладывал всю свою душу.

Но, наконец, точно с трудом он выдавил из себя зычный возглас:

– Спасайся!

Это было слово, которое ждали все, ибо для всех уже стало несомненно, что дальнейшее пребывание на корабле бесполезно и лишь повлечет за собою ненужные жертвы. И офицеры и матросы, только что стоявшие на гибнувшем судне, спокойно и с таким видом, словно для них была безразлична их участь, внезапно все устремились к левому борту.

Вагнер быстро перелез через поручни и очутился на выступе брони. Он имел намерение спуститься вниз по одному из стальных тросов для противоминных сетей, которые тянулись до самой воды. Но по тросам уже сползали матросы. Тогда Вагнер вдоль по борту пробрался дальше и втиснулся в вереницу людей спускавшихся по трапу. Офицеры и матросы спускались быстро, но без паники. Шедшие сзади старались не наступать на ноги тех, кто был впереди. Достигавшие нижней ступени прыгали в катер стоявший под трапом. При чем каждому последующему приходилось прыгать с большей высоты, чем предыдущему, так как борт продолжал неизменно подыматься. Вереница спасавшихся перед Вагнером становилась все короче, и, наконец, перед ним не осталось никого. Вагнер дошел до последней ступени и заглянул вниз. Высота была большая, но не было времени для размышления и Вагнер, ни секунды не медля, спрыгнул на дно катера, покачнулся, но удержался на ногах и тотчас же перешел на соседний катер. Вслед за Вагнером спрыгнул корабельный гардемарин флота Т. и плашмя растянулся на катере. Он, повидимому сильно ушибся. Матросы услужливо помогли ему встать.

Вагнер повернулся лицом к "Императрице Марии" и с ужасом заметил, что на верхней палубе еще находятся люди. Там ухватившись обеими руками за поручни стоял высокий красивый брюнет с орлиным носом. То был старший из вахтенных инженер-механников мичман Брикке. Лицо этого, отлично владевшего собою офицера, совершенно не отражало чувство страха. Кроме Брикке на палубе "Императрицы Марии" находилось еще несколько человек и сзади них старший офицер Анатолий Вячеславович Городысский. Он, конечно, хотел сойти с коробля последним. А дредноут уже валился на правый борт и все катера вынуждены были отойти от него на некоторое расстояние. Казалось исчезла всякая возможность спасти тех, кто еще оставался на корабле.

— Господи — думал с волнением Вагнер — неужели они обреченные на смерть: и Анатолий Вячеславович, и Брикке, и все остальные . . .

Но катастрофа произошла не совсем так, как ожидал Вагнер. Корабль сравнительно медленно ложился на правый борт и люди бежали по левому борту навстречу вращению. На несколько мгновений левый борт перешел в горизонтальную плоскость. Но вращательное движение судна продолжалось с возростающей скоростью . . . Вот показалось днище, скользкое, местами унизанное ракушками. Вид этой части корабля, обычно скрытый от взора, производил тяжелое впечатление. Пахнуло острым, подводным запахом, повеяло тайной морских глубин . . . Люди, добежав до днища, стали падать и скатываться в воду. Их тотчас же подбирали катера. Наконец, киль принял вертикальное положение и сделался неподвижным . . . Первого дредноута Черноморского флота не стало. Вагнеру показалось, что погибло живое, глубоко родное существо и жалость сдавила ему грудь. Вместо красивого исполинского корпуса с двумя высокими мачтами, огромными дымовыми

трубами и четырьмя башнями с дулами мощных орудий, теперь над поверхностью бухты беспомощно возвышалось красное выпуклое днище и пустынным был его вид. Лишь из артиллерийских погребов через открытые кингстоны била фонтаном вытесняемая воздухом вода, да на самом киле обозначались три фигуры в офицерских кителях. То были старший минный офицер лейтенант А. А. Григоренко и два молодых мичмана.

Катер, на котором находился Вагнер, снял с киля лейтенанта Григоренко.

— Спасся ли Анатолий Вячеславович? Избегнул ли гибели закрывавший кингстоны трюмный унтер-офицер Любецкий — мысленно спрашивал самого себя Вагнер, скользя взглядом по поверхности бухты. Вдруг, он увидел круглую стриженную голову с щетинистыми усами и мускулистые руки разгребавшие воду: плыл Любецкий.

— Слава Богу! — облегченно вздохнул Вагнер, и указал на Любецкого рулевому.

Через несколько секунд Любецкий очутился на катере. Увидев Вагнера, он улыбнулся и сказал:

— А я все таки закрыл несколько кингстонов.

— Очень хорошо — похвалил Вагнер и, глядя на мужественное лицо унтер-офицера, на его коренастую фигуру в мокрой одежде, подумал:

— Настоящий морской волк и герой. . . — Но где же Анатолий Вячеславович? — продолжал беспокоиться Вагнер за участь Городысского .

Вагнер был проникнут чувством самой искренней симпатии в отношении Городысского и считал его не только выдающимся офицером, но и незаурядным обаятельным человеком.

А Городысский, закрыв лицо руками, сидел на одной из труб дейдвудного вала на корме перевернувшегося судна. К

нему подошел катер.

— Господин капитан второго ранга, пожалуйте — приветливо пригласил на катер Городысского мичман.

— Не поеду, никуда не хочу — не отрывая рук от лица с отчаянием в голосе ответил старший офицер.

Мичман сделал знак матросам и не успел Городысский опомниться, как насильно был водворен на катер.

Стало нечего делать около погибшего дредноута, который очень медленно погружался в пучину. И если двадцать минут тому назад со всех сторон бухты катера полным ходом мчались к "Императрице Марии", то теперь те же катера, исполнив свой долг, шли по всем направлениям от "Императрицы Марии" возвращаясь к своим кораблям.

4

Катер, подобравший Григоренко и Вагнера, подошел к линейному кораблю "Пантелеймону". У трапа офицеров и матросов "Императрицы Марии" встретили вахтенный начальник мичман А. И. Путилин и старший офицер "Пантелеймона" старший лейтенант Лебединский окруженный группою молодых мичманов. Старший лейтенант Лебединский сочувственно пожал руку лейтенанту Григоренко и инженер-механнику мичману Вагнеру и пригласил их в кают-компанию подкрепиться горячим чаем. Офицеры "Пантелеймона" с живым интересом стали расспрашивать Вагнера и главным образом, Григоренко, как старшего, о подробностях гибели дредноута. Но лейтенант Григоренко — образцовый офицер, серьезный и молчаливый по натуре, отвечал на все вопросы очень сжато. Он, глубоко потрясенный смертью родного корабля, явно не был расположен к беседе. Это обстоятельство все присутствующие в кают-компании скоро заметили и, хорошо поняв настроение лейтенанта Григоренко, перестали его беспокоить вопросами. Центром внимания сделался Вагнер. Молодой

мичман оказался более разговорчивым и охотно поделился своими впечатлениями с окружавшими его офицерами.

После подъема флага по линии судов был передан приказ командующего флотом: "всех офицеров и матросов спасенных с "Императрицы Марии" к двенадцати часам доставить на вспомогательный крейсер "Император Александр Второй".

Этот большой корабль, служивший базой для гидропланов в день гибели "Императрицы Марии" по случаю ремонта стоял без паров в южной бухте Севастополя. Так как личный состав "Императора Александра Второго" был немногочисленным, то на нем оставалось достаточно места для уцелевшей команды дредноута.

5

На рейде, на всех судах звучно пробили склянки. Четыре двойных четких удара возвестили, что наступил полдень.

Ни одно облако не омрачало голубого неба над Севастополем и его окрестностями. Казалось, природа ликовала кругом. Солнце ярко освещало южную бухту и стоявшие в ней корабли. На "Императоре Александре Втором" царило необычайное оживление. Офицеры и матросы с "Императрицы Марии" заняли все жилые помещения крейсера, и густо толпились на палубе. Всюду раздавался возбужденный говор.

Наблюдая за шумной толпою своих соплавателей, Вагнер молча стоял у спардэка.

– Здравия желаю ваше благородие, – вдруг он услыхал громкий возглас и увидел перед собою своего вестового Шубу. Среднего роста, широкоплечий, высокогрудый Шуба смотрел на Вагнера серыми, немного лукавыми глазами, в которых Вагнер прочел:

– Видишь: я жив и этому обстоятельству очень рад, и я также рад тому, что ты жив.

– Вероятно мои глаза в данный момент выражают то же

самое – подумал Вагнер.

Офицер и матрос за шесть недель успели привязаться друг к другу.

– Ну слава Богу, что ты Шуба жив – ласково сказал Вагнер.

– Послужим еще вместе русскому флоту?

– Так точно, послужим – охотно согласился Шуба.

– Здорово, Проценко! Рад тебя видеть – послышался голос артиллерийского офицера.

– Здравия желаю, ваше благородие – бойко ответил молодцеватый комендор. . .

Подобные возгласы раздавались везде на палубе. Офицеры и матросы обменивались между собою приветствиями так, точно давно не встречались.

Угнетенное настроение, навеянное на моряков гибелью их корабля, сменил порыв бурной радости, хорошо знакомый военным. Эту радость в молодых здоровых людях пробуждает сознание, что они избегнули грозившей им смерти и снова могут наслаждаться жизнью и мечтать о встрече с тем, кто им дорог. Но уже приближался момент, когда эта эгоистическая радость должна была омрачиться напоминанием о недавно ушедших в иной мир: матросы выстраивались для переклички.

Вагнер подошел к своей седьмой роте нахмурился. Вместо подтянутых, дышащих бодростью полутораста кочегаров и трюмных перед ним понуро стояла совсем короткая шеренга разнообразно одетых людей. Фельдфебель отсутствовал. Замещавший его унтер-офицер начал монотонно называть фамилии:

– Солоп! . . Кравченко! . . Береза! . .

– Но четкое "есть" не доносилось в ответ.

– Батраков!

– Есть!

– Бойко!

– Есть!

– Орехов! . . Козарский! . .

Опять бьющее по нервам молчание.

– Понамаренко! .

Вагнер машинально поддался вперед. Михаил Пономаренко – светлый шатен с большими чистыми голубыми глазами, с правильными чертами лица, с румянцем во всю щеку, располагал к себе с первого взгляда на него. Красавец, кочегар отличался не только сообразительностью, но и примерной исполнительностью и был любимцем Вагнера. Пономаренко отсутствовал.

Седьмая и первая роты понесли наиболее крупные потери, так как их кубрики были расположены ближе других от места взрыва.

После переклички офицеры с "Императрицы Марии" собрались в небольшой кают-компании крейсера, едва вмещавшей их всех. Слышался энергичный голос старшего инженер-механика георгиевского кавалера капитана первого ранга В. И. Белова.

– А я после первого взрыва выбежал на верхнюю палубу. . . смотрю. . . передней дымовой трубы – нет. Думаю, что за наваждение. Неужели я приказал снять трубу для какого нибудь ремонта и забыл об этом.

– Да не только дымовая труба, а и боевая рубка исчезла после первого взрыва – заметил один из летейнантов.

Старший офицер Городысский подождал, пока, не прекратятся разговоры и тогда объявил.

– Господам офицерам разрешено съехать на берег до подъема флага.. Но двое должны остаться дежурить на корабле. Может быть найдутся желающие?

Вагнер считал, что во время гибели дредноута он не проявил в должной мере ни инициативы, ни самоотверженности и недовольство самим собою мучительно угнетало его. Он жаждал сделать что-нибудь важное для флота в опасной обстановке. Но

такой обстановки пока не было и поэтому Вагнер тотчас же ухватился за предложение Городысского вступить в дежурство:

— Разрешите мне — торопливо проговорил он.

— И мне — присоединился старший из мичманов А. В. Плотто.

— Отлично — согласился Городысский и, пожалуйста, когда будет свободное время, составьте несколько отдельных списков матросовотсутствующих и присутствующих — добавил он, обращаясь к вступившим в дежурство мичманам.

— Есть — ответили оба мичмана.

Через несколько минут кают-компания опустела.

Перекличка показала, что из тысячи двухсот человек отборной команды "Императрицы Марии" более шестисот выбыло из строя, причем почти вся эта убыль была причинена первым взрывом. Среди офицеров не оказалось инж.-механика мичмана Игнатьева. Вскоре выяснилось, что после первого взрыва мичман Игнатьев, как и все офицеры, поднялся на верхнюю палубу, но через некоторое время в сопровождении двух кочегарных унтерофицеров Легачева и Дмитриенко спустился в третье котельное отделение. Там на платформе горела куча пакли, освещая своим пламенем помещение. Игнатьев послал кочегарного старшину Легачева на верхнюю решетку закрыть клапан, преграждающий доступ пару из кормовых котлов в носовую магистраль, а сам с помощью Дмитриенко приступил к зарядке топок. Через несколько минут пакля сгорела, пламя погасло и кочегарка погрузилась в мрак. Тогда же сверху раздался тревожный голос Легачева:

— Ваше благородие, кажись, переворачиваемся .

— Наверх — скомандовл Игнатьев.

Легачев, находившийся на два трапа выше котельной платформы, первым благополучно выбежал на верхнюю палубу. Дмитриенко, сотни раз лазивший по трапам своей кочегарки, повидимому хорошо ориентировался в темноте. Он быстро добрался до двери, ведущей из корридора для ветрогонок на жилую палубу.

Открыв эту дверь, он встретил стремительный поток воды, который едва не сбил его с ног. В этот же момент Дмитриенко услыхал, как мичман Игнатьев несколько раз вскрикнул. Оказать ему помощь уже было невозможно и крепкий унтер-офицер, с трудом преодолев сопротивление потока, успел выскочить на верхнюю палубу не слишком поздно для того, чтобы спастись.

Итак, мичман Игнатьев погиб не от взрыва; он утонул. Предсказание гадалки не исполнилось.

6

Безлунная, теплая южная ночь спустилась над Севастополем. На судах пропели молитвы. На крейсере "Императоре Александре Втором" в его огромных жилых трюмах в полумраке, точно тени, двигались завернутые в одеяла матросы и полушопотом делились впечатлением минувшего дня:

В кают-компании, тускло освещенной двумя стеариновыми свечами, за столом склонясь над кипою листов белой бумаги, сидели Плотто и Вагнер и усердно писали. Ни стук механизмов, ни говор матросов не доносились до них и вдруг эту ночную тишину прорезал мощный вой сирены. Оба офицеры от неожиданности вздрогнули, переглянулись, но тотчас же, овладев собою, снова принялись за свою работу. Они предполагали, что сирена, зазвучавшая в неурочное время, скоро замолкнет как обычно. Но вой сирены не прекращался, а становился настойчивее. Оба мичмана точно по команде вскочили и выбежали на палубу. Облокотившись на поручни, они стали всматриваться в даль, Вопль сирены продолжался, наростал. . . Казалось, исполинское существо взывало о помощи и одновременно с чувством, в котором смешались и страх и отвага отчаянья угрожало своему врагу, готовясь к смертельной схватке. Офицеры впивались глазами в ночной сумрак но не могли ничего рассмотреть.

– Уже не гибнет ли опять какой-нибудь большой корабль – с тревогой думали они.

Этот настойчивый вой томил. . . давил на нервную систему, и без того уже принявшую на себя большую нагрузку тяжелых впе-

чатлений. Но вот, наконец вой сирены оборвался.

— Ах, чтоб ее нелегкая побрала — облегченно вздохнув, проговорил Плотто. Однако, чтобы это могло значить?

— Да, странно — ответил Вагнер.

Возвратившись в кают-компанию оба мичмана опять молча склонились над листами бумаги.

7.

Седьмого октября крымская ночь была такая же чарующая, как всегда. В темносинем небе над Севастополем кротко мерцали звезды. С мечтательным тихим рокотом, будто нехотя, набегали на берег волны прибоя. Но на Приморском бульваре с эстрады не гремел оркестр, по аллеям с оживленным говором, не двигалась нарядная толпа и чудилась скорбь везде в сумраке на улицах этого, обычно жизнерадостного города.

8.

В ту же ночь седьмого октября уходил в море другой дредноут Черноморского флота — "Императрица Екатерина Вторая". Когда корабль снялся с якоря, один из инженер-механиков решил проверить действует ли сирена, и дернул за трос проведенный к рычагу клапан сирены. Тотчас же последовал вой. Но дернутый трос где-то застрял и не давал возможности в надлежащий момент клапану снова закрыться и выключить сирену из действия. Пока инженер-механик освобождал трос, сирена неистовым воем оглашала рейд и город.

Следовательно необычайный вой сирены оказался результатом простой случайности. Такова будет точка зрения каждого рассудительного скептика. Но у суеверного человека в этом случае есть причина предположить, что вой сирены служил предостережением исходившим из неведомой нам области таинствен ных сил, ибо, "Императрица Екатерина Вторая" далеко не ушла: она наткнулась на мель. И лишь утром ей удалось сняться с мели, после чего она принуждена была возвратиться в Севастополь.

9.

Несколько дней спустя после гибели "Императрицы Марии" на Севастопольском рейде, Вагнер подал рапорт, командиру корабля с ходатайством о представлении к награде унтер офицеров Любецкого и Мази, а также трюмного первой статьи Гришкова. Орденом св. Владимира был награжден инженер-механик старший лейтенант Пафомов за его действия в опасном районе погибающего судна.

Инженер-механик мичман Игнатьев получил посмертного Георгия и этот орден был отправлен в Кронштадт родителям героя.

* * *

Будь тверд и когда над твоей чистотою
Смеется толпа безрассудных людей,
Ты смело зови их идти за тобою
В отвергнутый мир христианских идей.
Умолкнуть насмешки зов властный заставит
И, может быть, тот, кто тебя осмеял,
Своим идеалом навеки поставит,
Внушенный тобою, святой идеал.
Стремясь к наслажденью, разврата тропою
Безвольные люди стадами идут,
Но ложность пути они чуют порою
И духом возвышенных лидеров ждут.

ДВА МАРША.

ЛИРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

Хмуро осеннее небо над Кронштадтом. Порою накрапывает дождь. Холодный ветер уныло поет дикую песню. и сметает последние листья с намокших площадок Петровского Парка. Гнутся и с бессильной злобой ропщут давно оголенные ветви деревьев.

Вдоль главной аллеи в походной форме стоят шеренги гардемарин Морского Инженерного Училища. Блестит серебро якорей на черном бархате погон. С тихим шелестом вьются и бьют по лицу шелковые ленты флотских фуражек. Ожидают прибытия праха капитана 1-го ранга Василия Карловича Гехенберга умершего в Крыму. Еще не так давно он уезжал туда с надеждой поправить свое рассшатанное здоровье, но теплый климат юга его не спас.

Все смотрят на залив. Неистово плещут, резвясь на просторе, мутно-желтые волны. Серою дымкой подернута даль. Монотонный рокот прибоя, низко нависшие тучи и скорбная цель ожидания навевают на гардемарин грустное настроение. Серьезны их лица. Не слышно их обычного бодрого говора. Медленно тянется время. Но вот по шеренгам пробежало оживление. Гардемарины пристальнее всматриваются в туманную даль. На гаризонте показался темный силуэт. То подымаясь, то опускаясь, переваливаясь с борта на борт, к берегу подходит небольшой пароход. Морские офицеры-друзья и сослуживцы усопшего несут с пристани коричневого цвета гроб. Ожидаются встречные почести. Слышится команда. Мелькают винтовки гардемарин и дружно застывают в положении "на караул". Процессия направля-

ется в расположенное по соседству с Петровским Парком здании Морского Инженерного Училища, где много лет читал лекции ныне покойный.

Сумрачно в небольшой церкви Училища. Правильными рядами неподвижно на вытяжку стоят гардемарины. У гроба точно застыли два рослых унтер-офицера, неся почетный караул. Мирно светятся желтые огоньки сотен восковых свечей. Играют отраженные их блики в серебряном шитье мундиров. Пахнет ладаном. Из кадила сизою струйкой вьется дымок. Молодой священник с печальным одухотворенным лицом проникновенно говорит слова молитвы. Ему громко вторит хор молодых голосов.

После панихиды перед фасадом огромного здания Училища широко раскинулся гардемаринский фронт. Блестят трубы многолюдного духового оркестра. Величественно звучит "Коль Славен". Медленно двигается высокий катафалк. Раздается команда.. Быстро производятся перестроения во взводные колонны и под раскаты похоронного марша стройными рядами, размеренным шагом, медленно выступают гардемарины с лесом винтовок на плечах.

Хмуро осеннее небо. Угрюмы большие каменные дома. С повседневной заботой снуют по улицам люди. Здесь и там стоят любопытные и смотрят на процессию. И, доминируя над этим скучным миром городской обыденщины, с мрачной торжественностью несутся могучие аккорды погребального марша Шопена. Дрожат, рыдают густые басовые звуки, точно излились с самого дна безысходного горя . . . и чудится в них что-то давно, быть может, с дней колыбели, знакомое, родное, но неясное, непередоваемое словами. Всколыхнулись глубины души, протянулись невидимые звенья к тайнам Нача́ла и Конца. . . и томят своею непостежимостью эти две великие тайны. И веет холодом могилы, жутью непроглядного мрака, гнетом вечной тишины.

Но вот другая, вкрадчивая мелодия мягко коснулась слуха. Это аккорды утешения. Наростают звуки новой мелодии. Это, быть может, призыв сбросить груз бесплодных сожалений, ибо

непродолжительна земная жизнь человека и нужно торопиться воспринять те радости, которые так скудно дарит она, и не должно быть страха перед концом земного существования, ибо Тот, Кто создал жизнь, повелел быть и смерти, и, если в жизни есть глубокий смысл, он должен заключаться и в смерти, и, быть может, восторгается освобожденная от тела душа, познавшая иное бытие.

Но снова нахлынули густые басовые звуки и снова веет холодом могилы и гнетом вечной тишины. . .

В такт аккордам оркестра медленно, но четко маршируют гардемарины. А далеко впереди, слегка покачиваясь, двигается высокий балдахин. Под ним лежит уже преобщенный к великой тайне. И вспоминается гардемаринам его небольшая хрупкая фигура, бледное, всегда серьезное лицо, умный пронизывающий взгляд зеленовато-серых глаз и его сжатая речь, с изумительной ясностью трактовавшая о самых сложных проблемах науки.

Кончается людный проспэкт; открывается широкая городская площадь; показываются ворота, от которых дорога ведет к кладбищу. Процессия останавливается. Опять служат панихиду. Опять берут на караул винтовки. В последний раз перед гардемаринским фронтом проходит катафалк и, окруженный густою толпой народа, скрывается за воротами. Сухо трещат традиционные три залпа из винтовок. Глухою тоскою отдается в сердце стук замыкающих шествие экипажей. Водворяется тишина. Медленно ползут секунды. . . И, вдруг, громко грянул веселый походный марш, дерзко нарушив торжественность молчания. Рассеиваются мрачные впечатления от похорон. Радостное чувство жизни овладевает гардемаринами. Бодро звучит команда. Ловко взлетают на плечи винтовки и отряд устремляется в обратный путь.

Хмуро осеннее небо. Угрюмы намокшие дома. Но на улице гремит заливается марш "Старые Друзья". Точно волны бурного потока, сокрушающего все преграды на пути, несутся звуч-

ные аккорды оркестра, широко вливая бодрость в марширующих гардемарин. И не чувствуется ненастья и улыбаются лица встречных прохожих.

Быстро идут шеренги. Разрумянились юные лица под черными лентами фуражек. Гудит мостовая от четкого шага. . . И кажется: в душе каждого из этих, как бы с вызовом судьбе смотрящих вперед юношей звучат одни и те же слова: "Прости, педагог! Ты уже исполнил предначертанное тебе в пределах земного бытия и взят в потусторонний мир. Мы навсегда сохраним о тебе благодарную память. Но нас молодые силы властно к жизни зовут и мы идем навстречу этому зову для выполнения тех задач, к которым ты так старательно готовил нас".

ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ КРЕЙСЕРСКОЙ БРИГАДЫ.

Соло:
"Все наверх" звучит призыв
С якоря сниматься.
Рады мы идти в поход,
Чтоб за Русь сражаться.

Припев.

Хор:
Мчись стрелой без страха в бой,
Славная бригада, —
Умереть за край родной,
Морякам — отрада.

Уж бригада крейсеров
Мчится в даль морскую.
Дружно гряньте, молодцы,
Песню удалую.

Припев.

Скрылись в дымке голубой
Берега родные;
Волны пенятся, шумят,
Бьют в борты стальные.

Припев.

Вспомним, братцы, кто мечтой
Всюду в море с нами . . .
Громче пойте, молодцы ,
Песню над волнами.

Припев.

Не томи себя тоской,
Девушка родная;
Образ твой в мечтах встает ,
Душу мне лаская.

Припев.

Как заря, любовь всегда
Юность озаряет,
В час суровый моряка
Властно ободряет.

Припев.

Чу, тревога, по местам!
Смело вступим в битву . . .
Ты ж, родная, за меня
Сотвори молитву.

Припев.

Грянул залп . В сердцах бойцов
Вспыхнула отвага.
Твердо стой! – не посрамим
Мы родного флага.

Припев.

НЕОЖИДАННЫЙ ВИЗИТЕР.

1.

В страстную субботу весь день с Черного Моря дул крепкий ветер, но после захода солнца внезапно затих. Небо сплошь подернулось облаками. Густой сумрак окутал Новороссийск, распластавшийся на берегах одной из северо-восточных бухт. В темноте между берегами смутно белела полоса мола. О его бетонную твердыню яростно бились волны и беспрестанно доносился их угрожающий рокот. Но за молом, на внутреннем рейде было спокойно и там блестели вереницы круглых огней и едва заметно обозначались гигантские силуэты военных кораблей, недавно прибывших в Новороссийск. Черноморская эскадра была вынуждена покинуть Севастополь под давлением германских войск, которые приблизились к южной окраине Крымского полуострова. Последними оставили свою гавань дредноуты. Они снялись с якоря ровно в 11 часов ночи во вторник на страстной неделе 30-го апреля 1918 года и благополучно вышли в море под огнем неприятельской артиллерии, успевшей занять прибрежные бастионы и стрелявшей в упор по русским короблям.

Появление на рейде Новороссийска всей революционной эскадры встревожило многих жителей города. У них еще свежо было воспоминание о кровавой расправе, устроенной три месяца тому назад командой миноносца "Керч" и теперь они ожидали новых более грандиозных выступлений матросов во имя борьбы с контр-революцией.. Большие магазины закрылись. Движение

на главных улицах почти замерло. Тысячи горожан прятались в домах. Но матросы против ожидания вели себя миролюбиво. По городу стали ходить правильно организованные патрули и везде поддерживался полный порядок. Горожане мало-по-малу успокоились, вышли из своих убежищ и в страстную субботу в снова открывшихся магазинах торопливо закупали все необходимое для встречи Светлого Праздника.

Темна и угрюма была Святая Ночь. Но это обстоятельство нисколько не омрачало настроения многочисленных прохожих, которые, несмотря на поздний час, хлопотливо сновали по улицам.

В слегка влажном воздухе ощущалась приятная теплота. Из городских садов струился запах недавно распустившихся листьев. То была ночь, когда особенно остро чувствуется весна и ожидание неведомого, но желанного счастья, будит в недрах души буйную радость.

Светились окна церквей и туда непрерывно текли потоки богомольцев. Праздничное настроение постепенно охватывало город и всюду веяло обаянием того далекого времени, когда Учитель окруженный толпою учеников, ходил из селения в селенье, вещая великие истины, легшие в основу христианского учения.

II.

Царила тишина в городской тюрьме. Небольшая электрическая лампа тускло озаряла длинный корридор, из которого многочисленные двери вели в арестанские камеры. Все они были пусты за исключением одной, расположенной у входа в корридор. В той камере сидело шесть армейских офицеров. Их группа состояла из молодежи. Младшему из узников, Диме Суворину, недавно исполнилось только двадцать лет. Офицеры находились в заключении уже более, чем в продолжении двух месяцев. Раньше часто раздавался тяжелый топот в корридоре, скрипела отворяемая дверь одной из камер и звучала грубая брань. Тогда все узники знали, что ведут на расстрел очередную партию арестованных, подлежащих уничтожению лишь за их принадлежность к офицерскому званию и за воздержание от уча-

стия в революционном движении. Прислушиваясь к удаляющимся шагам палачей и обреченных на смерть Дима и сидевшие с ним его бывшие соратники испытывали смешанное чувство жалости, возмущения и страха за собственную участь. Каждый день они ожидали, что с обычным, бьющим по нервам, скрипом откроется дверь и их камеры и с обычной злобной бранью их поведут на расстрел. Постоянное ожидание смерти, при полном бессилии бороться за жизнь становилось невыносимым. Узникам казалось, что их нервы уже не в состоянии дольше противостоять этой непрерывной крайней напряженности и неоднократно они говорили:

– Все равно пощады нам не будет. Так уж лучше скорее прикончили бы нас. Легче идти на смерть, чем томиться, беспре станно готовясь к ней.

Но через некоторое время топот красногвардейцев в коридоре стал раздаваться реже и, наконец, совсем прекратился, Было очевидно, что по какой то причине расстрелы приостановлены. В узников начала закрадываться надежда на освобождение. Как вдруг в страстную субботу утром к ним проникла плохая весть: один из тюремных надзирателей злорадно усмехааясь сообщил:

– Пришла черноморская эскадра. Теперь ждите к себе гостей. Матросы – народ "сурьезный" за революцию стоят горой, и церемониться с вами не будут.

Вспыхнувшая в узниках искра надежды погасла и леденящее чувство обреченности снова овладело ими. Они равнодушно относились к приближению Пасхи, полагая, что этот Праздник не для них уже готовых приобщиться к великой тайне смерти. И в святую ночь в камере господствовало уныние. Офицеры молча лежали на нарах, стараясь ни о чем не думать.

Заснуть, чтобы хотя немного отдохнуть от гнетущей действительности, было их единственное желание. Но сон, точно глумясь, не приходил. Лишь Дима Суворин не разделял общей подавленности настроения. Будучи религиозным, он ни на одну минуту не забывал, какая теперь ночь. Сидя на деревянной скамье и опершись локтями о колена, он опустил голову на ладони

рук и задумчиво смотрел на темный квадрат небольшого окна. Он мысленно уносился за стены тюрьмы в городские храмы, где тысячи людей уже стояли в ожидании торжественного момента полуночи. И Диме вспомнилась последняя Пасха, проведенная в кругу родной семьи. То была Пасха 1916 года. Дима тогда уже кончил гимназию, и вместе с двумя сестрами гимназистками приехал на пасхальные каникулы из города в усадьбу к матери.

К светлой заутрени, как обычно, поехали в соседнее село. Просторная церковь едва вмешала молящихся. Просто, но строй но пел сельский хор и все время выделялся изумительно чистый женский голос. Этот голос освежающей струею лился в глубины души. Диме казалось, что в храме он возвысился над прозаическими житейскими мелочами и объят ореолом моральной чистоты. Иногда он украдкою наблюдал за матерью и сестрами. Их миловидные и такие родные ему лица, одухотворенные величием момента, становились ему еше роднее. Дима почувствовал, что не только беспредельно любит мать и сестер, но что ему дороги и старичек священник с лучистыми, серыми глазами и все крестьяне здесь в церкви, застывшие в благоговейном молчании с восковыми свечами в руках. Сознание наличия в себе этого, бившего через край альтруизма, доставляло Диме глубокое моральное удовлетворение. Дима стоял на своем обыч ном месте, где рядом на стене, даровитым художником был изображен Спаситель среди детей, которых Он ласкает. Это изображение очень нравилось Диме. Он долго смотрел на кроткий Лик Христа и, вдруг ему так ясен стал весь чудесный смысл завета: "возлюби своего ближнего, как самого себя".

– Чувство любви к людям само по себе доставляет большую радость и эта радость возрастает, когда, совершая добро для того, кого любишь. видишь его счастливым. Следовательно христианин, исполняющий великий завет Спасителя не только способствует достижению общечеловеческого благополучия, но и сам, уже в земном существовании, обретает духовную награду. – К этому заключению пришел Дима, стоя в церкви у за-

утрени.

Никогда прежде Дима не испытывал в такой мере светлого праздничного настроения, как в ту незабвенную пасхальную ночь. Переживания тогда всколыхнувшиеся в нем, на всю жизнь оставили след в его душе.

Вспомнились Диме и последние дни, проведенные в родной усадьбе зимой, перед отъездом на Кавказский фронт, после окончания военного училища и производства в чин прапорщика. Воображение ему рисовало уютную, с детских лет знакомую, столовую. . . На столе задумчиво шумит самовар. Ярко начищенная медь отражает лучи скудного январьского солнца. . . . Отца в столовой нет: он давно убит на войне. Отсутствуют и сестры: они учатся в гимназии в уездном городе. . . Дима видит пристально устремленный на него взор матери и ему кажется, что из ее красивых и добрых карих глаз излучается теплота, от которой у него хорошо на сердце. Он замечает, что чуткость матери обострена до крайности. Она угадывает и исполняет всякое его малейшее желание, прежде чем он сам успеет сделать попытку осуществить это желание. Диме иногда становится даже, неловко от той заботливости, которою он окружен. . .

В те дни перед разлукой с матерью Дима в полной мере постиг, как велика сила материнской любви. . .

– Дома, в кругу родной семьи я был центром забот и внимания и моя ценность, как отдельной личности, считалась чрезвычайно высокой – размышлял Дима. – На фронте я оказался лишь мало заметной частицей огромного целого, именуемого армией, и, соотвественно, моя индивидуальная ценность стала весьма незначительной. Но все же на фронте в какой-то мере мною дорожили и начальники и солдаты и там в минуты опасности меня воодушевляло сознание, что я защищаю отечество. Здесь же не только совершенно не дорожат мною, но, даже, намерены от меня избавиться, как от вредного существа и здесь ничто не ободряет меня перед лицом надвигающейся смерти. Может быть завтра или сегодня ночью ворвутся в тюрьму матросы, и в од-

но мгновение будет уничтожена моя жизнь, а эту же самую жизнь так долго и с таким напряжением любви оберегала мама. . Какой потрясающий контраст между отношениями различных людей к одному и тому же лицу! Ужасно еще то, что погибну я бесцельно. . . Мама, вероятно, никогда не узнает о моей смерти и будет долго ожидать меня, надеясь, что я когда нибудь вернусь. Она лелеяла мечту видеть меня своей опорой в годы старости и, вот, ей предстоит горькое разочарование. . .

Диме стало болезненно жаль свою мать. Он ощутил как на его глаза навертываются слезы.

– Однако я совсем размяк – спохватился Дима, вспомнив, что он офицер. Стиснув плотно губы, он усилием воли подавил рыдания, подступавшие к горлу.

– Как странно сложились обстоятельства – продолжал рассуждать Дима.

– Я не сочувствовал революции с самого ее начала. Но видя вокруг счастливые лица солдат, я подумал, что может быть я просто эгоист и потому не разделяю всеобщей радости. Я даже, пытался заставить себя полюбить все эти, вызванные революцией, перемены, но тщетно, ибо сердце к ним не лежало. И чем же я виноват, что не верю в возможность того блага, какое от социализма ожидают миллионы русских людей. Но зла я никому не желаю и любил и продолжаю любить родной народ со всеми его достоинствами и недостатками, а этот же самый народ лишил меня свободы и, может быть, скоро лишит жизни... и Диме вдруг показался чудовищно жестоким и нелепым тот факт, что его держат в тюрьме, когда он преисполнен самых лучших намерений. Все в нем возмущалось и протестовало против этой несправедливости.

– Матросы и солдаты истребляют русскую ителлигенцию вообще и особенно офицеров в частности, но "они не ведают, что творят". Вина за их действия ложится на революционных вождей, которые путем демагогии в простых, необразованных людях всколыхнули все самое дурное, что прежде пассивно таилось в подсознательных глубинах души под наслоением добрых

чувств и побуждений. Но вожди большевиков, потакая жестоким поступкам своих последователей, делают их, равно как и самих себя, непригодными для созидания благополучия в России. Привыкнув безнаказанно убивать всякого, кто им не нравится, большевики потом, когда уничтожат политических противников начнут безжалостно истреблять друг друга в взаимных ссорах, которые неизбежны при их озлобленности и нетерпимости. . . Как все это печально и как далеко от идеалов христианства. . . – так думал Дима.

А из тюремной канцелярии, через приоткрытую в корридор дверь доносились тяжелые шаги. То дежурный надзиратель Никифор, заложив руки за спину, мрачно ходил взад и вперед по комнате. Он был очень недоволен назначением в дежурство накануне Пасхи. Вскоре после революции Никифор примкнул к атеистам, но отнюдь не в силу логических доводов рассудка, заставивших его прийти к отрицанию Бога. Ему просто казалось, что атеизм есть признак левого уклона, а так как он хотел быть по возможности левее, то на одном из партийных собраний большевиков и поспешил объявить себя атеистом и был весьма польщен, когда получил всеобщее одобрение. Но когда он сделал попытку убрать иконы из своего дома, то его жена Марфа, женщина богомольная и стойкая в убеждениях, решительно заявила:

– Если ты на старости лет одурел и стал безбожником, то это – твое дело, но если ты снимишь хотя бы одну икону, то я с детьми уйду из дому и тогда ищи себе другую жену.

Марфа обладала характером более сильным, чем Никифор, и в семейных ссорах он обычно ей уступал. Уступил и на этот раз:

– Ну ладно – поторопился он успокоить жену. – Мне что? мне все равно: пусть висят иконы, коли хочешь.

В сущности Никифор против икон ничего не имел. Он только боялся, что их присутствие в его доме может испортить репутацию идейного большевика. Однако, когда явилась необходимость выбрать одно из двух: репутацию или семейное сча-

стье, то он не колеблясь предпочел последнее. Во время великого поста Никифор незаметно пришел к выводу, что быть безбожником не так просто, как он предполагал. Прежде Пасха бы ла для него большим и желанным событием. Ожидание Светлого Праздника на протяжении всего поста заполняло его жизнь и сообщало ему духовный подъем.

Теперь же он чувствовал, что в его существовании образовалась пустота. Он не знал, как ее заполнить и это обстоятельство раздражало и угнетало его. Теперь в святую ночьвопреки доводам рассудка его влекло в церковь и в этом он не мог не сознаться себе.

– И для чего это большевики придумали "атеизм"? почему нельзя строить социалистическое государство и в то же время ходить в церковь? Разве я стал лучше оттого, что сделался без божником? Вот Марфа не пропустит ни одной обедни, а баба она хорошая, другой такой не сыскать – так про себя рассуждал Никифор. . .

Вдруг прокатился гулкий звук. Это был первый удар в большой колокол Новороссийского собора. Никифор остановился, снял фуражку и хотел перекреститься, но, вспомнив, что он теперь атеист, замялся и, простояв в нерешительности несколько секунд, снова одел фуражку, с досадой махнул рукою и опять зашагал по комнате.

– Вот Марфа и ребята скоро возвратятся с заутрени и сядут разговляться – подумал он, Его воображению ясно представилась по праздничному прибранная комната и пасхальный стол, на котором стоят миска с наваристым борщом и противни с румяными пирогами. Если Никифор не счел себя в праве перекреститься, то против разговен никаких возражений не нашел и его непреодолимо потянуло домой.

– И какого "рожна" я здесь торчу – продолжал размышлять себе в угоду Никифор. – Дверь арестанской на замке: белобандитам не по силам ее выломать да и снаружи стоит часовой. Значит, если я отлучусь на часок, ничего не случится,а я разговеюсь и сейчас – же назад.

И Никифор уже приготовился покинуть тюрьму, как вдруг наружная дверь широко распахнулась и в канцелярию вошел исполин в темносерой матросской шинели и во флотской фуражке с козырьком. Он был необычайно широк в плечах; под шинелью четко вырисовывалась выпуклая грудь; на красивом, немного смуглом лице пылал румянец. Казалось, он был насыщен здоровьем и силой.

– Здорово отец! С праздником! – прогудел низкий голос незнакомца.

– Здрасте, товарищ – сухо пробормотал Никифор очень недовольный вторжением постороннего человека.

Приветливая улыбка тотчас же исчезла с лица матроса. Он недружелюбно взглянул на Никифора и сурово спросил:

– Арестованные есть?

– Есть – ответил надзиратель.

– А кто такие?

– Да все "ахфицера".

– За что они сидят?

– Известно за что – за контр-революционность.

Матрос усмехнулся.

А ну ка проведи меня к ним – потребовал он.

– А вам зачем, товарищ? – спросил надзиратель.

– Как зачем? – похристосоваться хочу, забыл что-ли какая сегодня ночь?

Никифор подозрительно посмотрел на матроса и сердито заметил:

– Не велено посторонних к арестантам допускать. –

– А мне какое дело! Ты отец у меня не мудри, а исполняй то, что я тебе говорю. Понял?

В голосе матроса прозвучала угроза и он вплотную подошел к Никифору. Надзиратель, казавшийся мальчиком перед великаном моряком, боязливо съежился, торопливо достал связку ключей и, войдя в корридор, дрожащей рукою отомкнул ближайшую дверь. Матрос тотчас же очутился в камере. Все заключенные, точно по команде, вскочили со своих нар. Их лица покрыла

бледность.

— Конец — подумал Дима, и его сердце болезненно сжалось.

Но гигант громко и с воодушевлением произнес:

— Христос Воскресе! — и к изумлению офицеров он трижды по целовался с каждым из них и дал каждому по крашеному яичку, извлеченному из кармана неимоверной емкости. Никифор, приоткрыв рот, наблюдал за этой сценой и, казалось, не верил своим глазам.

— Эх, в такую ночь и — за решеткой — сочувственно проговорил матрос и окончательно ошеломил надзирателя, заявив:

— Слушай отец, а я всех твоих арестантов возьму с собою на корабль, разговляться.

— Что вы, товарищ, да разве это можно, да и караул у наружных ворот вас без пропуска задержит — залепетал растерявшийся Никифор.

— Так давай пропуск.

— Я и рад бы, да не уполномочен.

— А кто же уполномочен?

— Тюремный комиссар.

— Где-ж он, твой комиссар?

— Они живут тут же по соседству.

— Тащи его сюда да пошевеливайся, а то всю вашу тюрьму разворочу.

Перепуганный надзиратель пустился бегом за комиссаром.

Через несколько минут возвратился запыхавшийся Никифор, а за ним в канцелярию вошел, одетый в кожаную куртку, рослый и коренастый мужчина, с бритым, лоснящимся лицом. Это был комиссар. Он беспечно пировал с приятелями у себя на квартире, когда к нему ворвался Никифор.

— Товарищ комиссар, в тюрьму пришли матросы... скандалят... требуют арестованных на корабль — взволнованно сообщил Ники фор.

— А сколько их, матросов-то — спросил комиссар.

— Один.

— Ах, только-то, так чего же ты испугался? С одним мы лег-

ко сладим. Вы, товарищи, извините меня: я наведу только порядок и сейчас же возвращусь. А вы продолжайте закусывать. — проговорил комиссар, обращаясь к гостям и с деловитой поспешностью вышел из квартиры. Идя в тюрьму, комиссар имел вполне определенное намерение взять непрошенного гостя за шиворот и вытолкать вон. Но от этого намерения не осталось и следа, когда он увидел, каков был непрошенный гость. Даже комиссар, несмотря на свой сравнительно высокий рост, почувствовал себя незначительным в присутствии матроса и пожалел, что понадеевшись на свою силу, не захватил с собою револьвера.

— Чем могу служить, товарищ — спросил он моряка, невольно стараясь быть, как можно учтивее.

— А вот хочу арестованных взять на корабль, разговляться, так мне нужен пропуск.

— Очень сожалею, товарищ, но пропуск выдать не могу. Посудите сами: вы уведете арестованных, а я должен буду за них отвечать. Меня могут обвинить в сочувственном отношении к контр-революционерам. Вас на корабле не достанут, а меня под мушку поставят. И чего вы так торопитесь? Пройдут праздники, тогда и обратитесь в Совет военных и рабочих депутатов. Там матросов уважают и вашего ходатайства за арестованных без внимания не оставят.

Доводы комиссара на матроса подействовали.

— Ладно — сказал он, — ничего не поделаешь: придется подождать. А вот этого, самого молодого — матрос указал на Диму — я, всетаки, возьму теперь же, На что он Вам? Ведь он, можно сказать еще дитя. Пиши пропуск!

— Нет, даже одного, хотя бы самого молодого, не могу отпустить — возразил комиссар.

— Можешь. Очков мне не втирай! Пиши лучше пропуск — настаивал матрос.

— Да сказал же, не могу. Какой вы, право, несознательный товарищ! — разраженно заметил комиссар.

В глазах великана сверкнули недобрые огоньки. Быстро сделав шаг в сторону, он заслонил собою выход в дверь.

— Пиши пропуск! говорят тебе — прогремел его зычный голос и тяжелый кулак с треском опустился на стол, заставив подпрыгнуть чернильный прибор и груду деловых книг.

— Вот здесь все, что тебе нужно, — добавил он более спокойно, кладя перед комиссаром лист чистой бумаги и перо — пиши!..

Комиссар побледнел, покосился на огромную кисть руки, так выразительно лежавшую рядом с листом бумаги, потом перевел взгляд на богатырские плечи моряка, на его мужественное лицо, отражавшее непоколебимую решимость и, схватив перо, торопливо написал пропуск, скрепил свою подпись печатью и подал великану.

— Давно бы так — одобрил моряк и, сложив бумагу, сунул ее за обшлаг рукава своей шинели.

— Идемте — предложил он Диме.

Юноша сделал шаг вперед и остановился: в него закралось подозрение.

— Идемте, не бойтесь — ободрил матрос. Дима устремил на него испытующий взгляд. Большие карие глаза великана смотрели ласково и в них Диме вдруг показалось что-то родное, что-то похожее на выражение глаз его матери, которое он часто замечал в памятные дни перед отъездом на фронт. Дима проникся доверием и смело направился к выходу.

— Ну, пока, счастливо оставаться. Не унывайте: я позабочусь и о Вас — сказал матрос, обращаясь к остальным офицерам и, кивнув им на прощанье головою, удалился вслед за Димой.

Офицеры, стоя в корридоре и переглядываясь, с захватывающим интересом наблюдали за всей этой сценой, происходившей в канцелярии. Но как только матрос скрылся за дверью, они торопливо возвратились в свою камеру. Дверь за ними мгновенно захлопнулась и безжалостно звякнул замок.

— Ну и верзила же! Что с таким поделаешь? Попробуй его тронуть, — за него вся эскадра вступится — оправдывался комиссар перед Никифиром и самим собою. — Только на какие разговены он парнишку-то повел? Ой, сдается мне, что офицерику не увидеть завтрашнего дня. Впрочем, я не беспокоился бы от

носительно контр-революционера, если бы он не был на моей ответственности. Вы товарищ Никифор, дверь за мной закройте на задвижку, а то кабы еще кто-нибудь в таком же роде не пожалывал бы к нам с эскадры. Ведь матросы — ребята отчаянные.

Сделав это назидание Никифору комиссар покинул канцелярию. Надзиратель закрыл дверь на задвижку и снова стал ходить взад и вперед по комнате. Его настроение было окончательно испорчено, и он про себя бранил: и офицеров, и комиссара, и, более всего матроса, который так неожиданно расстроил его планы.

А камера для заключенных наполнилась таким возбужденным говором, какой там прежде никогда не раздавался. Каждый из обитателей камеры торопился изложить свои соображения по поводу появления неожиданного визитера.

— Вот так сюрприз! Никак не ожидал подобного поступка от матроса — воскликнул один.

— А громадина же этот моряк, настоящий Голиаф, но, как видно, симпатичный парень — сказал другой.

— Но не предполагаете-ли вы, господа, что матрос просто заманил Суворина в ловушку, дабы вывести его в расход — осторожно заметил третий.

— Что за подозрительность такая! — возмутился старший из офицеров, капитан Мурашев. — Стал бы он христосоваться с нами и дарить нам крашеные яйца, если замышлял убийство. И, потом, обратили ли вы внимания, какие у него добрые глаза и сколько искренности было в его голосе, когда он выразил нам сочувствие по поводу нашего пребывания за решеткой. До настоящего момента я был пессимистом в бо́льшей мере, чем кто-либо из вас. Но теперь я уверен, что избавление близко. Я это чувствую всеми фибрами души. . . Однако, что же мы? . . забыли совсем. . . Христос Воскресе, господа!

— Воистину Воскресе! — дружным хором ответили капитану все присутствующие и стали христосоваться друг с другом. Умиротворенное настроение овладело ими. Пусть была еще заперта

тяжелая дубовая дверь, но узникам казалось, что в камеру уже хлынула живительная струя желанной свободы. Каждый из них держал в руках крашеное яичко и с чувством благоговения смот рел на него. Эта эмблема Пасхи для каждого из них была связующим звеном с внешним миром, куда все они так болезненно стремились. А сквозь решетку в окно, ликуя и все наростая врывались могучие звуки пасхального звона, напоминая о торжестве жизни над смертью, добра над злом.

III

На рейде в кают компании флагманского дредноута происходили разговены. В то время, к которому относится наш рассказ, экономическая разруха еще не успела коснуться Новороссийска. В городе находился значительный запас съестных припасов, и накрытый белоснежной скатертью длинный стол кают-компании был в изобилии уставлен всякими явствами. Величаво высились пирамиды творожной пасхи и куличи причудливо разукрашенные сахарной глазурью, ласкали взор цветистые груды яиц; на блюдах лежали розовые окорока; а между этими главными принадлежностями пасхального стола стояли разнообразные закуски и бутылки с красным и белым вином. За столом сидело человек тридцать пять офицеров без погон, но в опрятных кителях с блестящими пуговицами.

В Севастополе, за несколько дней до эвакуации, на военных кораблях произошли крупные перемены. Когда немцы, взяв Перекоп, стали быстро продвигаться в глубь Крыма, совет военных и рабочих депутатов, а также центрофлот обнаружили полную растерянность. Тогда матросы разочаровались в революционных учреждениях. В те тревожные, апрельские дни 1918 года матросы вдруг поняли, какое значение имеют офицеры, и им добровольно возвратили всю полноту власти. Дисциплина окрепла. На кораблях водварился порядок, какого уже давно не наблюдалось. Отношение к офицерам стало почтительным и в основе этой сознательной почтительности лежали доверие и дружеское чувство. На следующий же день после прихода эскадры в Новороссийск на каждом корабле вместо красного флага был

снова поднят старый Андреевский флаг. После декабрьских расстрелов и февральских Варфоломеевских ночей, после продолжительной жизни под постоянной угрозой возможности внезапной и нелепой расправы, офицеры, наконец, вздохнули свободно, и потому в кают-компании во время разговен царило необычайное оживление; шутки и веселый смех не умолкали. Разговены были в полном разгаре, когда к сидевшему на председательском месте старшему офицеру подошел вестовой и тихо доложил:

– Господин старший лейтенант Вас Бедрач просит, говорит – по важному делу.

На лице старшего офицера отразилась тревога. "Уж не затевают ли красноармейцы какое нибудь выступление на берегу" думал он, выходя из кают-компании. В корридоре он увидел хорошо ему знакомую исполинскую фигуру матроса, а рядом с нею – другую, в потертой шинели офицерского покроя.

– Что скажете Бедрач – приветливо спросил старший офицер.

– Господин старший лейтенант, разрешите доложить – рапортовал матрос – я зашел в тюрьму, чтобы поздравить заключенных. Оказывается сидят в тюрьме только шесть человек офицеров и, конечно, без всякой вины. Хотел я всех освободить, да не удалось. Попытаюсь это сделать после Пасхи, а вот их – матрос движением головы указал на Диму – я всетаки привел на корабль. Думаю, может быть наши господа офицеры их примут.

– Конечно, конечно, – поторопился успокоить его старший офицер. Ваш поступок, Бедрач, выше всякой похвалы. Я доложу обо всем слышанном от Вас командиру, а он в свою очередь доложит командующему и я уверен, что адмирал сделает все возможное дабы помочь Вам избавить от тюрьмы и остальных узников. А теперь идите с Богом в кубрик разговляться.

– Есть – четко ответил матрос и, круто повернувшись на каблуках, большими шагами направился в свое помещение.

– Я искренне рад вашему освобождению – ласково проговорил старший лейтенант, крепко пожимая Диме руку, – На нашем корабле вы находитесь в полной безопасности. Прошу пожаловать в

кают-компанию; там у нас разговены. Офицеры будут Вам рады.

— Господа! — раздался звучный баритон старшего офицера, как только он и Дима вошли в кают-компанию. Шумный говор и смех тотчас же прекратились и Дима почувствовал себя крайне смущенным под десятками пристальных взглядов, устремленных на него.

— Дима! Какими судьбами!... Вот неожиданно! — с этими восклицаниями высокий стройный мичман с голубыми глазами встал из за стола, подошел к Диме, похристосовался с ним и заключил его в свои объятья. Господа — обратился мичман к офицерам — разрешите представить: Дмитрий Александрович Суворин, мой двоюродный брат и друг детства.

— Вот и отлично — обрадовался старший офицер. — В таком случае, Александр Николаевич, вы возьмите вашего кузена под свое покровительство.

— Есть — охотно согласился мичман Корин и усадил Диму рядом с собою. Перед Димой мгновенно появились прибор и рюмка с душистым вином.

Старший офицер провозгласил один за другим два тоста: первый — за Диму, второй за Бедрача. Оба тоста были дружно и шумно поддержаны всеми присутствующими. Смущение Димы скоро исчезло, чему способствовали: и близость родного человека, и выпитое вино и та исключительная задушевность, с какой моряки у себя на корабле принимают гостей. Тюрьма и связанные с нею страдания отодвигались в прошлое, теряли свою реальность и с каждой минутой все роднее ему становилась окружающая среда. Диме начало казаться, что он давно находится в кают-компании, давно знает и любит всех этих молодых, жизнерадостных и таких сердечных офицеров.

Уже занималась заря, когда окончились разговены в кают-компании. Мичман Корин увел Диму к себе в каюту, где были две кровати, расположенные одна над другой. Дима с наслаждением растянулся на свежей простыне под теплым, мягким одеялом и приятная истома тотчас же овладела им. Мысли в голове начали путаться и вдруг ему явственно почудилось лицо красавца матроса и послышался низкий грудной голос, ласково говорящий: "идем

те не бойтесь". Дима почувствовал прилив благодарности к своему избавителю. Ему захотелось встать, розыскать матроса и обнять его. Но образ матроса расплылся; вместо него стали нагромождаться другие образы. . . и Дима погрузился в крепкий сон.

1У

Бедрач сдержал свое слово: как только окончились праздники, он начал энергично хлопотать об освобождении офицеров, которые продолжали находиться в тюрьме. Он появлялся: то в совете военных и рабочих депутатов, то в комиссии по борьбе с контр-революцией, всюду внушая к себе почтение своей исключительной внешностью и достоинством, с которым себя держал. И благодаря его стараниям, а также заступничеству командующего эскадрой – адмирала Саблина, офицеры были выпущены из тюрьмы и все они изъявили желание вступить в личный состав того линейного корабля, на котором плавал их избавитель. И вот на дредноуте появилось пять новых матросов, выделявшихся из тысячи двухсот человек команды тонкими чертами своих, еще не успевших обветриться лиц. Этим офицерам – матросам после продолжительного пребывания в тюремной камере всякая работа на свободе казалась чрезвычайно приятной. Они рано утром охотно драили палубу и скатывали ее из шланга прозрачной, соленой водой. Полной грудью они вдыхали свежий морской воздух и любовались ярко-синими, увенчанными пеной, волнами. И на корабле и на берегу всей душой отдавались они радостному чувству свободы. Их отношение к Бедрачу было наполнено исключительным вниманием. При каждом удобном случае они выявляли матросу свою искреннюю благодарность. Особенно чуткого друга приобрел Бедрач в лице Димы Суворина, который, как родственник морского офицера, был оставлен при кают-компании.

У.

Бедрач был более семи футов ростом и отличался крепким телосложением. В Севастополе на дредноут он прибыл всего лишь за месяц до эвакуации, но очень скоро приобрел всеобщую известность среди личного состава корабля, так как всюду выделялся своими размерами даже из числа наиболее рослых матросов. Он

ходил крючковым на паровом катере и офицерам доставляло удовольствие смотреть, как силач матрос, ухватившись крюком за трап, одною рукой подтягивал к борту судна тяжелый катер.

В политическом отношении Бедрач принадлежал к категории умеренно настроенных и рассудительных матросов, которые не поддавались влиянию набатных речей поверхностных ораторов. Такие матросы почти никогда сами не выступали на митингах, но внимательно слушали, что говорят другие и потом где-нибудь на палубе или в кубрике, в кругу близких приятелей, высказывали собственные соображения, нередко поражавшие здравостью смысла.

Будучи популярным среди команды, Бедрач пользовался и симпатией кают-компании. Отношение к нему кают-компании стало особенно дружелюбным после того, как он освободил из тюрьмы Диму Суворина и других офицеров.

Но бравый матрос недолго пробыл в Новороссийске. Его неудержимо влекло назад в Крым, где он оставил своих родных. Отличаясь смелостью, он совершенно игнорировал распускаемые большевистскими агитаторами слухи о том, что немцы беспощадно уничтожают русских моряков. Нашлось еще несколько матросов, которые, как и Бедрач, рвались в Крым к своим семьям. Все они были уверены, что оккупация Крыма германцами продлится недолго и что их присутствие там может пригодиться, когда наступит благоприятный момент для освобождения родины от неприятеля. Из этих матросов Бедрач составил группу, которая приобрела большую шлюпку, установила на ней паруса и в одно ясное тихое утро пустились в путь, взяв курс на Крым.

В Новороссийске матросы беспрепятственно отпускались с кораблей, так как в то время флот считался укомплектованным на добровольных началах.

Перед тем, как покинуть дредноут, Бедрач зашел в кают-компанию проститься. На нем уже была статская одежда: светлый чесунчевый пиджак и белая сорочка с черным галстуком, которые так шли к его красивому, загорелому лицу. Большое кресло, в котором сидел Бедрач, немилосердно скрипело под его тяжестью

при его каждом малейшем движении, Офицеры тепло расстались со своим любимцем, пожелав ему счастливого пути и, высказав искреннее сожаление по поводу его ухода.

Дальнейшая судьба Бедрача автору рассказа неизвестна. Но здесь в Сан Франциско каждый раз, когда наступает Пасха, автор рассказа, вспоминая, как проводил этот праздник в различной обстановке на родине, неизменно вспоминает и Новороссийск. И тогда в его воображении отчетливо встает светлый образ богатыря матроса, который в святую ночь проник в тюрьму, утешил и ободрил узников и таким образом исполнил свой долг истинного христианина, ибо: "Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам, от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне".

МОРСКОЙ МАРШ.

Родной наш порт мы покидаем:
Нам долг велит идти скорей;
Уж "все наверх" слышна команда,
Снялась эскадра с якорей.
Преград не зная на просторе,
Быстрее ветра по волнам
Идут стальные великаны
Навстречу солнечным лучам.
Засвищет шторм – сердца не дрогнут
Стихии гордой сыновей;
В нас бодрость будит вид могучий
Колонн линейных кораблей.

На горизонте показались
Отряды грозные врагов;
Тревогу горны заиграли
Зовут на подвиг моряков .
Возьмемся ж дружно за работу,
Чтоб славу флота поддержать! –
Все наши силы мы готовы
За благо родины отдать.
Гремят орудия – гиганты,
Огней взвиваются клубы,
Снаряды рвутся, подымая
У борта белые столбы .
За залпом залп . . . Там в душных башнях
Тяжел опасный труд бойцов,
Но бодрость духа в них не гаснет,
Кипит работа удальцов.
И враг разбит,и отступает.
Окончен бой, гремит отбой.
Победно вьются наши флаги, –
Спешит эскадра в край родной.
И ждут приветливые взоры
И ждут уж чары пылких слов
На берегу России милой
Стяжавших славу моряков.

ПЕРВЫЙ ПОХОД НА "ИЛЬЕ МУРОМЦЕ".

Высокое, просторное машинное отделение канонерской лодки Сибирской Флотилии "Ильи Муромца" ярко освещено электрическими лампами. Ритмично стучит главная машина; монотонно жужжит динамо. Скользят то вниз, то вверх поршневые штоки; качаясь, двигаются огромные стальные шатуны; равномерно вращается коленчатый вал.

Старший инженер-механик "Ильи Муромца" лейтенант Вагнер, слегка опустив голову, медленно шагает по железным плитам платформы машинного отделения. Он часто останавливается и внимательно прислушивается, но не улавливает ни единого звука, который указывал бы на неправильность действия какого-нибудь механизма. Разнообразные мысли проносятся в голове Вагнера. Каждая из них будит тот или иной отзвук эмоций и исчезает, уступая место другой. Но одна и та же мысль снова и снова настойчиво возвращается к Вагнеру в форме вопроса: стоит ли жить, если, как ему кажется, нет надежды на достижение цели, которая могла бы составить ему счастье. Но не будучи пессимистом по своей натуре, Вагнер не торопится окончательно прийти к трагическому решению лишить себя жизни, а спокойно всматривается в создавшийся круг обстоятельств.

— Уж не слишком ли я сгущаю мрачные краски на фоне моей будущности? — думает он. — Если, даже, определенно окажется недоступной для меня главная цель, то разве не существует других целей, достижение которых заполнит смыслом мою жизнь? Прочь малодушие! . . — и усилием воли Вагнер отгоняет навязчиваю мысль. В этот момент к нему подходят вахтенные машенисты. Старший из них — унтер-офицер Иван Молодцов спрашивает:

– Господин лейтенант, ведь Вы в Черном море плавали на линейных кораблях?

– Да – отвечает Вагнер – я плавал на дредноутах: сначала на "Императрице Марии", а после ее гибели – на "Императоре Александре III-ем", переименованном во время революции в "Волю".

– На дредноутах машинное отделение, вероятно было гораздо больше нашего? – продолжает спрашивать Молодцов.

– Конечно. На дредноутах было не одно, а три машинных отделения. Главное из них с двумя громадными турбинами было расположено посреди корабля между двух других машинных отделений и было оно похоже на просторный зал такой чистый, что в нем инженер-механики стояли на вахте в белых кителях.

Увлеченный воспоминаниями, Вагнер оживленно рассказывает о своем плавании в Черном Море. Машинисты внимательно слушают. Минуты бегут незаметно. Но, взглянув на часы, Вагнер прерывает свой рассказ и дает знак машинистам. Те тотчас же подходят к главной машине и опытной рукою смело касаются быстро двигающихся стальных частей, определяя не подвергаются ли подшипники недопустимому нагреванию. Такую проверку необходимо периодически производить в продолжение вахты, даже в том случае, когда механизмы работают безукоризненно.

Вагнер опять шагает взад и вперед по платформе и снова вереница мыслей проносится в его голове. Все так же ритмично стучит машина и монотонно жужжит динамо. Медленно тянется время. Но вот наступает желанный момент: часовая стрелка подходит к двенадцати.

Звенят ступени железного трапа: в машинное отделение спускается ночная смена. Старшина смены – унтер-офицер 1-ой статьи Толин, быстро промелькнув мимо Вагнера, скрывается в корридоре дейдвудного вала, но через несколько секунд оттуда возвращается, осматривает упорный подшивник, воздушный насос, циркуляционную помпу и, потрогав рукою все подшипни-

ки главной машины, только тогда подходит к Вагнеру и, взяв под козырек, улыбаясь, почтительно докладывает: "все в порядке". Это означает, что вахту Толин принял. Кивнув ему головой и, пожелав спокойной ночи, Вагнер поднимается на верхнюю палубу. Морской воздух свеж, что особенно остро ощущается после духоты машинного отделения. На небе полумесяц окаймлен светлосерым ореолом. Бледным сиянием озарены легкие облака сотканные из белосерых шаров. С высоты прямо в корму корабля спокойно светит Юпитер. Над черными силуэтами береговых сопок в беспредельном темносинем пространстве буйно трепещет яркоголубой Сириус. На гладкой поверхности воды колеблются темные и светлые пятна. От носа корабля с обеих сторон отходят два невысоких водяных вала, точно корабль уперся в большой угол и все время его толкает пред собой. В кильватер "Ильи Муромцу" бесшумно скользят темные силуэты других кораблей. Такой же темный силуэт виден справа по борту. Что-то угрожающее чудится в этой безмолвной группе кораблей объединенных одной и той же целью. Эта цель — освободить от красных партизанов небольшой городок "Святую Ольгу", расположенный на берегу бухты, носящей такое же название.

Вагнер, стоя у кормового орудия, полной грудью вдыхает прохладный чистый воздух и впивается взглядом в ночную панораму, которая окружает корабль.

— Стоит жить — думает он — стоит жить хотя бы лишь для того, чтобы любоваться красотою природы мудро созданной Творцом. Красота может спасти мир от духовного оскудения — сказал кто-то из философов. В этой мысли много правды, ибо красота в самом широком смысле этого слова то-есть красота зрелищ, звуков и особенно красота духовная облагораживает человека, углубляет в нем религиозное чувство, создает преобладание духовных интересов над материалистическими, ослабляет эгоистическое стремление к наживе, а следовательно и стремление к эксплоатации сильными слабых. Можно только пожалеть человека, у которого не развита способность к воспри-

ятию красоты.

Вагнеру жаль оторваться от созерцания ночной панорамы. Но его начинает клонить ко сну и он, не торопясь, идет к себе в каюту. Сняв с себя, как полагается во время похода, только китель, он бросается на кровать и мгновенно крепко засыпает.

– Господин лейтенант! – раздается громкое восклицание.

Вагнер открывает глаза. Перед ним в бушлате, с флотской дудкой на цепочке, стоит вахтенный матрос Степа Дебронский. Бывший студент третьего курса Юридического факультета и сын генерала, Степа добровольно поступил на должность матроса в белую флотилию, чтобы бороться за восстановление национальной России.

Степа, будучи приятелем Вагнера, часто заходит к нему в каюту побеседовать о русской литературе, которую оба они очень любят. Но во время исполнения служебных обязанностей Степа переходит на официальный тон и называет Вагнера по чину. Заметив, что Вагнер проснулся Степа докладывает:

– Входим в бухту "Святого Владимира". На всякий случай пробили боевую тревогу.

– Хорошо – отвечает Вагнер.

Степа торопливо удаляется из каюты.

Но Вагнеру кажется возмутительным насилием необходи мость вставать, когда непреодолимо клонит ко сну.

– Полежу еще. . . только одну минуту: ведь в данный момент это такое наслождение – думает он, закрывает глаза и засыпает.

– Господин лейтенант, становимся на якорь – снова слышится громкий баритон неугомонного Степы. Это восклицание производит магическое действие: Вагнер поспешно вскакивает с постели, наскоро одевает китель и выходит на палубу.

Гремят якорные канаты, с шумом падают в воду тяжелые якоря, корабли один за другим останавливаются. Поверхность огромного рейда, как зеркало. Вокруг – сопки. На их серо-желтых склонах здесь и там – облетевшие кусты различных по-

род. Над вершинами – алые и бледнозолотистые краски утренней зари. От сопок тянется обширная песчаная отмель. На ней вдали виднеются деревянные постройки небольшого поселка. К отмели от кораблей отходят шлюпки. Группы серых фигур с винтовками высаживаются из шлюпок на отмель и неестественно большими крадущимися шагами направляются к поселку. Новые и новые группы вооруженных людей появляются на берегу и все идут к тому же поселку. За ними с тревогой наблюдают люди с кораблей, ожидая, что каждую минуту могут затрещать залпы из винтовок партизан, которые, может быть, скрываются за дальними постройками. Но вот передовые группы уже благополучно вступают в поселок. Беспрепятственно производится высадка десанта. На плотах с кораблей перевозят на берег лошадей, повозки, полевые орудия и пулеметы. Десант должен сухим путем через лес следовать в "Ольгу" – главный пункт оперативного задания. Туда же вдоль берега пойдут некоторые корабли. "Илья Муромец", имея на борту отряд морских стрелков, первым выбирает якорь. Вагнер стоит на своем посту у главной машины. Звенит машинный телеграф. Стрелка показывает "малый вперед". Вагнер приоткрывает стопорный клапан и, взглянув на расположение мотылей, нажимает на соответствующий рычаг добавочного пуска пара и с чувством удовольствия наблюдает, как коленчатый вал мягко делает первый оборот. За первым оборотом следуют другие, но пока не быстро. Снова звенит телеграф. Стрелка на шкале передвигается сначала на "средний", а вскоре на "полный вперед".

– Открыть поддувала – командует Вагнер. Команду принимает унтер-офицер Молодцов и, подбежав к коридору ведущему в котельное отделение во всю силу своего голоса кричит:

– В кочегарке открыть поддувала.

– Есть открыть поддувала – доносится издалека бодрый ответ. Слышится скрежет лопат, которыми кочегары бросают уголь в топки. Громче гудит тяга в дымовой трубе.

Избегая резкого перехода от малой скорости к большой, Вагнер медленно поворачивает маховик стопорного клапана, постепенно увеличивая доступ пара к машине. Все быстрее и быстрее вращается коленчатый вал, живее качаются огромные стальные шатуны. Есть своеобразная дикая красота и что-то захватывающее в этом буйном движении частей металла и возникает желание еще увеличить открытие клапана, чтобы еще быстрее мелькала сталь, но число оборотов вала точно ограничено указанием с командирского мостика.

Дав кораблю на продолжительное время нужную скорость Вагнер поднимается на верхнюю палубу подышать свежим воздухом, но не отходит от окрытой двери машинного отделения, готовый в случае необходимости немедленно спуститься вниз.

Над морем голубое небо. Крепнут порывы ветра. Растут яркосиние волны, веселее бьются о борт корабля. Вскипает пена на высоких гребнях. Как снежные облака, падают на палубу крупные брызги и прозрачными струями стекают обратно в море. Вдали показывается высокий остров. У его отвесных скал шумно пенится прибой. На острове одиноко стоит маяк. Вагнер узнает это место у входа в бухту "Святой Ольги", где на корабле он пробыл несколько дней, когда перед производством в офицерский чин совершал последнее учебное плавание. Но тогда перед возвращением в Европейскую Россию он не думал, что через шесть лет снова увидит суровую, величественную красоту берегов "Святой Ольги".

Часто звучат удары колокола: боевая тревога.

Вагнер быстро но тщательно осматривает машинное и котельное отделения и, убедившись, что все в порядке и боевая смена на местах, сосредоточивает все свое внимание на управлении главной машиной.

Корабль входит в бухту навстречу притаившейся опасности и начинает маневрировать. В машинном отделении почти беспрестанно звенит телеграф. Вагнер нажимает на рычаги спусковой машинки и добавочного пуска пара и торопливо повора-

чивает то в одну, то в другую сторону маховик стопорного клапана и то быстрее, то медленнее вращается коленчатый вал и часто на несколько секунд совершенно останавливается при перемене хода корабля с переднего на задний и наоборот.

А на верхней палубе звучит команда:

– Гребцы на шлюпки! Шлюпки к левому борту!

Вооруженные винтовками морские стрелки, назначенные в десант, садятся в шлюпки, а остающиеся на корабле выстраиваются вдоль правого фальшборта. Шлюпки отходят от корабля и направляются к берегу. Одной из них командует мичман Рьянов, другой – подпоручик Муралов. Степа Дебронский гребет и думает, что освещенная полуденным солнцем шлюпка – превосходная цель для неприятеля. Степа знает, что, чем ближе от берега шлюпка, тем опаснее ее положение и чтобы скорее избавиться от томительного ожидания опасности он изо всех сил налегает на весло.

Предчувствие недоброго не покидает его и недоброе произошло: из густых зарослей с берега раздались ружейные выстрелы. И тотчас же в ответ "Илья Муромец" открыл огонь по берегу. Бой разгорается. Сухо трещат залпы из винтовок морских стрелков. Бодро рокочет пулемет. Сочно рявкает небольшая скорострельная пушка и, сотрясая корабль, с короткими перерывами оглушительно грохочет кормовое орудие. На шлюпках стонут раненые. Неприятельская пуля попадает в ручную гранату, спрятанную в кармане шинели морского стрелка. Граната взрывается и пробивает дно шлюпки. К стонам раненых с тонущей шлюпки присоединяются крики о помощи. "Илья Муромец", не прекращая огня, полным ходом спешит на выручку и принимает на борт всех людей из шлюпок, включая убитых.

Выстрелы с берега вскоре умолкли. Очевидно не входило в расчеты партизан стрелять, когда стреляют по ним. Прекратив огонь, "Илья Муромец" становится на якорь среди бухты.

В этом бою 6-го апреля 1922 года было ранено и убито несколько морских стрелков. Из личного состава "Ильи Муромца"

оказались ранеными подпоручик Муралов, Степа Дебронский и два матроса из числа гребцов.

Вскоре по окончании боя, на "Илье Муромце" была принята радио-телеграмма, в которой сообщалось, что высаженный в бухте Святого Владимира десант без единого выстрела уже занял Святую Ольгу. Очевидно отступавшие партизаны и обстреляли шедшие к берегу шлюпки с морским отрядом.

Следовательно, в очень рискованной высадке десанта с "Ильи Муромца" не было никакой надобности. Этот факт тяжело переживал, державший свой флаг на "Илье Муромце", начальник отряда судов капитан 1-го ранга Данилин – человек высокопорядочный и чуткий. Нервно шагая взад и вперед по командирскому мостику, он долго вслух твердил:

– Напрасно, напрасно погубили людей!

За неудачную попытку высадить десант были ответственны Капитан 1-го ранга Данилин и командир морских стрелков полковник Чекалов. Но офицеры – участники похода не осуждали строго обоих начальников за допущенную ими ошибку, так как оба они были убеждены, что красные партизаны станут упорно защищать "Святую Ольгу", а в этом случае морские стрелки могли незаметно высадится на берег и их внезапное появление в тылу неприятеля оказало бы существенную помощь сухопутному отряду белой армии аттакующему селенье.

Когда, после боя Вагнер подошел к своей каюте, то обнаружил в двери два отверстия проделанные пулями, а внутри каюты он увидел и обе пули застрявшие в деревянной стене над кроватью в том месте, прислонясь к которому в свободные часы он любил сидеть, размышляя на разные темы.

– Хорошо, что во время обстрела корабля с берега я не присутствовал в каюте – подумал он.

После обеда, Вагнер, будучи любителем природы и свежего воздуха, долго одиноко прогуливался по юту.*) У орудия, накрытый Андреевским флагом, лежал убитый офицер отряда мор-

---

*) Ют – кормовая часть верхней палубы.

ских стрелков. Он был высокого роста. Из под материи флага вырисовывались широкие плечи. Вагнер думал, глядя на покойника, что ничтожный кусочек металла мгновенно вырвал жизнь из молодого и сильного тела. Мысль о неустойчивости жизни человека будила в Вагнере грусть и жалость к людям дрожащим за жизнь и уже с момента рождения обреченным на раннюю или позднюю, но неизбежную смерть. Чувство этой жалости знакомое Вагнеру с отроческих лет, повидимому и служило источником альтруизма, каким он был проникнут.

Перед наступлением вечера в бухту прибыл ледокол "Надежный" — одно из наиболее крупных судов Сибирской Флотилии — и немедленно принял на борт убитых, раненых и всех морских стрелков уже окончивших свою миссию. После захода солнца "Надежный" ушел во Владивосток, а "Илья Муромец" остался в бухте станционером. Так как станционеру полагалось все время находиться в полной готовности тотчас же сняться с якоря в случае надобности, то на корабле ни на верхней палубе, ни в машинном и котельном отделениях никаких больших работ не производилось и монотонно потянулись дни для офицеров и матросов.

Вагнер не скучал. Он много читал и размышлял в своей уютной каюте, но не мало часов проводил и на верхней палубе, не уставая наблюдать за окружающей корабль природой. Часто испытывая чувство неудовлетворенности, какое вселяло в него однообразие условностей общественной жизни, он искал и находил нечто абсолютное и всецело естественное в явлениях природы, ибо эти явления происходят согласно только Высшей Воле Того, Кто есть Начало всех начал. В буйных порывах ветра, в беспрестанном движении и величавом шуме моря Вагнеру чудилось насыщенная наобъятной силой долговечная жизнь и ему часто казалось, что с этой чарующей его жизнью он как бы сливается своею душой.

Однажды любуясь с палубы корабля природой Вагнер почувствовал прилив вдохновения и стал свои впечатления облекать в стихи, избрав излюбленный им четырехстопный амфибрахий:

В ОТКРЫТОЙ БУХТЕ.

Мелодия шумная; синие волны;
На гребнях бесчисленных пена, как снег;
Гармония строгая плавных движений;
Игра необъятная блеска, теней.
Коричнево-желтые сопок громады;
На склонах — берез облетевших стволы;
Там — елей и кедров зеленая хвоя;
Там — мохом покрытые груды камней.
На отмель песчаную с рокотом звучным
Бежит бесконечный серебряный вал.
Крикливые чайки без устали вьются,
Ныряют, резвятся в цветистых волнах,
Вдали над водою — завеса тумана.
Над сопками — леса горящего дым.
Наш крейсер стоит среди бухты обширной,
Ее берегов охраняя покой.
Стремительный ветер врывается с моря,
То яростно свищет, то плачет в снастях;
Свободных порывов, энергии полный,
Отвагою дикой он душу пьянит;
Он будит влеченье к морскому простору,
К чему-то родному в неясную даль.
Овеянный ветром и запахом моря,
По палубе шаткой один я брожу.
Далекий твой образ встает предо мною,
Мне душу волнует твой вкрадчивый взор.
Твой облик, твой голос мечту мою манят
Но яркого чувства нет в сердце моем:
В нем властная гордость и холод сомненья
Настойчиво губят порывы любви.

Возвратившись в каюту, Вагнер на листе бумаги написал только что им сочиненное стихотворение. Он, соблюдая ритм, умышленно не подбирал рифмы ,чтобы точнее передать свои впечатления. Стихотворение не было закончено: автору пока не удалось найти подходящие заключительные слова и, когда он подыскивал эти слова, в каюту внезапно вошел старший офицер лейтенант Борис Андреевич Эмберг или "Боб", как его называли друзья. Это был выше среднего роста широкоплечий шатен с синими с легкой примесью серого цвета глазами.

Существуют люди одержимые стремлением во что бы то ни стало прослыть оригиналом. Показная оригинальность таких людей обычно отталкивает. Боб отличался оригинальностью без притензии на оригинальность и поэтому его оригинальность казалась естественной, часто занятной и нравилась многим его со плавателям. По характеру очень живой, немного экспансивный, немного беспечный, но сравнительно умный, прямодушный Боб никогда ни перед кем не заискивал и никому не льстил и, если кого-нибудь хвалил, то искренно. В обществе мало знакомых, молодых и подчиненных ему мичманов "Ильи Муромца" Боб держал себя замкнуто, но был дружен и откровенен с Вагнером. Обоих лейтенантов объединяло многое совместно пережитое. Начиная с марта 1919 года они плавали на одном корабле сначала в Черном и Азовском, а позже в Каспийском морях. Оба они на положении интернированных в течение четырнадцати месяцев томились в английском военном лагере на окраине Месопотамской пустыни. В сентябре 1921 года оба были англичанами доставлены во Владивосток. Там они сначала очутились на разных кораблях белой Сибирской Флотилии, но в апреле 1922 года оба одновременно были назначены на "Илью Муромца" накануне похода в "Святую Ольгу".

Увидев на столе лист с стихотворением Боб спросил:

– Можно прочесть?

– Сделай одолжение – ответил Вагнер – но, пожалуйста, имей в виду, что поэтом я себя не считаю.

Прочитав стихотворение, Боб сказал:

— Мне нравится. Краски у тебя положены удачно. Только, зачем ты упомянул о "далеком образе". Неужели нельзя обойтись без подобных упоминаний? Нарисовал картину природы. . . и достаточно. А природа здесь, действительно — красота.

Вагнер тотчас же оживленно возразил:

— Если интеллигентная русская девушка не испорчена влиянием окружающей среды ,если она религиозна, добра, морально чиста, способна на утонченные поэтические переживания и таит в себе порывы самоотверженности будущей матери, то душа такой русской девушки разве не есть красота? Мысли о "далеком образе", упоминанье о котором тебе не понравилось, добавляют лучший аккорд к музыке переживаний, какую создает во мне окружающая нас природа.

— Ты слишком идеализируешь русскую девушку — скептически заметил Боб.

— Отнюдь нет. Никто из нас и, прежде всего я сам — не ангел. Но я основываю мое отношение к людям, особенно к девушкам, главным образом на их положительных качествах, а не на недостатках. Молодой поэт испытав горькое разочарование в женщине, написал четверостишие:

Не придавай в мечтах ей облика богини;
Цветами чистых чувств не усыпай ей путь:
Она — лишь женщина, мираж земной пустыни
Готовый путника всечасно обмануть.

Это четверостишие правильно характеризует женщин, но лишь некоторых, может быть, даже многих, но, я думаю, далеко не большинство. И, что ты там не говори, а в России главный хранитель чистоты семейного очага все-таки — женщина, а не мужчина.

— Допускаешь ли ты, что героини романов Тургенева вполне реальны.

— Не только допускаю, а убежден. Среди моих многочисленных знакомых я встречал девушек не менее обаятельных, чем

тургеневские. А если некоторые мужчины не находят в русских девушках духовной красоты, то они ее не всегда ищут, а с первой же встречи смотрят на девушку, как на возможный объект временного развлечения в форме объятий и поцелуев. И прискорбно наблюдать, что многие девушки в угоду таким мужчинам начинают не признавать веками созданные моральные устои и становятся – "без предрассудков" не сознавая, что постепенно теряют свою привлекательность, как будущие жены и матери. Я говорил хотя о многочисленных, но все же о частных случаях, а вобщем, с моей точки зрения, русские мужчины и женщины способны на любовь, если не всегда на возвышенную поэтическую, то на более или менее устойчивую, необходимую для создания крепкой семьи. Теперь в России к власти пришли односторонне развитые сухие материалисты, будучи – нигилистами в отношении принципов, на которых основан наш патриархальный духовный быт. Этому быту грозит опасность уничтожения. Но я верю, что этот быт в итоге отстоят и отстоят, главным образом, волевые женщины, каких в России не мало.

– Почему ты полагаешь, что отстоят наш духовный быт, главным образом, именно женщины?

– Потому что русская женщина консервативнее и религиознее русского мужчины.

– Однако ты любишь рассуждать и кроме того обладаешь свойством создавать вокруг себя атмосферу поэзии и, витая в этой атмосфере, забываешь о темных сторонах нашей жизни и, повидимому, по крайней мере, временно чувствуешь себя счастливым. Нужно признать: свойство завидное – проговорил Боб и, дружески хлопнув Вагнера по плечу, вышел из каюты.

Бухта Святой Ольги состоит из двух частей. Первая открытая ветрам часть бухты соединяется узким проливом со второю частью, имеющей форму почти правильного круга окаймленного со всех сторон высокими сопками. Эта часть бухты, даже во время сильных ветров, спокойна и называется Тихой Гаванью. На ее побережье расположено большое селенье, которое называется так же, как бухта. Конечно, приятнее стоять на якоре

не в открытой бухте, а в Тихой Гавани, где беспрестанно не качает корабль, где можно съехать на берег, побывать в церкви, повидать новых людей и провести время на лоне весенней природы. Но когда "Илья Муромец" прибыл в открытую бухту, Тихая Гавань была недоступна, так как ведущий в нее пролив между высоких отвесных берегов был покрыт толстым слоем льда. Однако в четверг на страстной неделе, чтобы подобающим образом встретить Светлое Воскресение, Старший Лейтенант Тверской – командир "Ильи Муромца" пользуясь тем, что корабль был полуледокольного типа и лед стал рыхлее, решил сделать попытку пробиться в Тихую Гавань и эта попытка увенчалась полным успехом к всеобшей радости офицеров и матросов. Всем им в Святую Ночь свободным от вахт и дежурств теперь представлялась возможность присутствовать в церкви на Светлой Заутрене.

В Страстную Субботу после полудня Вагнер, стоя на мостике корабля, увидел, как в "Тихую Гавань" вошел прибывший из Владивостока "Аякс" – посыльное судно. "Аякс" отдал якорь и от него тотчас же отвалила и направилась к "Илье Муромцу" шлюпка с командиром судна мичманом Павленко, который считал своим долгом немедленно явиться старшему на рейде капитану 1-го ранга Данилину.

Павленко привез почту. Вагнер получил два письма. Одно прислал его бывший подчиненный симпатичный молодой студент теперь плававший на "Аяксе" в качестве машиниста. Это письмо короткое поздравительное, но сердечное, тронуло Вагнера.

Другое письмо с легким ароматом духов, написанное почти детским почерком на изящной почтовой бумаге было от "далекого образа" упомянутого Вагнером в его стихотворении с заглавием "В Открытой Бухте". Это письмо Вагнер ожидал, очень хотел получить, но не был уверен, что получит и он не без волнения прочел вступительные строки:

– . . . Перед уходом в море Вы выразили желание иметь сюрприз – письмо от меня. Его охотно Вам посылаю и буду рада, если мой сюрприз доставит Вам удовольствие. . .

"Далекий образ" – студентка юридического факультета владивостокского университета, умная чуткая, обаятельная девушка обладала литературным дарованием. Ее письмо было написано задушевно, поэтично и хорошим слогом. Прочитав его, Вагнер почувствовал прилив бодрости, жизнь ему показалась привлекательнее и навеянное наступающим Праздником настроение стало еще более праздничным. Им овладело переживание похожее на то, какое он испытывал, когда слушал вдохновляющие аккорды хорошей музыки.

– Вот что значит влияние духовной красоты девушки – думал Вагнер. – Ведь, в сущности, я пока не влюблен и, все же, какую живительную силу я почерпнул из только что прочитанных строк.

Наблюдательный Боб был прав: Вагнер, действительно, часто чувствовал себя, как бы окруженным чистой облагораживающей атмосферой поэзии. Но он не создавал ее. Она возникала помимо его воли, благодаря действию соответствующих впечатлений. Такая атмосфера для Вагнера в Страстную субботу была надолго создана письмом "далекого образа".

Отчетливо представив себе "далекий обоаз", Вагнер достал рукопись со своим незаконченным стихотворением "В Открытой Бухте" и, почти не задумываясь, добавил непришедшие ему в голову раньше заключительные строки:

– Но, если, доверчиво душу откроешь
И, если, исчезнет сомненье мое, –
Волной необъятной, волною кипучей,
Мне в сердце победно ворвется любовь.

Простояв в "Тихой Гавани" после Пасхи около месяца, "Илья Муромец", наконец, возвратился во Владивосток.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ

"Все наверх, с якоря сниматься!" – Эта любимая русскими моряками команда, вливавшая в них струю обновляюшей бодрости, печальным аккордом прошания с родиной 22 октября 1922 года прозвучала на Владивостокском рейде на судах белой Сибирской Флотилии. Офицеры и матросы знали, что надолго, может быть, навсегда покидают Россию и с тяжелым чувством тоски они поднимали якоря из вод русского порта, где еше реяли национальные трехцветные флаги.

Флотилия ушла в Корею и после продолжительной стоянки в хмуром, холодном Гензане перешла в более приветливый и теплый Фузан.

Сибирская Флотилия была разделена на три дивизиона. В первый из них входили наиболее крупные суда: ледокол "Байкал" и однотипные: "Батарея", "Магнит" и "Взрыватель". Второй дивизион составляли: ледокол "Илья Муромец", яхта "Дыдымов" и однотипные: "Патрокл", "Уллис", "Диомид". Все эти, вооруженные легкой артиллерией, суда именовались "канонерскими лодками", но фактически они не были настоящими военными судами, не обладали большими размерами и высокими мореходными качествами и, строго говоря, годились для плавания каботажного, а не в открытом море в бурное зимнее время.

Исключением был особого назначения океанский буксирный корабль "Свирь", который в годы русско-японской войны сопровождал шедшую на дальний восток эскадру адмирала Рожденственского и брал на буксир суда эскадры временно лишенные способности самостоятельно двигаться.

Третий дивизион состоял из посыльных судов: "Париса", "Аякса" и "Фарватера". Это были самые небольшие суда Сибирской Флотилии.

На судах всех трех дивизионов кроме их обычного личного состава находилось много пассажиров: женщины, дети, морские стрелки, офицеры и солдаты сухопутных частей, но, главным образом, кадеты. Последние в слечае надобности охотно помогали обслуживать корабли.

В начале декабря флотилия из Фузана отбыла на рейд Вузунга, расположенный на широкой полноводной реке Ян-Цзы-Кианг в нескольких милях от Шанхая. В желтом Море Флотилия попала в жестокий шторм. Имевший слабую машину "Дыдымов" начал отставать от кильватерной колонны и, очевидно, с целью ослабить силную качку, лег на курс против волн, отделился и совершенно скрылся от своего дивизиона. "Дыдымов" никогда не пришел в Вузунг. Неизвестно, где и отчего корабль затонул. Причины могли быть различные: вследствие качки могли сдвинуться с фундаментов старые котлы; мог произойти взрыв котлов; корабль мог разбиться о подводный камень или захлебнуться в волнах. Навсегда покрытой тайной останется гибель "Дыдымова" ,ибо с него никто не спасся и никто не видел ,как он погибал.

В Вузунге многие пассажиры покинули корабли и поселились в Шанхае.

Под угрюмым небом чужбины невесело русские моряки встретили Праздник Рождества. Их единственным утешением было сознание, что они все еще, как бы на оторванных кусочках родины, находятся на своих кораблях под Андреевским флагом.

В Шанхае американский консул заявил командующему флотилией адмиралу Старку, что, если в каком-нибудь порту главного филиппинского острова Люзона появятся русские корабли, то американские власти их гостеприимно встретят и позаботятся

об их дальнейшей судьбе.*) Поэтому на общем собрании адмирала, его начальника штаба и командиров всех судов Флотилии было решено идти в Болинао – одну из бухт острова Люзона, расположенную в двухстах милях от филиппинской столицы Манилы.

10-го января русские корабли в Вузунге подняли якоря и, выйдя в море, повернули на юг. Через двое суток спокойного пути вся Флотилия зашла в уединенный и укрытый от ветров Ханойский залив. Там стоянка продолжалась три дня. В течение этого времени часть запаса угля с одних кораблей была погружена на другие, а также была произведена тщательная подготовка к дальнейшему плаванию. 15-го января Флотилия тремя кильватерными колонами двинулась к бухте Болинао ,конечной цели похода.

С утра погода стояла ясная и море было спокойно, но к вечеру разыгрался шторм, который все усиливался.

РЕЙС "ИЛЬИ МУРОМЦА"

Утро наступило хмурое. Густые свинцового цвета тучи, сплошь покрывая небо, низко плыли над бушующим морем. Огромные темные волны неистово качали корабли второго дивизиона, но они шли строго соблюдая кильватерный строй: впереди "Патрокл", за ним "Уллис", в конце "Илья Муромец". Четвертый корабль "Диомид", шедший на буксире у "Свири", отстал и о его судьбе ничего не было известно.

Старший инженер-механик "Ильи Муромца" лейтенант Вагнер после подъема флага побывал в машинном и котельном отделениях, побеседовал со своими помощниками и, выпив чаю, поднялся на спардэк. Там наметив себе место приблизительно над

*) В 1923 году Филиппинские Острова находились под контролем Америки.

метацентром, где килевая качка ощущалась слабее, он стал наблюдать за морем. Вагнер любил вид моря во всякую погоду. Ему каждый день казалось, что море не похоже и никогда не бывает совершенно похожим на то ,каким оно было накануне,что у него всегда есть что-то новое, своеобразное, привлекающее своей красотой. С "Ильи Муромца" Вагнер отчетливо видел как волны яростно: то подбрасывали кверху, то опускали вниз, то толкали из стороны в сторону корму шедшего впереди "Уллиса" и, не взирая на эту неистовую тряску, на полуюте корабля сидело нескольки матросов, повидимому таких же, как Вагнер, любителей морской панорамы и свежего воздуха. Эти юноши матросы в большинстве бывшие студенты и воспитанники старших классов средних учебных заведений, благодаря частому плаванию, за короткий срок привыкли к морю, и спокойно смотрели на угрожавшие волны такой высоты ,что нередко за ними от взора Вагнера совершенно скрывались оба передних корабля, несмотря на высокие мачты с антенами для радиотелеграфа.

"Илья Муромец" шел под одним котлом, так как командир старший лейтенант Тверской полагал, что для его самого быстроходного корабля Сибирской Флотилии одного котла вполне достаточно, чтобы держаться в кильватерной колонне. Но перед наступлением сумерек "Илья Муромец" начал постепенно отставать от своего дивизиона. Тогда командир вызвал Вагнера и поручил ему включить в действие второй котел. Это поручение Вагнер немедленно исполнил, но было уже поздно: прежде чем "Илья Муромец" ускорил ход, сумерки сгустились и корабль в темноте, оторвавшись от колонны, очутился в одиночестве.

Шторм не ослабевал. Напротив, казалось, он усиливался.

В двенадцать часов ночи на вахту на верхней палубе вступил летчик морской авиации поручик Колечкин.* Кроме него на мо-

*) Так как в Сибирской флотилии отсутствовали самолеты, то летчики назначались на корабли в качестве вахтенных офицеров.

стик поднялся лейтенант Градецкий, намереваясь взять пеленг. В машинном отделении вахту принял старший помощник Вагнера инженер-механик лейтенант Недобров. Этот офицер, даже в машинном отделении в душной, пропитанной запахом минерального масла атмосфере, абсолютно не поддавался действию качки. Поэтому Вагнер назначал Недоброва на вахту в те моменты, когда особенно свирепствовал шторм.

Обменявшись с Градецким несколькими словами, Колечкин повернулся лицом к корме корабля и ощутил, как холодок пробежал по его телу. Он увидал быстро надвигавшийся исполинский девятый вал. Его гребень, фосфоресцируя, зловеще поблескивал в темноте. Неведомые силы стихии по неведомой причине внезапно подняли этот, совсем необычный, девятый вал, казавшийся высокой горою среди других огромных валов. Страшный вал догнал корабль, обрушился на него, прокатился по всей его длине, проломил световой люк над кормовым кубриком и бросил внутрь помещения тонны воды. Спавшие в кубрике машинисты, кочегары и их жены бросились бежать в машинное отделение. Но и туда хлынули потоки воды. Широко разбрасывая брызги с шумом вращались в воде мотыли, но упорно продолжала работать на славу построенная сильная машина. Корабль сразу осел. Казалось, гибель близка. Мозг Колечкина работал с лихорадочной быстротой. Он вспомнил о большом насосе в машинном отделении, установленном для откачивания воды из отсеков потерпевших аварию кораблей. Подбежав к переговорной трубе, соединявшей мостик с машинным отделением, Колечкин с тревогой в голосе закричал:

— В машине! Пускайте в ход большой насос!... Скорее пускайте!

А сам стал прислушиваться. Секунды для него тянулись мучительно долго. . . И вдруг раздался сильный глухой звук, за ним последовал другой, третий. . . заработал спасательный на-

сос. От мощных ударов его поршня содрагался весь корпус корабля, но хлынувшая внутрь вода стала быстро убывать. "Илья Муромец" начал подыматься и вскоре достиг своей нормальной осадки.

– Слава Богу! – облегченно вздохнул Колечкин и уже успокоенный, повернувшись к Градецкому, спросил:

– Ну, что, Осип, взял пеленг?

– Какой там к чорту пеленг! – пробормотал Градецкий – Окаянная волна окатила меня с головы до ног. На мне сухой нитки нет. Пойду в каюту переодеваться.

Колечкину переодеваться не было надобности: он перед вступлением на вахту предусмотрительно одел непромокаемый плащ.

Когда утром Вагнер вошел в машинное отделение, он увидел на антресолях вокруг паровых цилиндров бежавших ночью из кормового кубрика жен машинистов и кочегаров. Вагнер с чувством искренней симпатии посмотрел на всех этих молодых русских женщин покинувших родной Владивосток и самоотверженно пошедших вслед за мужьями в неизвестность.

– Господин лейтенант – послышалось звучное контральто жены кочегарного старшины Добровидова – скажите, пожалуйста: дойдем ли мы до гавани?

– Конечно дойдем – как можно увереннее ответил Вагнер, а сам подумал – Кто знает? На все Воля Бога. Но, допуская возможность худшего, будем надеяться на лучшее.

Девятый вал, едва не потопивший "Илью Муромца" нагрянул в ночь на семнадцатое января. А днем того же числа шторм начал постепенно ослабевать. Все-таки качка продолжала оставаться очень сильной. "Илья Муромец" шел захлебываясь в волнах и часто черпал воду всем фальшбортом то правым, то левым. Но,когда корабль начинал выравниваться,принятая им на палубу масса воды шумными потоками через открытые штормовые шпигаты стекала обратно в море, оставляя на палубе копо-

шившихся мелких рыб.

Ночью вахтенный офицер услыхал громкие крики доносившиеся с кормы. Взволнованный он побежал узнать, что случилось. Оказалось, здоровенный молодой кочегар, сменившись с вахты, захотел освежиться. Пользуясь темнотой он разделся и восклицаниями бурно выражал свой восторг, плескаясь в прохладной воде, каждый раз, когда волна, перекатываясь через фальшборт, обрушивалась на палубу.

Утром 18-го января шторм, наконец, прекратился. Как его последствие по морю ходила крупная мертвая зыбь. Качка все еше была ощутительной, но корабль фальшбортом уже не черпал воды. После полудня лучи южного солнца победно прорвались сквозь тучи и ярким светом озарили "Илью Муромца". На палубе, недавно почти безлюдной, появились офицеры и матросы. Все благодаря живительному действию солнца сразу почувствовали себя бодрее. Позже, когда тучи окончательно рассеялись и голубое небо простерлось над морем, на палубу в легком пальто и вязаной красной шапочке вышла молодая девушка с тонкими чертами миловидного лица, с нежным румянцем на шеках. Ее зеленоватосерые глаза под четкими темными бровями то задорно искрились, то, вдруг, становились задумчивыми с оттенком печали. Казалось в ней сочетались и беспечность, и серьезность, порывы веселости, и приступы невольной грусти. Плотно сжатые тонкие губы и доминирующее выражение лица девушки давали повод полагать о наличии в ней сильного характера и значительной энергии. Девушка – Аня Славянова воспитанница старшего класса гимназии эвакуировалась из Владивостока на "Илье Муромце" вместе с женами офицеров и помещалась в кают-компании, где держала себя с достоинством, скромно и замкнуто. Вагнер, встречаясь с Аней, вежливо с ней здоровался, но, поглошенный воспоминаниями прошлого, никогда с ней не беседовал. В первые дни своего пребывания на корабле Аня Вагнеру привет-

ливо улыбалась и, повидимому ,интересовалась им, но, заметив его замкнутость, перестала обращать на него внимание. Тем не менее Вагнеру казалось, что молодая девушка симпатизирует ему ,хотя она значительно младше его, и только из гордости не показывает своего истинного отношения к нему.

После шторма, увидев Аню на палубе, Вагнер неожиданно для себя заговорил с нею:

—"Красная Шапочка", здравствуйте! Вышли подышать свежим воздухом? — приветливо спросил он.

— Да — ответила Аня — мне надоело сидеть внутри помещения.

— А как переносите качку?

— Не плохо. Морской болезнью не страдаю.

— Нравится ли Вам у нас на корабле?

— Мне нравится. Я родилась и выросла в приморском городе, принадлежу к флотской семье и, конечно, люблю и море и корабли. Но, все-таки после продолжительного плавания я немного устала от ограниченности пространства и постоянного общества. Мне хотелось бы ощутить твердую почву под ногами и хотя бы недолго побыть одной.

Таким образом после ежедневных встреч в продолжение трех месяцев Вагнер и Аня в первый раз беседовали друг с другом, беседовали охотно и долго. Нити взаимной симпатии определенно протянулись между ними. Но во время этой беседы Вагнер совершенно не думал, что вскоре в лагерной православной церкви Аня Славянова навсегда станет его подругой жизни.

Поздно вечером перед сном Вагнер долго стоял возле полубака и, опершись о фальшборт, смотрел, как "Илья Муромец", идя полным ходом, носом раздвигал темную массу воды. В глубине встревоженной кораблем воды вследствие фосфоросценции появлялись блестки и создавалось впечатление, что невидимая рука из пучины беспрестанно бросает пригоршни серебряных монет. В воздухе повеяло приятной мягкой теплотой и, казалось, где-то во мраке притаился гостеприимный берег.

Но хорошо знакомое Вагнеру, создаваемое путешествием, радостное чувство близости освежаюших новых впечатлений в этот раз было омрачено сознанием, что с каждым поворотом гребного винта, корабль, быть может, навсегда уходит все дальше от родины и весь беспокойный поход совершается вынужденно под давлением нежелательных обстоятельств.

Ночью "Илья Муромец" приблизился к бухте Болинао, где должны были собраться все корабли Сибирской Флотилии. Из мрака со стороны берега доносился мошный шум прибоя, что служило признаком наличия коралловых рифоф и подводных камней перед входом в бухту. Обходить в темноте рифы и камни не только трудно, но и опасно. Поэтому "Илья Муромец" всю ночь маневрировал возле бухты, держась на безопасном расстоянии от берега и только утром, соблюдая нужные предосторожности, благополучно вошел в бухту. Там не оказалось ни одного судна флотилии. "Илья Муромец", хотя и с большим опозданием, но все же первым прибыл к месту назначения. Это радовало и командира и штурмана и всех офицеров и матросов – патриотов своего корабля. Все они опасались, что из-за шторма придут последними.

Было чудное утро. Спокойная вода бухты, отражая лазурное небо, походила на огромное зеркало окаймленное густою зеленью прибрежных тропических лесов. Солнце шедро бросало лучи на воду и растения. Всюду царила полная тишина. И эта величественная тишина и красота природы бухты, представляя собою резкий контраст бушуюшему морю со всеми его опасностями, сразу умиротворяюшим образом подействовали на переживший не мало волнений личный состав "Ильи Муромца".

Как только корабль в самом конце бухты отдал якорь, к нему на челнах с грудами бананов подошли жители расположенного в лесу селенья и началась мирная торговля.

Капитан артиллерии Таразио, Лейтенант Вагнер и его любимец Мичман Рьянов на шлюпке съехали на ближайший берег. Там они расположились в тени деревьев. Таразио, оживленно рассказывая о своих впечатлениях, поднял с земли крупную

раковину, взглянул на нее и, вдруг, умолк. Лицо его стало грустным.

– В чем дело? – спросил его Вагнер.

Таразио молча показал раковину. Вагнер тотчас понял, что случилось. На вогнутой стороне раковины сочетание красок напомнило зимний закат солнца в России.

– Да – сказал Вагнер – сегодня Крещение и, как здесь ни хорошо, но я уверен, что каждый из нас в данный момент предпочел бы очутиться в каком-нибудь уголке России, где снег и мороз. Эта привычная нам суровая природа зимы в нашем представлении гораздо больше гармонирует с Праздником Крещения, чем зелень какую мы сейчас видим вокруг; а главное: здесь – чужбина, а там – родина.

Весь день "Илья Муромец" простоял в одиночестве. Только вечером в бухту вошли два других корабля второго дивизиона: "Патрокл" и "Улисс". Как ни странно, более крупные корабли первого дивизиона прибыли позже.

21-го января уже семь кораблей белой Сибирской Флотилии собралось в бухте Болинао. Отсутствовали "Диомид" со "Свирью" и весь третий дивизион.

РЕЙС "ДИОМИДА"

Вскоре после прибытия Флотилии на рейд Вузунга "Диомид" ушел в Шанхай для ремонта. Там, пока длился ремонт, корабль покинули старший инженер-механик лейтенант Мальчевский и многие машинисты. Потому ли, что некоторые из машинистов стали симпатизировать коммунизму или хотели перед советским правительством оправдать свое пребывание в белой Флотилии, они перед уходом с корабля незаметно устроили в машинном отделении саботаж. Ушедших машинистов заменили другими. Вместо лейтенанта Мальчевского на "Диомид" накануне его возвращения в Вузунг был назначен новый старший инженер-механик Андрей Яковлевич Ткачев. Среднего роста, крепкого телосложения, с сравнительно правильными чертами волевого лица, с дружелюбным взглядом карих глаз, он с первой встречи распологал к себе людей. На его долю выпала ответственная и трудная задача исправлять дефекты вверенных ему, уже порядочно изношенных, судовых механизмов.

Только во время перехода "Диомида" из Вузунга в Ханойский залив Ткачеву удалось обнаружить искусно подготовленный саботаж, который прежде всего выявился в чрезмерном нагревании подшипников главной машины вследствие недостаточного к ним притока минерального масла.

Было очевидно, что тонкие трубки, по которым масло поступает в подшипники, почти совершенно закупорены порошкообразным веществом. Для чистки маслопровода "Диомид" в море несколько раз стопорил машину, вынуждая останавливаться и весь второй дивизион, в кильватерной колонее которого он шел.

Во время стоянки в Ханойском заливе Ткачев в машинном отделении "Диомида" обнаружил еще другие неисправности,

из которых его особенно встревожила глубокая трещина на шатуне циркуляционной помпы. Этот небольшой и невзрачный на вид механизм имеет огромное значение для корабля, так как без его действия не может работать главная мшина. Идти с поврежденным шатуном в дальнейший путь с перспективой попасть в шторм было абсолютно недопустимо. Для изготовления нового шатуна требовалось наличие хорошо оборудованной механической мастерской, какая во Флатилии отсутствовала. Но Ткачев еще в годы пребывания в Морском Инженерном Училище в Кронштадте уже выделялся незаурядной способностью к ручным работам и, найдя подходящий отрезок стальной трубы, он, имея в распоряжении весьма ограниченный набор инструментов, решил попытаться сам сделать новый шатун и энергично принялся за работу.

Не желая долго задерживать Флотилию в заливе и, повидимому не очень веря в возможность исправления циркуляционной помпы на "Диомиде", адмирал Старк решил после трехдневной стоянки двинуться дальше. Он надеялся, что"Диомид" благополучно совершит последний переход на буксире у "Свири", которая обладала мощной машиной и отличными мореходными качествами. Но все же в период года обильный бурями идти на буксире, даже, у "Свири", для небольшого и немореходного "Диомида" означало подвергаться значительной опасности и эту опасность адмирал, как рыцарь духа, решил разделить со своими подчиненными. Накануне ухода Флотилии адмирал Старк перенес свой флаг с более крупного и вполне исправного "Байкала" на "Диомид". За адмиралом тотчас же последовали начальник Штаба капитан 1-го ранга Фомин и флагманский штурман Тихомиров.

15-го января утром к "Диомиду" подошла "Свирь" и подала ему четырехдюймовный стальной буксир обильно смазанный салом для предохранения от ржавчины. Этот буксир был очень тяжел и скользок. Офицерам и матросам пришлось напряженно потрудиться прежде, чем им удалось обмотать буксир вокруг штурманской рубки, мачты, кнехтов и надежно закрепить при помощи многих добавочных стальных тросов и пеньковых

канатов.

Как только буксир на "Диомиде" был окончательно закреплен "Свирь" дала ход и оба корабля вышли из залива в море, где вскоре вступили в кильватерную колонну своего дивизиона.

Ясная с утра погода постепенно портилась. После трех часов пополудни начался шторм и по мере того, как крепнул ветер все чаше и чаше стали приходить на нос корабля: то адмирал, то командир, то молодые офицеры. Все они с тревожным чувством смотрели, как натягивался буксир, когда "Диомид" подымался на гребень огромной волны. А в недрах корабля, в машинном отделении, в духоте, не спавший всю ночь, не евший с утра, превозмогая неприятные ошущения, которые вызывала качка, старший инженер-механик с волевым лицом усердно работал. Он знал, что от успеха его работы, зависит участь всего корабля. На верхней палубе внимательнее всех следил за буксиром старший офицер лейтенант Роман Александрович Штромгер. Он беспокоился не только за корабль и весь личный состав. Он беспокоился еше за свою глубоко любимую жену Валерию Николаевну, которая находилась на корабле. Он очень хотел бы в эти тревожные часы быть у себя в каюте возле Валерии, но над его личными желаниями властно доминировало чувство долга старшего офицера, повелевавшее ему присутствовать, на верхней палубе. И когда стемнело и Штромгер снова подошел к буксиру случилось то, чего на корабле все так боялись: раздался треск, лопнул буксир. "Диомид" лишился движения и сразу стал беспомошной игрушкой моря.

Командир "Свири" лейтенант Горов — образцовый офицер, как только заметил, что буксир порван, тотчас повернул свой корабль обратно. Но в густой темноте, среди огромных волн было очень трудно найти отставший "Диомид" Командир и штурман "Диомида" чрезвычайно обрадовались, когда к ним стала приближаться "Свирь", которую они увидели благодаря ее ходовым огням и ярко освещенным иллюминаторам. Но на "Диомиде" динамо не работало, электрическое освещение не

действовало, и, "Свирь", не обнаружив погруженный почти в полный мрак корабль, как призрак промелькнула мимо и скрылась из виду. Будучи в опасном положении, "Диомид", кроме того очутился в одиночестве.

Ветер быстро повернул корабль "лагом к волне" (параллельно гребню волны). Началась необычайно сильная качка. Казалось корабль вот-вот перевернется. Свисавший с бака тяжелый конец лопнувшего буксира создавал лишнюю опасность Этот конец нужно было, как можно скорее, удалить.

Штромгер вызвал на верх боцмана и часть команды и юные матросы, утомленные тяжелой дневной работой, стали рьяно рубить те же самые тросы и канаты, которые они с таким трудом недавно установили для закрепления буксира. Столкнув освобожденный конец буксира в море, промокшие, иззябшие матросы спустились в кубрик, настолько усталые, что некоторые из них бросились на свои койки, даже, не поужинав.

В то время, как на палубе кипела авральная работа, в машинном отделении при тусклом свете керосинового фонаря инженер-механик с волевым лицом продолжал торопливо исправлять циркуляционную помпу, с трудом удерживаясь на платформе, беспрестанно принимавшей очень наклонное положение.

Ветер настойчиво толкал беспомощный корабль к берегу северного Пескадорского острова в том месте, где находились опасные подводные камни. На берегу мигал свет маяка. Командир "Диомида" капитан 2-го ранга Королев, много плававший, опытный моряк, не делал попытки задержать корабль якорями. Очевидно он полагал, что при огромном давлении ветра на корпус корабля эта попытка не достигла бы цели и в то же время была сопрежена с большим риском потери обоих якорей.

Штромгер, стоя на палубе, с беспокойством смотрел, как быстро сокращалось расстояние между кораблем и берегом. Наступил критический момент. Уже было видно, как яростно пенились волны над комнями. Несколько ударов об острые камни и корабль погибнет со всем личным составом. Все это Шромгер отлично сознавал и с мужеством, свойственным рус-

скому офицеру, приготовился, если ему суждено, принять гибель. Образы прошлого стали мелькать в его воображении . Вот он, успешно окончивший морской корпус, молодой мичман, только что одевший погоны, приезжает в Севастополь, где получает назначение на дредноут "Императрицу Марию". Впитывая новые впечатления, он неизменно думает о Валерии и часто посылает ей письма в Москву. После гибели "Императрицы Марии" он переведен на другой дредноут —"Императрицу Екатерину II-ую". . . Конец февраля 1917 года. . . Революция. . . На улицах толпы народа с красными флагами. . . Тяжелое предчувствие крушения благополучия России. . . В апреле прибытие на новый дредноут "Император Александр III", постройка которого ускоренным темпом заканчивалась на судостроительном заводе в Николаеве. Там знакомство с обаятельными девушками из семейств морских офицеров. Овеянные моральной чистотой частые встречи, но все те же мечты только о Валерии. . . С первого июля снова в Севастополе на"Александре III-ем", переименованном в "Волю" . . . Обильный тревожными переживаниями зимний период на революционном корабле. . . Уход с эскадрой в Новороссийск накануне занятия Севастополя германскими войсками первого мая 1918 года. Поездка с адмиралом Саблиным из Новороссийска в Москву. Там встреча с Валерией и услышанное из ее уст такое для него радостное "да". . . Возвращение в Севастополь счастливым женихом. . . Несколько месяцев полного бездействия на берегу. . . Оставление германцами Крыма в ноябре. . . Прибытие в Крым первых отрядов Белой Армии. . . Формирование Белой Черноморской Флотилии. . . В марте 19-го года он опять на боевом корабле под Андреевским флагом. . . С августа он в Каспийском море и на вспомогательном крейсере принимает участие в боях "Белой Флотилии" с советскими кораблями. В марте 20-го года под давлением красных войск с суши Белая Флотилия уходит в персидский порт Энзели, где разоружается англичанами. . . С 5-го мая под наблюдением и с помощью англичан длительное путешествие в Месопотамию личного состава Флотилии: сначала пешком, потом на грузовых автомо-

билях, на поезде и, наконец, на большом пароходе по рекам Тигру и Шатель-Арабу. . . С 20-го июня в течение четырнадцати месяцев, на положении интернированных, томительное пребывание в английском военном лагере на окраине Месопотамской пустыни. . . И всюду с ним образ Валерии. В мечтах о ней он черпает утешение и бодрость. . .

21-го сентября 1921 года все интернированные русские моряки и их семьи из Месопотамии на военном траспорте англичанами были доставлены во Владивосток. . Там Штромгер назначен старшим офицером на "Диомид". . По прошествии нескольких месяцев через знакомых в нейтральном Харбине он посылает письмо Валерии в Москву. После трех лет ожидания, получив известие от жениха, молодая девушка при первой возможности, не задумываясь, устремляется в далекий путь. Она приезжает во Владивосток незадолго до его эвакуации белыми. . . Радостная встреча жениха и невесты. . . Скромная свадьба. . . Наконец, совместная счастливая жизнь на покинувшем родину корабле. . . Все эти образы прошлого, как в красочном калейдоскопе, с неимоверной быстротой промелькнули в воображении Штромгера. Он еше вспомнил, как в самый разгар гражданской войны на юге России, Валерия дважды безуспешно пыталась проникнуть в белую зону, надеясь там встретить своего жениха. Во время второй попытки она едва не погибла.

— Что же — с горечью думал Штромгер — после шести лет такого настойчивого стремления направленного неизменно к одной и той же цели, после всех этих: то ярких надежд, то мучительных сомнений и беспокойств — всего лишь три месяца овеянной счастьем совместной жизни. . . И, неужели, теперь мы должны погибнуть в чужом море без всякой пользы для России. . .

А стихия с жестоким упорством продолжала толкать на гибель корабль. Все отчетливее в сумраке обозначалась черная громада острова, все громче становился рокот зловещих бурунов, точно они уже готовились ринуться на беззащитную жертву.

В минуты роковой опасности, даже, атеисты нередко вспоминают о Боге. Штромгер отличался религиозностью и он стал молиться.

— Сотвори чудо. . . Сотвори чудо. . . Спаси корабль. . . обрашался он мысленно к Богу.

В эту короткую молитву Штромгер вложил всю силу той веры, какую он хранил в себе с отроческих лет. Он болезненно хотел чуда не только ради спасения, но и ради самого чуда, как проявления Высшего Промысла и фанатично верил в возможность чуда. И чудо совершилось: внезапно послышался ритмичный стук главной машины, под кормой забурлила вода от быстро врашаюшегося гребного винта, корабль приобрел способность двигаться. В критический момент старший инженер-механик Ткачев, исправив и включив в действие циркуляционную помпу, пустил в ход главную машину и спас корабль. Так как руль оказался положенным направо, а остров был с левого борта, то "Диомид" быстро удалился от берега и губительных подводных камней.

Но когда в штурманской рубке рулевой попытался дать кораблю нужное направление, то не мог повернуть штурвал. Штурманский офицер мичман Оградников, всегда бодрый, добродушный, высокого роста блондин с голубыми глазами, с трудом соблюдая равновесие, поспешно спустился со спардэка на корму, чтобы осмотреть штуртрос, и с ужасом ощутил, точно он куда-то проваливается. С левого борта поднялась высокая водяная стена и обрушилась на палубу. Толкнутый волною Оградников покатился к другому борту и очутился как-раз в месте расположения одного из поворотных шкивов штуртроса и там к своей радости нашел предмет заклинивший руль. Это был точильный станок. Сорванный с надлежашего места качкою, он скользил по палубе, пока не попал под штуртрос. Вытащить станок голыми руками Оградников оказался не в состоянии. Но на палубе внезапно появился сменившийся с вахты молодой кочегарный унтер-офицер Коваль. Узнав о случившемся, он тотчас принес из котельного отделения тяжелый молот и несколькими ударами вдребезги

разбил точильный камень, освободив штуртрос. Загрохотала рулевая машина, руль стал послушно поварачиваться и вскоре корабль лег на свой курс на юг.

Когда "Диомид" прошел траверс южной оконечности Пескадорского острова и очутился в более открытом пространстве, то качка сразу усилилась. Поэтому адмирал приказал поверпуть на север и, обойдя на безопасном расстоянии подводные камни, встать на якорь у высокого берега острова, защищающего пролив от дующего с востока ветра. К двенадцати часам ночи "Диомид" прибыл на намеченное место и отдал оба якоря. Наступил желанный миг, когда кроме стоявших на вахте, все офицеры и матросы могли предаться вполне заслуженному отдыху.

Штромгер, наконец, счел себя в праве покинуть верхнюю палубу. У себя в каюте при свете фонаря он с любовью взглянул на Валерию. Она мирно спала утомленная качкою, когда ей приходилось крепко держаться за кровать, чтобы не упасть на палубу. Штромгер с наслаждением растянулся на своей койке и обдумывал только что минувшие события, которые произвели на него глубокое впечатление.

— Весьма вероятно — размышлял он — какой-нибудь атеист скажет: "Никакого чуда не было. Случайно, на корабле оказался волевой способный инженер, которому удалось исправить циркуляционную помпу и пустить в ход машину, когда корабль очутился в очень опасном положении" — Но разве не чудо, что волевой способный инженер оказался именно на "Диомиде". Ведь Штаб Флотилии, назначая на "Диомид" Ткачева, ничего не знал о его исключительной способности к ручным работам и, конечно, не предвидел, что на "Диомиде" в машинном отделении произойдет поломка. И разве не чудо, что Ткачеву все-таки удалось пустить в ход машину, когда это казалось невозможным и при том в такой момент, когда не оставалось надежды на спасенье корабля за исключением вмешательства Высшей Воли. Нет! Совершилось Чудо. . . Есть Бог!. . И, согретый духовно верой в Бога, Штромгер крепко заснул.

После тревожных переживаний, испытанных накануне ве-

чером, на "Диомиде" утром все офицеры и матросы встали в подавленном настроении. Этому настроению не мало способствовала погода. Ни один луч солнца не пробивался сквозь густую, серую массу тумана угрюмо нависшую над проливом. Шторм продолжал неистовствовать с неослабевающей силой. В такую погоду ни у кого не было желания идти в открытое море на небольшом корабле. Но вот по кораблю разнеслась весть, что адмирал решил еше сутки простоять на якорях под прикрытием берега, и все сразу повеселели. В кают-компании во время завтрака царило оживление. Внезапно в корридоре, прилегавшем к кают-компании, появился старший инженер-механик Ткачев, шедший из машинного отделения в свою каюту. Когда его увидели офицеры, раздались дружелюбные возгласы:

– Андрей Яковлевич! Идите, идите скорее завтракать. Ведь Вы всю ночь не спали и со вчерашнего утра почти ничего не ели.

– Сейчас приду, только умоюсь – ответил Ткачев.

Когда он через несколько минут вошел в кают-компанию, то сразу сделался центром всеобщего внимания. Все стоя суетились возле него, стараясь как-нибудь выразить ему свою благодарность за его самоотверженную работу в грозные для "Диомида" часы.

Настроение всех на корабле еше более улучшилось, когда вечером неожиданно заработало динамо и повсюду электрические лампочки озарились ярким светом. Этот свет, как потом рассказывал мичман Оградников, многим на "Диомиде" показался подобным тому, чем для Ноева Ковчега была Радуга, послужившая знамением окончания невзгод.

На следующее утро "Диомид" снялся с якоря и взял курс на юго-восток, чтобы, покинув район Пескадорских островов, приблизиться к Формозе и продолжать путь вдоль ее берега, прикрывавшего пролив от дувшего с севера-востока ветра. Некоторое время спустя стоявший на мостике мичман Оградников увидел вдали на горизонте нечто похожее на две дымовых трубы между двумя мачтами.

— "Свирь" — радостно закричал Оградников.

Все, слышавшие восклицание Оградникова, тотчас выбежали на палубу и стали внимательно смотреть вперед. Но вблизи, принятый за "Свирь" предмет, оказался небольшим островом с двумя мачтами, между которыми были расположены две избушки. На бедного Оградникова со стороны его приятелей офицеров посыпался град упреков:

— Ну и шляпа же! Зря потревожил нас. Конечно, не беда, что мы напрасно затратили энергию, выскакивая на палубу: не старики же мы. Но досадно то, что ты заставил нас разочароваться. . . Впредь, будь осмотрительней!

Смушенный Оградников скромно молчал. Однако через час он снова увидел силуэт весьма похожий на "Свирь" .

— Ну, теперь уж ничего не скажу пока не останется ни малейшего сомнения, что показалась именно "Свирь", а не что-нибудь другое — решил Оградников и зашел в штурманскую рубку посмотреть на карту нет ли еще небольшого острова в море. Но в этот момент раздался громкий возглас вахтенного сигнальщика:

— "Свирь" справа по борту.

Действительно, навстречу шла "Свирь". Ее командир лейтенант Горов, приблизившись на своем корабле к "Диомиду", прокричал в рупор:

— А мы на "Свири" уже думали, что "Диомид" разбился о подводные камни. Не чаяли, даже, найти обломки корабля. . . Поволновались мы не мало. . . Теперь можем вздохнуть спокойно. . . Рады, очень рады видеть вас живыми и невредимыми. . .Слава Богу! — и, сняв фуражку, Горов широко перекрестился.

На "Диомиде". все окончательно успокоились: их корабль шел самостоятельно, на нем электрическое освещение действовало и он уже не одинок, так как ему в кильватер вступила "Свирь".

Но когда оба корабля, выйдя из под прикрытия берега Формозы, повернули на юг и очутились в совершенно открытом море, то "Диомид" подвергнулся такой неистовой бортовой

качке, что вынужден был отклониться от намеченного направления и лечь на курс против волны. Это обстоятельство в значительной мере осложнило рейс обоих кораблей и отдалило момент их прибытия на рейд острова Люзона. Только после того, как прекратился шторм, утром 23-го января, наконец, "Диомид" и "Свирь" благополучно вошли в бухту Болинао. Навстречу им с кораблей флотилии, уже стоявших в бухте, донеслось громкое и радостное "ура".

Когда "Диомид" отдал якорь, адмирал Старк приказал построиться во фронт офицерам и команде. На верхнюю палубу из машинного отделения был вызван старший инженер-механик Андрей Яковлевич Ткачев и он явился перед фронтом, как всегда, скромный в синей рабочей куртке без погон. Положив ему руку на плечо, адмирал сказал:

– Вот кто спас наш корабль и всех нас. Если бы ни его самоотверженная блестяшая работа, то мы уже покоились бы на дне моря и сейчас не любовались бы голубым небом и зеленью окружающих бухту лесов. От имени офицеров, матросов и наших милых дам пассажирок сердечно благодарю Вас, Андрей Яковлевич – и, обняв Ткачева, адмирал трижды его поцеловал.

– К сожалению – продолжал адмирал, обращаясь к Ткачеву – я не могу, в данный момент, надеть на Вашу грудь орден, который Вы заслужили, потому что такого ордена у меня нет. Но, когда мы спустимся в кают-компанию, я подарю Вам мою любимую трубку, дабы там, куда на постоянное жительство забросит Вас судьба, Вы, куря эту трубку, иногда вспоминали наш тревожный последний поход под Андреевским Флагом.

РЕЙС
ТРЕТЬЕГО ДИВИЗИОНА

В бурную погоду, даже днем, опасаясь мелей и подводных камней, корабли избегают идти проливом между Формозой и Пескадорскими островами. Но в этом проливе в бурную ночь 16-го января 1923 года, окутанные туманом, едва заметные, точно призраки, двигались кильватерной колонной три небольших корабля. Это был третий дивизион Сибирской Флотилии: "Фарватер", "Аякс" и "Парис". Вокруг, как в гигантском котле, клокотали воды. С грохотом волн сливались завывания ветра, создавая оглушительную какофонию. Дивизион приближался к полосе стремительно катившихся бурунов — явного признака близости мели и подводных камней. Но на шедшем впереди "Фарватере" никто не заметил сквозь мглистый сумрак ночи грозной опасности. Стоявший на мостике "Фарватера" командир, вдруг, ощутил сильный толчок едва не сваливший его на палубу. Хорошо зная, что такой толчок значит, командир бросился к машинному телеграфу и передвинул его ручку. В машинном отделении вахтенный механик, взглянув на стрелку прозвеневшего телеграфа, торопливо перевел машину на полный задний ход, и корабль, благополучно соскользнув с мели, отошел на глубокую воду и тотчас стал на оба якоря, чтобы в темноте не очутиться снова на мели.

Напрасно "Фарватер" давал гудки, предупреждая об опасности. Эти тревожные гудки, заглушенные какофонией бушующих стихий, на других кораблях услышаны не были, и шедший вторым в колонне "Аякс", обладавший сравнительно большой осад-

кой, полным ходом врезался в мель. Как ни упорно работала на задний ход машина "Аякса", он ни на один дюйм не сдвинулся с мели. Концевой корабль "Парис" оказался счастливее. Он тоже наткнулся на мель. Но легко с нее сошел и отдал якорь недалеко от "Фарватера".

Стремительные буруны мошными толчками накренили на правый борт стоявший неподвижно "Аякс". Стало трудно ходить по палубе корабля принявшей очень наклонное положение. Буруны были такой величины ,что их гребни перекатывались через высоко поднявшийся левый фальшборт и бросали на палубу пенистые потоки мутной воды. Все находившиеся на палубе бросились к левому фальшборту зашишавшему от губительного удара всей массы набегавшей волны.

Сквозь вентиляционные трубы и недостаточно плотно закрытые световые люки и, может быть, через пробоину в днише забортная соленая вода начала проникать во внутренние помещения корабля. Вода появилась в машинном и котельном отделениях, хлынула в топки котлов и с зловешим шипением погасила ярко пылавшее в топках пламя. Механизмы остановились, погасло электрическое освешение. Но в это время стало рассветать. Вода внутри корабля неизменно прибывала. Каюты и кубрики опустели. Все выбежали наверх.

Утро наступило мглистое, угрюмое. Вдали смутно вырисовывались очертания гористого берега острова Формозы. На палубе "Аякса" среди толпы офицеров и матросов наиболее беспомощной казалась единственная женшина — красавица блондинка Златогорская. За нею внимательно наблюдал молодой матрос Глебов. Бывший студент, благородный по характеру, убежденный идеалисть, Глебов с уважением этнотносился к женшине. На корабле после эвакуации из Владивостока ежедневно в течение трех месяцев, встречая Златогорскую, Глебов ее самоотверженно полюбил без всякой надежды на взаимность, даже, не чувствуя за собою морального права на такую надежду, ибо Златогорская была женою мичмана и была с ним очень дружна. Ее муж симпатичный, достойный своего звания офицер обла-

дал привлекательной внешностью и пользовался популярностью на корабле.

Но в роковое для "Аякса" утро мичман Златогорский чувствовал себя больным. Им овладело совершенно пассивное настроение и он ничего не предпринимал для спасения ни жены, ни самого себя. Это обстоятельство Глебов скоро заметил и все время держался вблизи Златогорской, чтобы в случае надобности тотчас оказать ей помошь. Казалось, на погибавшем корабле, лишь один Глебов не думал об опасности, угрожавшей ему, а беспокоился только за жизнь любимой им женщины.

По мере того, как корабль наполнялся водою, крен постепенно уменьшался и соответственно все ниже опускался левый фальшборт, открывая палубу натиску волн. Внезапно огромный девятый вал обрушился на корабль. Сильный Глебов, ухватившись одною рукой за Фальшборт, другою обвил талию Златогорской и удержал ее и себя на палубе. Но мошный вал смыл за борт сразу несколько человек. Это были первые жертвы разъяренной стихии и в числе их оказался мичман Златогорский. Его жена печальным взором проводила скрывшегося в кипучей пучине мужа. На ее голубые глаза навернулись слезы.

– Я Вам глубоко сочувствую, но сейчас не время предаваться горю. Необходимо позаботиться о себе. На палубе нельзя дольше оставаться. Я помогу Вам взобраться на марс нашей мачты. Идемте! – с теплой заботливостью, но повелительно проговорил Глебов, обращаясь к Златогорской.

Марсом на "Аяксе" служила небольшая плошадка, которая не была окружена оградой, как на более крупных кораблях. На такой площадке, да еше принявшей по причине крена наклонное положение находиться вдвоем было тесно и не безопасно. Глебов, поддерживая Златогорскую, стоял на носках на самом краю площадки и только одною рукою ухватился за мачту. Корабль вздрагивал от ударов волн. Ветер пронизывал мокрую одежду Глебова. Его рука костенела от холода и слабела от большой нагрузки. Как ни боролся Глебов всей силой своей воли с усталостью, для него наступил предел выносливости. Его рука со-

скользнула с мачты, и он, сорвавшись с марса, упал за борт. Недолго после гибели Глебова продержалась на марсе Златогорская. Слабые женские руки скоро обессилели и отказались удерживать скользившее вниз по наклонной площадке тело. Упав за борт Златогорская вынырнула на поверхность воды. Она хорошо плавала, но подхваченная властным течением, стала удаляться от корабля. Несколько раз мелькнула на гребне волны голова увенчанная золотистыми волосами и исчезла. Русской красавицы, чей образ часто витал в воображении многих молодых моряков, не стало.

После того, как значительно понизился левый борт "Аякса" уже не гребни, а целые громады бурунов стали свободно перекатываться через палубу унося в море все новые и новые жертвы. В поисках наименее опасного места на корабле на штурманский мостик взбежали пока уцелевшие от волн: мичман Лагунов, старший механик подпоручик Гурьев, гардемарин Иванов и матросы: Добороволев, Федин и Шарков. Буруны неистово били в спардэк коробля и мостик трещал угрожая рухнуть. Исчезала надежда на спасение. Вдруг сверху раздался повелительный голос командира "Аякса" мичмана Петренко:

— Лезьте ко мне в дымовую трубу. Здесь волны нас не достанут.

Не заставляя командира повторять его весьма разумное приказание, все шестеро, стоявшие на мостике, торопливо вскарабкались на самый верх трубы и разместились внутри опираясь ногами о концы болтов скреплявших верхнюю часть трубы с нижней.

Забортная вода, заполнившая топки котлов, дымогарные трубки и нижнюю часть дымохода, нагрелась и от нее веяло приятной теплотой. Все, нашедшие приют в трубе, сбросили с себя промокшую холодную одежду и остались в одних трусиках.

— Мне кажется — проговорил Петренко — море становится спокойнее. Я надеюсь, что скоро "Фарватер" и "Парис" будут иметь возможность прислать за нами шлюпки.

— Этими словами командир очень ободрил своих подчиненных.

"Фарватер" самый небольшой из кораблей третьего дивизиона был старшим. На нем держал свой флаг начальник дивизи-

она, моряк по призванию, капитан первого ранга Борис Михайлович Пышков, с детских лет влюбленный в корабли и море.

В проливе в тревожную ночь на мостике "Фарватера" неотлучно находился молодой командир старший лейтенант Борис Петрович Хейсканен. По его приказанию, как только "Аякс" очутился на мели, с "Фарватера" немедленно по радио в пространство был послан призыв S. O. S. С палубы "Фарватера" одна за другою с шумом протянулись в высь огненные полосы нескольких ракет и прозвучали выстрелы из небольшого орудия. Такими мерами командир пытался привлечь внимание японцев на Формозе. Этот остров находился недалеко от русских кораблей. Одна из японских станций приняла призыв S. O. S. и сообщила "Фарватеру", что будет прислан спасательный бот на указанное по радио место. Но обещанный японцами бот не появился. Наиболее крупный корабль дивизиона "Парис" во время похода получил серьезные повреждения и вскоре после того, как снялся с мели, ушел в японский порт Такао на Формозе.

"Фарватер" остался совершенно один невдалеке от гибнущего коробля и мог расчитывать только на свои слабые возможности при спасении экипажа "Аякса". Находиться в бурном проливе было далеко не безопасно. Стремительные волны и сильные шквалы могли сорвать с якорей небольшой корабль, толкнуть его на мель и поставить в положение такое же безвыходное, в каком оказался "Аякс". Но ни начальнику дивизиона Пышнову, ни командиру корабля Хейсканену ни на одно мгновение не пришла в голову мысль: бросив на произвол судьбы несчастный "Аякс", самим, как можно скорее, покинуть злополучное место и укрыться в ближайшем порту. Оба офицера, несшие наибольшую ответственность за корабль, не заботились о своем благополучии, а думали только о спасении своих соратников моряков.

Когда начался рассвет, из кают и кубриков "Фарватера" на верхнюю палубу стали выходить офицеры, матросы и их жены. Все пристально всматривались в даль, где на мели застрял "Аякс". Сначала легкий туман не давал возможности что-либо видеть. Мгла постепенно рассеивалась и все отчетливее вырисовывались контуры "Аякса". Стало видно, как по палубе тре-

вожно сновали люди, но их лица нельзя было различить, даже, в бинокль. Буруны, казалось, с остервенением бросались на неподвижный корабль и белела пена, точно вода кипела вокруг. Было очевидно, что нужно, как можно скорее, снять людей с "Аякса" явно обреченного на гибель. Но "Аякс" находился на расстоянии не менее четырех кабельтовых. *) Подойти к нему близко было сопряжено с большим риском для "Фарватора". На такой риск известный своей самоотверженностью начальник дивизиона не имел морального права. Желая всетаки что-нибудь предпринять, командир корабля Хейсканен созвал на совешание офицеров. Но все они высказали одно и то же мнение, что в данный момент по причине очень сильного волнения спасать людей с "Аякса", пользуясь единственной небольшой шлюпкой "Фарватера", слишком опасно. К этому мнению молодых офицеров присоединился и капитан 1-го ранга Пышнов. Было решено ожидать улучшения погоды.

Вскоре все неотлучно находившиеся на верхней палубе "Фарватера" стали свидетелями потрясающего зрелища: "Аякс" неожиданно начал быстро крениться и почти лег на правый борт. Показалась часть окрашенного в красный цвет днища обычно скрытая под водой.

— Боже! Что такое происходит? Неужели "Аякс" и все на нем погили? — послышались взволнованные возгласы среди женщин-пассажирок "Фарватера".

Офицеры и матросы молча смотрели в даль. Их суровые лица отражали напряженное переживание. Всех их охватил сильный порыв желания спасти погибаюших и сознание невозможности осуществить это желание было мучительно.

Однако, некоторое время спустя "Аякс", хотя не вполне, все же в значительной мере выпрямился, но корпус его казался погруженным в воду гораздо глубже, чем прежде и было видно, как буруны перекатывались через палубу. Спасаясь от них, несколько человек повисло на вантах. Время от времени среди волн около накрененного борта корабля появлялись темные точки. Такое впечатление создавалось у наблюдавших за "Аяксом" с

---

*) Кабельтов = 100 саженям или 700 футам.

"Фарватера". Эти точки были головы волною с палубы смытых людей. Одни раньше другие позже, но все они исчезали в клокотавшей воде.

Постепенно погода начала улучшаться. Все чаще сквозь тучи прорывались лучи солнца. Шторм ослабевал. Море становилось спокойнее. После полудня командир Хейсканен, переговорив с начальником дивизиона Пышновым, с его согласия обратился с призывом к толпившимся на палубе офицерам и матросам:

– Есть ли теперь желающие попытаться спасти гибнущих на "Аяксе"? Однако предупреждаю: хотя волнение в проливе уменьшилось, оно все еще продолжает быть весьма опасным для нашей четверки. *)

Тотчас же попросил разрешения идти старшиной на спасательной шлюпке мичман Алексей Николаевич Белый – искусно управлявший рулем. Тотчас же нашлись и желающие идти гребцами.

Увешанная кранцами для предохранения от ударов о борт корабля, с большими предосторожностями благополучно была спущена на воду единственная шлюпка. Улучив удобный момент мичман Белый спрыгнул в шлюпку и сел за руль. За ним немедленно последовали поручики по адмиралтейству Матвеев и Виноградов, младший брат командира гардемарин Юрий Хейсканен и один из матросов.

– Отваливай! Весла! На воду! – уверенно скомандовал Белый и направил четверку прямо против надвигавшейся навстречу огромной волны. Поднятый волною высоко взметнулся нос четверки и в следующее мгновение с большим уклоном опустился вниз. Но гребцы усидели на банках. Подчиняясь дружным толчкам весел четверка, несмотря на противный ветер, сравнительно быстро приближалась к намеченной цели. При сильном волнении успешно справиться с греблей могут только хорошо тренированные гребцы, имея опытного рулевого. Такими были гребцы и рулевой "Фарватера".

За отвалившей от "Фарватера" шлюпкой жадно следили семь

*) Четверка – шлюпка расчитанная на четырех гребцов.

человек из дымовой трубы "Аякса". Они видели, как упорно четверка боролась с волнами и ветром, и с тревожным чувством задавали себе вопрос: дойдет ли до них она? Ведь эта шлюпка была их последнею надеждой на спасение. Однако дружные взмахи весел неуклонно следовали один за другим, и долгожданная шлюпка, наконец, приблизилась, но из-за волн не могла подойти к кораблю вплотную и, держась на веслах, остановилась на расстоянии нескольких сажен. В это время на вантах людей уже не было, но на мостике внезапно появился матрос Соколов. Он повидимому скрывался от бурунов в штурманской рубке.

Старшина шлюпки мичман Белый прокричал в рупор:

– Мы не можем перегружать шлюпку и примем только одного человека, доставим его на "Фарватер" и тотчас вернемся за другим. Рекомендую бросаться в воду прямо из трубы: так будет больше шансов доплыть до шлюпки.

По причине крена корабля его труба находилась в наклонном положении и прыжок в воду прямо из трубы был возможен, но не безопасен. Командир "Аякса" мичман Петренко, обводя взглядом находившихся в трубе, спросил:

– Ну, кто из вас рискнет первым броситься за борт?

– Разрешите мне – вызвался гардемарин Иванов – отличный пловец.

– Бросайтесь! – одобрил Петренко.

Иванов, сильно оттолкнувшись от трубы, удачно спрыгнул за борт и подхваченный течением и ветром быстро доплыл до поджидавшей его шлюпки. В одних трусиках, дрожащий от холода, весь черный от сажи, но с радостным лицом поднялся Иванов на "Фарватер". Стоявшие на палубе женщины скромно отвернулись. Спасенного гардемарина немедленно отвели в котельное отделение, чтобы там он отогрелся, и там его напоили горячим чаем с ромом.

Совершая рейсы между "Фарватером" и "Аяксом", шлюпка каждый раз доставляла на свой корабль спасенного, неизменно в трусиках и черного. Когда одни гребцы уставали, их тотчас сменяли другие и спасательные рейсы шлюпки происходили непрерывно.

Предпоследним покинул убежище в трубе "Аякса" мичман Ла-

гунов. Он благополучно доплыл до шлюпки, но внезапно лишился сознания и погрузился в воду. К счастью находчивый поручик Виноградов, подсунув весло под тонущего, слегка приподнял его над водою. За борт шлюпки торопливо протянулись руки гребцов и мичман был быстро извлечен из воды. На "Фарватере" Лагунов вскоре очнулся.

Когда шлюпка снова подошла к "Аяксу" там находились: в трубе мичман Петренко и на мостике матрос Соколов. Желая соблюсти старую морскую традицию, согласно которой капитан последним оставляет погибающий корабль, Петренко крикнул Соколову:

– Бросайтесь в воду.

Но Соколов, отрицательно покачав головою ,печально проговорил:

– Не рискую: я не умею плавать.

И только, когда никакие уговоры попытаться доплыть до шлюпки, на Соколова не подействовали, командир "Аякса" Петренко, бросился за борт и был подобран шлюпкой.

Узнав от Петренко, что на "Аяксе" остался неумеющий плавать матрос, Хейсканен категорически заявил:

– Пока, хотя один живой человек находится на "Аяксе", я не снимусь с якоря.

Это решение командира в полной мере одобрил начальник дивизиона Пышнов, хотя на "Фарватере" уже был использован весь запас пресной воды для котлов и их питали забортной соленой водой, что могло повлечь весьма неприятные последствия для коробля.

Очутившийся на "Аяксе" в одиночестве матрос Соколов был атлетического телосложения, сравнительно молодой, интеллигентный и не совсем заурядный человек. О нем говорили, что он мальчиком был отправлен в Германию. Там он, благодаря заботам опытного воспитателя, подростая, становился убежденным русским патриотом. Достигнув юношеского возраста, Соколов, в совершенстве усвоив немецкий язык, свободно внедрялся в окружающее его общество и тайно следил за внешней политикой германского правительства. О результатах своих наблюдений он секретно сообщал агентам русской разведки. По

окончании первой мировой войны, возвратясь в Россию, Соколов примкнул к антисоветскому движению. Та часть Белой Армии, в которой он состоял, в марте 1920 года под давлением красного войска отступила к Каспийскому морю. Там Соколов, как и многие его соратники, поступил в качестве матроса на один из кораблей Белой Каспийской Флотилии и вскоре со всем личным составом Флотилии был интернирован англичанами и ими же, после четырнадцати месяцев пребывания на окраине Месопотамской пустыни, был доставлен во Владивосток, где получил назначение на "Аякс".

После того, как в последний раз отвалила спасательная шлюпка от "Аякса", Соколов залез в дымовую трубу. Корабль медленно все глубже погружался в воду. Как должен был себя чувствовать, даже, мужественный человек в полном одиночестве ночью в трубе гибнущего корабля среди бушующих волн, — командир "Фарватера" Хейсканен хорошо себе представлял и приказал, желая ободрить Соколова, освещать трубу "Аякса" прожектором и время от времени стрелять из маленькой пушки.

На следующее утро четверка "Фарватера" снова подошла к "Аяксу". Палуба корабля находилась уже на несколько футов ниже уровня воды. Море было спокойнее, чем накануне, но все-же четверка не могла приблизиться к самой трубе. Соколов, усталый, спустился из трубы. Однако, когда, он очутился по горло в воде, то вместо попытки доплыть до четверки, он судорожно ухватился за мачту, обняв ее обеими руками. Но вскоре он, повидимому, лишился последних сил, отпустил мачту, и вода навсегда поглотила его.

Четверка с гребцами, опечаленными трагической неудачей, возвратилась к своему кораблю и была тотчас поднята на шлюпбалки. Спасать стало некого. . . И когда "Фарватер" снялся с якоря, начальник дивизиона, командир корабля и все присутствовавшие на палубе с чувством глубокой грусти в последний раз смотрели в даль, где были видны только две мачты и труба "Аякса". Всем им было трудно вообразить, что там возле затонувшего корабля на дне пролива уже покоятся юные моряки, которые только сутки тому назад были полны жизненных сил и не думали о близости трагического конца.

Команда "Аякса" была одною из лучших команд Сибирской Флотилии. Перед окончательным уходом Флотилии из Владивостока на некоторых кораблях были саботажи или попытки устройства саботажей. О таких случаях не могло быть и речи на "Аяксе". Его сплоченная команда почти вся состояла из интеллигентных юношей, бывших жителей южных губерний Крыма и городов, расположенных на побережье Каспийского моря. Все эти юноши были проникнуты сознанием необходимости восстановления национальной России. Они во время гражданской войны под Андреевским флагом плавали и принимали участие в боях с неприятелем в Черном и Каспийском морях и закончили упорную борьбу с советским правительством на дальнем востоке. Не осуществилась их заветная мечта снова увидеть трехцветные флаги над Россией.

"Фарватер" благополучно прибыл в Такао. Там уже стояли "Парис" и два корабля первого дивизиона "Байкал" и "Магнит", которые на пути в бухту Болинао , в широком промежутке между островами Формозой и Люзоном встретили такую толчею волн, что не оказались в состоянии идти дальше и вынуждены были укрыться в японском порту.

В Такао японцы приняли "Фарватер" весьма дружелюбно, снабдили его пресной водой, углем и провиантом. Местные жители охотно посещали русские корабли и приносили подарки. Очевидно, японцы, будучи сами патриотами, искренне сочувствовали русским патриотам по поводу их трагической судьбы.

Но по прошествии недели мирного пребывания кораблей Сибирской Флотилии в Такао всем им неожиданно местными властями был предъявлен ультиматум в назначенный день покинуть порт. Такая резкая перемена отношения японцев к белым русским несомненно была следствием прибытия в Токио советского посла с целью добиться признания Японией советского правительства.

Когда русские корабли покидали Такао, погода не предвещала ничего доброго. По небу ползли тучи. Дул крепкий ветер. Но у белых, лишенных родины, странников не было выбора. Для них порт, совсем недавно гостеприимный, теперь был закрыт. Оставалось только двинуться вперед. — Чтобы между Формозой

и Люзоном снова не оказаться в чрезвычайно опасной толчее волн, все четыре корабля сначала отошли миль на сто к западу и только тогда легли на курс ведший на юг в бухту Болинао. На второй день плавания "Фарватер" вынужден был сбавить скорость до трех узлов, по причине порчи главной помпы, подаюшей воду в котлы.

Заметив, что "Фарватер" начал отстовать, все корабли отряда тоже замедлили ход. Но "Байкал" и "Парис", имея повреждения, очень торопились укрыться в бухте и, получив от начальника отряда разрешение идти самостоятельно, снова увеличили до предела ход, изменили курс и вскоре скрылись за горизонтом. "Магнит" же, на котором держал свой флаг начальник отряда капитан 1-го ранга Ильин, все время шел на траверзе "Фарватера", готовый ему в любой момент оказать помощь. В Южно-Китайском море оба корабля пдвергнулись сильной качке, но несмотря на свой малый ход они благополучно прибыли в Болинао, где уже приютились "Байкал" и "Парис".

Отдохнув в продолжении нескольких дней в прекрасной бухте Болинао, отставшие от своей Флотилии четыре корабля: "Магнит", "Парис" и "Фарватер" на буксире у "Байкала", исполняя распоряжение американских властей, перешли в порт Маривелес. Там на обширном живописном рейде уже стояла вся белая Сибирская Флотилия и огромные суда военного Флота Америки.

С прибытием в Маривелес отставших четырех кораблей Флотилии последний поход под Андреевским флагом в феврале 1923 года был закончен.

ПАМЯТИ ПОСЛЕДНИХ ЖЕРТВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ.

(На гибель посыльного судна "Аякс").

За благо отчизны герои сражались;
Их жизнь заполняла великая цель.

Как вал океана, враги надвигались . . .
Последняя пала в бою цитадель.

Враги ликовали . . . К кровавому стягу
Манили настойчиво белых бойцов.
Но молча герои хранили присягу
Трехцветному флагу – завету отцов.

Последнюю гавань покинули вскоре
Защитники чести России родной.
Пред ними шумело суровое море
И стар был "Аякс" – их корабль небольшой,

Они уже пили то зелье страданий,
Каким их поила разлука с любимой страной.
Но быть не могло никаких колебаний
У тех, кто монархии предан был всею душой

И, вызов бросая морским непогодам,
Герои на утлом своем корабле.
Ушли на чужбину, навстречу невзгодам,
Чтоб рабства не видеть на русской земле.

И долго скитались осенней порою
По шумным просторам в ненастные дни;
Без страха боролись с коварной волною
И близко от порта уж были они.

Но там, где чернеют Формозы громады,
Где с тучами свили гнездо тайфуны,
На старое судно, не зная пощады,
Вдруг ринулись, злобно гремя, буруны.

И тучи клубились, и царь непогоды
— Порывистый ветер свестел, завывал,
Кипели и пенились мутные воды,
Все выше вздымался стремительный вал.

"Аякс" не сдавался: в борьбе закаленый
Он бодро вступил со стихиями в бой,
Но яростным шквалом на мель оттесненый,
На борт он склонился, разбитый волной.

В седых бурунах моряки погибали;
Из волн доносилось: "Россия прости" . . .
Ту гибель героев друзья их видали,
Но были не в силах тонувших спасти.

Далеко от Волги, Днепра и Урала,
Далеко от Крымских родных берегов
Морская пучина навеки приняла
Любивших отчизну идейных бойцов .

Их матери с сердцем, стесненным тоскою,
Над браткой могилой молитв не прочли,

Невесты и сестры лазурной весною
Цветистых венков для креста не сплели.

Лишь вольные чайки над ними летают,
Лишь буйные ветры, рыдая, поют
Да грозные волны, грохоча, играют
И в скалы крутые неистово бьют.

ЭПИЛОГ.

На гафелях русских давно уж не вьется,
Увенчанный славой Андреевкий флаг.
Над русской святыней злорадно смеется,
Победно ликуя, кощунственный враг.
За знамя трехцветное бившихся смело
Давно на чужбине невзгоды томят,
Но память о павших за правое дело
Друзья боевые ревниво хранят.
Когда же исполнится белых желанье:
Оковы террора с России спадут,
Отчизне тогда от умерших в изгнанье
Друзья их прощальный привет отвезут.
И Русь возвеличит в своих песнопеньях
Пытавшихся сбросить с отечества гнет,
За белых героев, погибших в сраженьях,
Со скорбью молитвы Творцу вознесет.

ВИТЯЗИ ДУХА.

В течение многих столетий крупные умы старательно работают над проблемой создания совершенной жизни на земле, причем пытаются добиться решения этой сложной проблемы главным образом путем различных политических реформ.

Не мало труда было потрачено на составление всяких программ с целью улучшения государственного строя в той или иной стране. Не мало людей в периоды революции отдали свои жизни, как им казалось, за лучшее будущее. Недовольство давно существующей капиталистической системой особенно бурно стало проявляться в наш век, и как следствие, были водворены другие системы: коммунистическая – в России, нацистская – в Германии, фашистская – в Италии и, даже, консервативная Англия в данное время стремится установить социалистический строй.

Но все эти преобразования не улучшили, а только ухудшили жизнь в тех странах, в которых они были осуществлены. И, вот, прошли века, но совершенная жизнь, даже, в наиболее культурных государствах, пока продолжает оставаться недостигнутым идеалом, и не по той причине, что все государственные системы были построены неудовлетворительно, но потому что духовные качества человечества взятого в целом не находятся на должной высоте. Пока доминирует эгоизм над альтруизмом, личная выгода над принципом и материалистические интересы над духовными, то никакие гуманные законы не оградят слабых от эксплуатации их более сильными. Ярким примером такого положения может служить Советская Россия, где действия правящего класса совершенно не соответствуют печатной конституции.

Личное счастье человека обуславливается не только его экономическим положением, как гражданина данной страны. Личное счастье зависит также и от индивидуальных особенностей душевного склада самого человека, зависит от его способности к восприятию счастья. Эта способность присуща различным людям далеко не в одинаковой степени. Как правило, чем человек духовно развитее и морально чище, чем сильнее в нем чувство любви к ближнему, тем более высокие радости доступны ему.

Эти соображения заставляют придти к выводу, что вопросы воспитания должны иметь первенствующее значение для того, кто ставит себе целью благо человечества. Но на практике, даже, в культурных странах проблемы воспитания обычно отодвигаются на задний план и нередко совершенно игнорируются влиятельными государственными деятелями. Заботы о воспитании ложатся почти исключительно на родителей и на школы. Но по различным причинам далеко не все родители могут дать хорошее воспитание своим детям. Кроме того влияние родителей на детей старшего возраста часто ослабляется, а нередко совсем парализуется влиянием среды, с которой дети соприкасаются вне дома.

Школы же начальные и средние обычно главное внимание уделяют образованию, а не воспитанию. Положение педагогов, даже, в Америке, не настолько заманчиво, чтобы привлекать лучшие силы. Тем не менее, среди педагогов наряду с бездарными бюрократами встречаются идейные талатливые люди, оказывающие благотворное влияние на своих питомцев. Но такие педагоги едва ли составляют большинство и им одним трудно бороться с нежелательным влиянием на учащуюся молодежь некоторых веяний современной общественной жизни.

Что касается высших учебных заведений России, то в них педагоги воспитанием не занимались. Очевидно, предполагалось, что студенты духовно достаточно созрели дабы жить в больших городах всецело предоставленными самим себе. Неко-

торое исключение составляли военные училища. Небезинтересно отметить факт, что слабохарактерные юноши, не будучи в силах противостоять городским соблазнам, часто добровольно лишали себя студенческой свободы, поступая в военное училище, чтобы там из них "вышел толк" благодаря дисциплине, укрепляющей личную волю.

Революции и мировые войны породили так называемый "новый" быт, в основу которого легла нравственная распущенность. В наш практический век технический прогресс посредством автомобилей, радио, кинематографов и особенно телевизоров снабжает общество множеством, в большинстве случаев, легкомысленных развлечений, и, не имея ни времени, ни желания заниматься анализом ни собственной души, ни жизненных явлений, значительная часть молодежи, а нередко, даже, пожилые люди легко воспринимают пресловутый "новый" быт, не вникая в его сущность. На этих, быстро поддающихся влиянию окружающей среды, людей магическое действие оказывает эпитет "новый" обозначая в их представлении непременно нечто прогрессивное. Никто из них не подумает, что неважно: нов или стар быт, а важно: плох быт или хорош.

Начав вести образ жизни, который не согласуется с правилами морали ими самими признаваемыми, представители и старшего поколения часто объясняют свое противоречивое поведение тем, что "нужно идти по течению". Но обычно они не говорят, почему именно "нужно идти по течению", если нет никаких определенных доказательств, что данное течение приближает человечество к счастью, а не отдаляет от него.

До наступления христианской эры разврат в широких пределах существовал среди языческих народов, подавляя в них стремления духа, расслабляя волю и тело, понижая трудоспособность Следовательно, строго говоря, современный так называемый "новый быт" (нью фехшон) не есть новый быт, а есть ничто иное, как повторение древней нравственной распущенности, быть может, в несколько иной форме, но заключающей в себе ту же преж-

нюю су[illegible]ацию.

Христианское учение, распространяясь среди наиболее культурных народов, в них оживило угасающий дух и пробудило стремление к возвышенным идеалам. Христианское учение, если не вполне, то все же в значительной мере, языческий порочный быт заменило иным бытом, в основу которого легли человеколюбие и нравственная чистота. Этот, возникший в христианскую эру, быт фактически и есть наиболее новый быт, а не старый, как теперь ошибочно полагают миллионы людей.

Можно только поражаться с какою рабскою покорностью миллионы людей подчиняются некоторым антиморальным или просто уродливым модам, точно эти моды установлены общепризнанными высококультурными авторитетами, а не беспринципными коммерсантами или, может быть, демагогами, имеющими определенное задание разлагать дух современного человечества

В наше время насчитывается более чем достаточно разнообразных политических партий и нет надобности учреждать новые. Было бы гораздо рациональнее в каждой культурной стране по тщательно продуманной программе создать авторитетное движение направленное к служению человеческому духу путем развития его лучших качеств в соответствии с христианским учением. Такое движение, посредством строгого отбора, постепенно образовало бы тесно сплоченную касту лучших людей, которые в будущей России могли бы назваться "Витязями Духа" (Knights of Spirit — в Америке). Это почетное звание не давало бы экономических и юридических привилегий, но служило бы общепризнанной рекомендацией для того, кто носит это звание и оно приобреталось бы не по наследству, а исключительно благодаря личным качествам и заслугам. Витязи духа, не путем насилия, а на основании заслуженного доверия своего народа приняли бы на себя руководство духовной и, может быть, политической жизнью отечества, прививая ему лучшие идеалы, обычаи и традиции.

КОСТЕР В ГОРАХ КАЛИФОРНИИ.

Жаркий июльский день. По чистому, точно омытому небу где-нибудь лениво плывут небольшие белые облака. Моя семья и я расположились возле нашей дачной кабинки на окраине поляны, в одной из лощин Джордан Парка. Вокруг ели, сосны и дубы. Вся поляна залита яркими лучами летнего солнца, но под деревьями благодатная тень, и там мы находим убежище от зноя. Время от времени легкими порывами налетает ветер и приятно овевает разгоряченное лицо. Тогда вкрадчиво шуршат листья дуба, таинственно гудит хвоя елей и сосен и слышится шелковистый шелест лесной травы. Я с чувством истинного удовольствия ловлю эти звуки природы. Все они мне так знакомы и напоминают Россию, где я любил их слушать еще в годы детства, когда жил в усадьбе.

Недалеко от нас, в стороне от поляны, стоит несколько зеленых палаток и оттуда доносятся обрывки русской речи. И я забываю об Америке, и мне кажется, что я снова очутился в одном из лесистых уголков моей родины.

Незнающая пощады цивилизация нашего века еще не исказила естественной красоты окрестностей Джордан Парка, и здесь остро чувствуется лоно природы. Воздух окружающих лесов сух и свеж. В траве мелькают желтые, синие и красные цветы. С полей доносится звон колокольчиков пасущихся стад. И в этой умиротворяющей обстановке сельской природы незаметно проходит день.

Вечереет. Сквозь сетку ветвей деревьев алеет закат. Становится прохладнее. Ветер совершенно затих и теперь явственнее слышен гул голосов в отдаленном конце лощины. Там лагерь Национальной Организации Русских Разведчиков. Из общего гула порою вырываются громкие восклицания и смех. Но внезапно

раздается резкий свисток, и шум в лагере мгновенно замолкает. Я встаю и быстро иду по направлению к лагерю. Я останавливаюсь, когда показываются белые палатки. Перед палатками растянулся фронт разведчиков. Двое мальчиков спускают русский и американский флаги. Один из старших разведчиков внятно и выразительно читает законы.

Инструктор командует: "на молитву, и фуражки долой", и в вечерней тишине торжественно разносится пение "Отче наш" и "Спаси, Господи люди Твоя". А после команды "накройсь" разведчики дружно поют Преображенский марш. Потом слышится команда "разойтись!" и лагерь снова наполняется веселым гулом молодых голосов. Я возвращаюсь к своей кабинке.

Вскоре на дороге, ведущей из дачного поселка, показываются одетые по-вечернему дачники. Все они направляются в лагерь разведчиков. Там сегодня, по случаю субботы, — общедоступный костер. Туда же идем и мы. В лагере нас приветливо встречает старший инструктор и любезно приглашает располагаться у костра. Спиленный ствол исполинского дерева служит скамьей. Но на этой естественной скамье все места уже заняты и мы садимся прямо на землю. На растянутом брезенте, ближе к костру, разместились разведчики-мальчики и рядом с ними отдельною группою девочки.

Один из инструкторов зажигает огромную груду сухих сучьев, и с треском высоко взметнулось красноватое пламя. "Ну что-ж? Споемте "Взвейся соколы орлами!" — предлагает старший инструктор, и полилась бодрая военная песня. И странно слышать русское пение, видеть вокруг русские лица и думать, что мы находимся за тысячи верст от России. За "Взвейся соколы орлами" следуют: "Бородино", "Что-ж вы тучки понависли" и "Песнь о вещем Олеге". Потом на несколько мгновений водворяется пауза и вдруг стройно запели только одни девочки. Мальчики молчат; они еще не знают этой песни, которая недавно появилась на свет и могла родиться только на чужбине.

"Долго слышались речи родные...
Миг молчанья внезапно настал:

Кто-то милое слово Россия
Неожиданно громко сказал.
Тотчас смолкли и говор и шутки,
И опять перед взором – Она,
Точно призрак любимый и жуткий,
Дорогая родная страна!.." и т д.

Задушевно поют девочки и грустью подернулись их глаза. Сосредоточеннее становятся лица присутствующих. Мысли неудержимо несутся к просторам далекой родины и снова встает навязчивый вопрос: какие настроения тайно господствуют в многочисленных русских деревнях? Там запрещено даже произносить это "милое слово Россия". Но не становится ли там с каждым днем все напряженнее воля подъяремного народа к той жизни, при которой слово "Россия" снова, как нечто священное, будет свободно звучать во всех уголках необъятной страны. И такими близкими по духу кажутся мне эти мальчики и девочки в защитных рубашках с трехцветными нашивками на погонах и чудится, что от них протянулись невидимые нити к России, к родному народу, который, быть может, проникнут теми же настроениями, какими проникнуто и большинство нас, сидящих здесь у костра.

Замолкает песня о России. Слышатся продолжительные и громкие аплодисменты. "А теперь пойте журавля!" – командует инструктор. И мальчики и девочки, изощряясь в остроумии, при частых взрывах смеха, с увлечением поют веселого журавля.

Густеет сумрак. Неподвижно стоят темные силуэты стройных елей и сосен. Ни один лист не шелохнется на ветвистых дубах.

В небе, в прозрачной синеве одна за другою вспыхивают крупные звезды. В зените буйно мерцают голубоватая Вега и золотистый Арктур. Ниже величественно раскинулись созвездия Лебедя и Орла, а над вершинами деревьев виднеется часть ковша Большой Медведицы. Весело потрескивает костер, фонтаном взлетают искры...

Разведчики уже использовали свой запас песен и опять наступает пауза, но не надолго. Перед освещенным электрическим фонарем песенником собирается группа любителей певцов из числа

гостей.

Вкрадчивый тенор запевает:

Было дело под Полтавой:
Дело славное, друзья.
Мы дрались тогда со шведом
Под знаменами Петра...

Хор подхватывает, и долго звучит песнь, повествующая об исторических трех пулях, попавших в императора Петра, но не причинивших ему вреда. И этот случайный, экспромтом поющий хор у костра, на лоне природы, производит, пожалуй, более глубокое впечатление, чем хорошо тренированные многолюдные хоры, выступающие на сцене большого концертного зала. С наибольшим подъемом хор исполняет последнее четверостишие:

"Было дело под Полтавой...
Сотни лет еще пройдут,
Эти царские три пули
В русском сердце не умрут".

Разведчики внимательно слушают пение взрослых. Они будут помнить и бой под Полтавой и "царские три пули", как и многие другие героические эпизоды из истории русского народа, ибо с несравненною русскою песнью в подсознательные глубины их отроческих душ незаметно внедряется и крепнет любовь к великой отчизне их отцов и матерей.

Догорает костер... "Программа окончена", объявляет старший инструктор и благодарит всех присутствующих за то, что они посетили лагерь. Вспыхивают десятки электрических фонарей. Забегали голубые полоски света по темной земле. Шумно делясь впечатлениями, публика расходится по домам.

* *
*

Национальная Организация Русских Разведчиков в Калифорнии не есть единственная. Подобные организации существуют и в других странах, где поселились русские эмигранты. Эти организации способствуют воспитанию русских детей в руском духе.

Конечно, многие русские разведчики и витязи, несмотря на

все усилия их воспитателей, сохранить в них русскость, будут навсегда оторваны от России властным течением жизни народов, среди которых они живут. Но обладающие наиболее развитой индивидуальностью устоят и составят нашу смену. Они воспримут от старшего поколения лучшие русские идеалы, принципы и обычаи и эти духовные ценности вместе с многообразными знаниями, почерпнутыми в культурных странах, они привезут в освобожденную от коммунизма Россию и там примут деятельное участие в созидании новой жизни.

РОССИЯ.

Свежим дыханьем лесов вся овеянная;
Золотом нив необъятных окованная;
Песней могучей на воле взлелеянная;
Звоном церковным, как море взволнованная;
   Русь, православная, патриархальная,
   Русь, терпеливая, многострадальная,
   Русь, ты великая, необозримая
   Думой везде мы с тобою любимая.
В сумраке ночи все той же, родною,
В грезах встаешь ты полна обаяния;
К радостям прошлым усталой душою
С болью мы рвемся с голгофы изгнанья.
   Долгие годы мы жаждем с тоской,
   Чтобы отчизна открыла нам путь,
   Чтобы, вступивши на берег родной,
   Снова беспечно могли мы вздохнуть.

ДВА МОМЕНТА

1

Оглушительный шум наполнял светлый, очень длинный рекреационный зал предназначенный для трех младших классов петербургского Первого реального училища. Была перемена и более двух сот мальчиков беспечно резвилось, старательно расходуя избыток энергии, приобретенной за время пребывания в классе, пока длился урок. Шумный говор, восклицания, смех не умолкали ни на одну секунду. Реалисты бегали, ловили, толкали друг друга и вступали между собою в борьбу.

Витя, прислонясь спиною к стене, стоял в заднем конце зала и, молча, наблюдал за беспрестанно двигавшейся толпою своих сверстников. Он не был уроженцем столицы. Он был привезен в Петербург учиться. После привольной жизни в Боровичах — небольшом уездном городе Новгородской губернии с его уютом, тишиной и патриархальным бытом — Петербург, огромный, с хмурым климатом показался Вите, чужим, суровым. На впечатлительного мальчика угнетающим образом действовали и вид больших каменных зданий и многолюдная, незнакомая толпа на улицах. Он невзлюбил столицу и тосковал по родным Боровичам.

Будучи общительным по своему характеру, Витя сравнительно быстро подружился с несколькими своими одноклассниками. Но, хотя, эти столичные мальчики были симпатичными, Витя, росший почти на лоне природы, не чувствовал, что они ему близки духовно. Поэтому он не всегда принимал участие в общих играх, иногда предпочитая одиноко стоять в стороне, предаваясь своим мыслям.

В описываемый момент скользивший по залу взгляд Вити вдруг сделался неподвижным, пристальным. Он в противопо-

ложном конце зала увидел своего врага Петю Касьянова, который, как и Витя, учился в первом классе, но в другом отделении. Этот мальчик с некоторых пор почему-то избрал Витю объектом жестоких шалостей. Он сзади подкрадывался к Вите и больно его ударял пряжкою ремня по спине или по голове. Витя был невысокого роста; но обладал крепким телосложением и хорошо развитой мускулатурой. Он легко справился бы с забиякой, но, когда возмущенный издевательством, он бросался на Петю, тот обращался в позорное бегство, громко призывая на помощь своих столичных приятелей. Моментально целая группа шалунов выростала перед Витей и он, стиснув от досады губы поневоле должен был отступить. Но теперь Касьянов был совершенно один, далеко от своих защитников. Добежать до него, схватить его и бросить, как щепку, на пол для проворного Вити было делом нескольких секунд. Но Касьянов спокойно стоял перед окном, задумчиво смотрел на весеннее небо, по которому плыли легкие белые облака и неторопливо ел сандвич. В эту минуту в выражении его голубых глаз не было ничего жестокого, отталкивающего. Он, даже, казался располагающим к себе.

Витя, глядя, как, Касьянов ел сандвич, подумал: если бы ему не дать есть ни сегодня, ни завтра, то он ослабел бы, его резвость исчезла бы, он стал бы вялым, а если ему пришлось бы голодать еще несколько дней, то он умер бы. . . И Витя, вдруг, остро почувствовал неустойчивость жизни человека, ее непреодолимую зависимость от таких, казалось бы, ничтожных вещественных предметов, как пищевые продукты. Мысль об обреченности на неизбежную смерть всякого живого существа духовно роднила Витю с беспечно шумевшими вокруг него мальчиками и ему по причине их обреченности, вдруг, стало жаль всех их и почему-то особенно Петю Касьянова, точно этому мальчику осталось недолго жить.

Итак Витя не отомстил своему врагу. Как ни странно, но с памятного для Вити дня, когда неожиданно для себя он пожалел Петю Касьянова, тот ни разу не причинил ему неприятности.

В мае Витя был переведен во второй класс и, чувствуя себя глубоко счастливым, уехал домой на летние каникулы.

К следующему учебному сезону Витя не возвратился в нена-

вистную ему столицу, так как в любимых им Боровичах открылось реальное училище, пока три младших класса: приготовительный, первый и второй.

Чрезвычайно обрадованный возможностью учиться в родном городе Витя, конечно без экзамена, был принят во второй класс нового училища.

А год спустя вскоре после начала учебных занятий, когда однажды утром Витя вошел в свой, ставший уже третьим, класс, он увидел нового ученика. Внимательно посмотрев на него подошел к нему и, пожимая ему руку, сказал:

— Здравствуй! Ведь я знаю тебя: ты — Вася Машевский.

— Да. Но, где ты меня встречал? — спросил удивленно Машевский.

— Мы вместе учились в Петербурге в реальном училище в первом классе, но в разных отделениях. Поэтому ты меня не помнишь. Я же хорошо тебя помню, потому что о тебе говорили, что ты самый сильный из всех восьмидесяти человек нашего класса. Ты, конечно, знаешь Петю Касьянова. Можешь ли сказать, как он поживает?

— А он прошлой зимою скончался от какой-то детской болезни.

Витя умолк. В его памяти отчетливо возник образ хрупкого голубоглазого мальчика, который, стоя перед окном, ел сандвич.

— Теперь ему сандвич уже не нужен — подумал Витя и его лицо стало грустным.

— Ты почему так опечален? Был, что-ли очень дружен с Касьяновым? — участливо спросил Машевский.

— Нет — возразил Витя — напротив: Петя нередко изводил меня своими шалостями, но мне, все-таки, его жаль.

II

Шла шестая неделя великого поста 1918 года, но настроение жителей Севастополя совершенно несоответствовало близости великого Праздника. Назревали тревожные события. В четверг поздно вечером в большом зале морского офицерского собрания происходил многолюдный митинг делегатов всех судов черномор-

ской эскадры. На сцене зала за длинным столом восседали члены центрофлота с их председателем поручиком по адмиралтейству Кнорусом. Обособленно от стола то сидел на стуле, то расхаживал по сцене огромного роста матрос — только что выбранный председатель митинга. Витя мичман царского производства, будучи делегатом дредноута "Воля", в шинели без погон сидел в одном из задних рядов. Витя, как почти все офицеры флота, не примкнул ни к одной политической партии, но до революции он дружелюбно относился к матросам и они, очевидно, веря, что молодой мичман искренне им желает добра, обычно выбирали его делегатом на пленарные собрания в тревожные моменты.

На три ряда впереди себя Витя видел хорошо ему знакомую фигуру адмирала Саблина. Он тоже сидел в шинели без погон, опустив седеющую голову.

Председатель центрофлота Кнорус — юрист по образованию, даровитый оратор, обладавший звучным приятного тембра басом говорил:

— Безответственные лица упорно распускают слухи, что на Крым наступают переодетые в немецкую форму русские офицеры, юнкера и кадеты. Эти слухи, конечно, вздор. Наступают регулярные немецкие войска. Отразить мы их, абсолютно, не в состоянии. Обороняющий подступы к Крыму немногочисленный отряд, который состоит из неопытных в бою красногвардейцев и китайцев не есть какая-нибудь защита. Это только миф. Чтобы наш флот не попал в руки неприятеля нам остается только эвакуироваться и при том, как можно, скорее. Но для успешной эвакуации нам необходим опытный руководитель. Таким в наибольшей мере мог бы быть, конечно, адмирал Саблин. Но он, как вам известно, будучи недоволен современными порядками, недавно вышел в отставку. Однако, он согласился присутствовать сегодня на митенге и сейчас находится здесь в зале. Центрофлот предлагает вам просить адмирала принять на себя руководство эвакуацией.

— Итак, товарищи — прогудела могучая октава великана председателя митинга — центрофлот внес предложение пригласить адмирала Саблина руководить эвакуацией. Это предложение я

ставлю на голосование.

Но внезапно произошла заминка. Собрание выжидательно смотрело на председателя, а председатель не менее выжидательно смотрел на собрание.

– Товарищ председатель, ставте же предложение на голосование – наконец послышались нетерпеливые голоса.

– Так я уже поставил на голосование – возразила октава.

– Да ничего вы не поставили. Ставте – опять раздались голоса.

Смущенный великан недоумевая смотрел на собрание.

– Ну и выбрали же председателя – подумал Витя – пойти, разве, помочь ему бедняге.

Но Витю опередил один из сидевших в первом ряду матросов. Он взошел на сцену и обращаясь к собранию сказал то, что в данном случае полагалось:

– Кто за предложение центрофлота пригласить адмирала Саблина руководить эвакуацией – прошу поднять руку.

Мгновенно взметнулось кверху множество рук.

– Кто – против.

Не поднялась ни одна рука.

– Предложение единогласно принято – резюмировал матрос проведший голосование.

Тогда встал адмирал. Взоры всех присутствовавших устремились на него.

– Председатель центрофлота прав – начал говорить адмирал – я действительно недоволен новыми порядками и для недовольства у меня есть причина. Вы сами беспристрастно сравните наш прежний славный Черноморский флот с тем, каким он стал теперь. Припоминаю, как незадолго до революции, под моим командованием, ночью отряд наших миноносцев шел к неприятельским берегам. Море было спокойное. Вдруг в темноте протянулись полосы яркого света прожекторов немецкого дредноута "Гебена" и крейсера "Бреслау". Эти полосы то пересекаясь, то расходясь, быстро двигались нам навстречу и осветили мой миноносец. Тотчас же раздался отдаленный грохот орудий. У бортов миноносца, от взрывов неприятельских снарядов, в лучах прожекторов поднялись высокие столбы воды. Получилась кра-

сивая картина. Я приказал принести мне на мостик кофе и спокойно пил его, управляя боем. По боевой тревоге спокойно стояли на своих местах матросы, проворно отвечая на огонь противника залпами из наших орудий. То были дисциплинированные, проникнутые сознанием долга, храбрые матросы. Много ли таких во флоте теперь? Большинство их разъехалось по домам после перехода флота на вольный наем. Что же происходит в настоящее время? Война еще не закончена, а все линейные корабли второй и третьей бригад, хотя старые, но вполне боеспособные, без офицеров и команд стоят на мертвых якорях. Я всю душу свою выплакал, глядя на это кладбище в Южной бухте. Вы предлагаете мне руководить эвакуацией. Но в данном случае это будет не эвакуация, а бегство. Возглавлять же бегство я не привык, и принять ваше предложение не могу.

Сказав с большим подъемом свою короткую речь, адмирал направился к выходу и, пока, он высокий, слегка сутулый, с угрюмым лицом шел между рядов стульев, в зале царила гробовая тишина. Но, как только за ним закрылась дверь, сразу возбужденно заговорили десятки голосов. Внезапно, из общего говора вырвался громкий тенор:

– Не можите, не можите уйти – кричал тенор – я представитель бригады траления. У нас только что был митинг и мы постановили не покидать Севастополя, потому что с немцами, будучи их союзниками, идут наши "браты" украинцы. Так зачем же нам эвакуироваться? Канал тралить мы не станем, а по непротраленному каналу вы не пойдете!

Это заявление представителя бригады траления окончательно сбило с толку делегатов флота. Умолкнувший было шумный говор снова возобновился.

– Товарищи, прошу соблюдать тишину. . . Прошу высказываться по очереди. . . Ведь мы ничего не решили. . . – гудел со сцены растерявшийся председатель. Но его никто не слушал.

– Ну вот – подумал Витя – хотели сами властвовать, унижали, убивали офицеров, устраивали Варфоломеевские ночи, а теперь, пожиная плоды революционных стремлений, мечетесь в тревоге, не зная, что предпринять. Но я не должен злорадствовать – продолжал размышлять Витя, – ибо я христианин и, кро-

ме того, в убийстве офицеров и мирных жителей города повинно лишь незначительное меньшинство матросов. Подавляющее же их большинство осуждало всякие действия направленные к кровопролитию и продолжает быть лояльными в отношении своих офицеров.

Вдруг, как двенадцать лет тому назад в Петербурге, в реальном училище, во время перемены Витя снова остро почувствовал неустойчивость жизни человека. По сравнению с той огромной разрушительной мощью, которая надвигалась на Севастополь, все эти присутствовашие в зале молодые сильные люди показались Вите совсем слабыми, беспомощными и в то же время так жаждущими жить и всех их и этого большого нелепого, но симпатичного председателя на сцене Вите стало искренне жаль.

Не придя ни к какому решению, делегаты, взволнованно обмениваясь мнениями, шумно покинули зал. Витя в светлом настроении, точно после причастия шел к Графской пристани.

— Для радости у меня абсолютно нет причины. Чему же я так рад? — недоумевал Витя.

Несмотря на развитую способность к самоанализу, Витя не подумал , что светлая радость возникла в глубине его подсознания в тот момент, когда он в конце митинга, искренне пожалев матросов, в некоторой мере приобщился к Великому Завету Христа.

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК

В этом году, к которому относится данный рассказ, весна в Новгородской губернии наступила рано. Святая ночь выдалась теплая, тихая, звездная. Объятый задумчивым сумраком мирно дремал небольшой уездный город Боровичи, расположенный на обоих берегах реки Мсты. Тускло озаренные керосиновыми фонарями улицы казались безлюдными. Но в каждом доме был свет. Близилась полночь и богомольные жители города, окончив последние приготовления к разговенам, уже собирались идти к Светлой Заутрене.

На Суворовской набережной перед двухэтажным каменным домом в полосе падавшего из окна света сидел в форме реалиста юноша лет шестнадцати. Он восторженно смотрел вверх, где в беспредельном темносинем пространстве искрились мириады крупных и мелких звезд.

— "В небесах торжественно и чудно. . ." Этим коротким стихом Лермонтов так правильно и так полно передал впечатление навеянное созерцанием звездного неба — подумал юноша.

Герман — так звали юношу — принадлежал к лютеранской семье. Но его отец и мать родились и выросли в России, любили свою родину и с уважением относились к Православной вере. Все свое детство и первые годы отрочества Герман провел в усадьбе, где его отец уездный агроном в дни свободные от служебных обязанностей занимался сельским хозяйством. Когда же агроном совершал деловые поездки по уезду, то оставлял хозяйство на попечение своего управляющего — человека интеллигентного, энергичного и высокопорядочного.

В долгие осенние и зимние вечера православный священник из соседнего села нередко приезжал на огонек в усадьбу покоротать время за стаканом чая и всегда встречал радушный прием со стороны родителей Германа.

Согласно традиции в первый день Пасхи православное духовенство неизменно приезжало в усадьбу служить. Герман любил момент, когда в светлую просторную гостиную, где в праздничное утро собиралась семья агронома, шурша новым платьем вбегала молодая горничная и взволнованно говорила:

— Барыня! Барин! Батюшка приехали.

Мать и Отец Германа торопливо шли встречать духовенство, а мальчик бежал в столовую и выжидательно смотрел на дверь. Дверь широко отворялась и в комнату входили священник и дьякон в светлых облачениях и несколько певчих, а за ними все обитатели дома.

Герман отлично знал, что чудо Воскресения Христа произошло девятнадцать веков тому назад. Но когда пели Христос Воскресе ему казалось, что Спаситель Воскрес в полночь только что минувшую и оттого теперь всем христианам так радостно на земле.

После службы все садились за длинный стол обильно уставленный праздничными яствами. Герман, заняв место против священника, внимательно за ним наблюдал. Мальчику все нравилось в отце Петре: его открытое лицо с добрым взглядом серых глаз, длинные гладко расчесанные волосы с легкой проседью и позолоченный наперстный крест на груди. Отец Петр действительно был обаятельной личностью: религиозный, отзывчивый, абсолютно несребролибивый, он пользовался большой популярностью среди крестьян. Герману казалось, что от священника исходит особенная благодать и в том доме, где он находится не может произойти несчастью.

Пообедав, Герман бежал в поле и подставив свое лицо приятно освежающему легкому ветерку, полным голосом пел "Христос Воскресе". Этот величественный православный гимн глу-

боко запал в душу мальчика лютеранина и он без пения "Христос Воскресе" не мог себе представить праздника Пасхи.

На окраине усадьбы стояла, построенная во времена Петра Великого, деревянная церковь с колокольней. В этой церкви раза два-три в год совершались богослужения. Иногда в ней венчались служащие усадьбы. В первый день Пасхи на ветхую колокольню взбирались молодые работники и тогда по окрестностям усадьбы разносился, хотя не очень стройный, но гулкий звон, который усугублял праздничное настроение. Герман любил играть около церкви. Иногда он, раздобыв кол, и воткнув его острый конец в землю, а верхний прислонив к стене церкви, взбирался по колу до высоко расположенного окна и заглядывал внутрь. Тишина и легкий сумрак царившие в церкви и вся обстановка таили в себе нечто обаятельное для мальчика и пробуждали в нем чувство благоговения.

Когда Герману исполнилось двенадцать лет, в Боровичах открылись три младших класса реального училиша. Будучи хорошо подготовлен домашним учителем, Герман поступил во второй класс и стал жить с отцом в городе, в небольшом одноэтажном доме, расположенном против церкви. Отец и сын жили очень дружно. Утром обычно одновременно уходили: агроном в Земскую Управу, а реалист в свое училише. Оба они, если позволяла погода, на праздничные дни уезжали в усадьбу и поэтому Герману не удавалось приобшиться к посещению православных городских храмов.

В феврале совершенно неожиданно в расцвете сил, почти скоропостижно, скончался отец Германа. На оставшиеся до летних каникул три месяца мать Германа устроила его пансионером у хороших знакомых Каретовых. Капитан саперного батальона Владимир Иванович и окончившая институт Елена Валентиновна Каретовы были бездетны, но любили детей и к своему пансиону относились, как к родному. В середине мая по окончании занятий в училише Герман уехал в усадьбу. Там он с чувством тревоги заметил, как его горячо любимая мать Антонина От-

товна, потрясенная внезапной смертью мужа, впала в состояние апатии. Она заботилась о детях и следила за хозяйством, но делала все машинально, не вкладывая в заботы, как обычно, всю душу. Однако через некоторое время, благодаря стойкой натуре, Антонина Оттовна преодолела состояние безразличия и стала проявлять свойственную ей кипучую деятельность. К началу учебного сезона она со всей семьей переехала в город в большую квартиру и открыла пансион для реалистов. В училище прибавился третий класс, число учеников возросло и вакансии в пансионе Антонины Оттовны быстро оказались заполненными Почти все пансионеры были православного вероисповедания. Некоторые из них отличались религиозностью и с ними Герман в праздничные дни стал часто посещать церковь. В церкви он поступал так, как его в годы детства учила мать: прежде всего он читал про себя "Отче Наш", осенял себя крестным знамением, после чего всецело приобщался к Богослужению. Слушая возгласы священника и стройное пение хора, глядя на озаренные лампадами одухотворенные лики, , изображенных на иконах угодников, Герман думал, что православные храмы подобные тому, в каком он в данный момент находится, уже в отдаленные времена существовали в Киеве, Новгороде, Твери, Пскове и в других древних городах и больших селах. И по мере того, как возникали новые города и села, воздвигались и новые храмы. И накануне праздников и в праздничные дни повсюду в городах и селах необъятной России разносился торжественный благовест и верующие толпами спешили в храмы молиться.

Герман не отдавал себе ясного отчета, в чем заключается особенность русского народа, но эту обаятельную особенность он чувствовал и наиболее глубоко, находясь в церкви.

– Русский народ – думал Герман – в своих храмах обретал ту духовную силу, благодаря которой он на протяжении веков отстаивал свою независимость от посягательств со стороны различных внешних врагов.

От старинного боровичского храма, от его многочисленных

старинных икон в воображении Германа невидимо тянулись связующие звенья к далекому прошлому. Звенья тянулись к каменным стенам Свято-Троицкой лавры, откуда три столетия тому назад иноки отражали полчища поляков и литовцев. Звенья тянулись к тропинке среди девственного леса, по которой Дмитрий Донской пробирался к келье преподобного Сергия Родонежского за благословением перед Куликовской битвой. Звенья тянулись к ледяному покрову Чудского озера, где Александр Невский, руководя новгородской ратью, наголову разбил панцырные отряды ливонских рыцарей. Еще дальше в прошлое тянулись звенья: они тянулись к историческому моменту, когда воды Днепра стали купелью киевлян, приобщившихся к Православной вере.

В православном храме, в русской школе Герман совершенно забывал, что в его жилах течет немецкая кровь и глубоко себя чувствовал нераздельной частицей великого целого, имя которому – Русский Народ.

Познакомившись вкратце с биографией Германа, возвратимся к святой ночи, описанием которой был начат данный рассказ.

II

Воскресе! Восресе! В церковной завесе
Все складки вещали о том.
В усадьбе и в саде и в поле и в лесе
Весь воздух был полон Христом.

К. Бальмонт

Сидя на скамейке перед домом и любуясь звездным небом, Герман с чувством радости думал, что скоро он пойдет к Светлой Заутрене и снова услышит пение "Христос Воскресе!" Он уже давно был бы возле церкви, если не ожидал бы Павлуши Ельницкого – сына хозяйки дома, которая со своею многолюдной семьею жила на втором этаже. Вдруг Герман вспомнил, как его мать, Антонина Оттовна, днем ему сказала:

– Знаешь, Вера Николаевна заявила, что непременно похристосуется с тобою.

– Вера Николаевна Ельницкая – учительница местной школы, одна из шести дочерей хозяйки дома, обладала привлекательной внешностью, но была на восемь лет старше Германа.

– Надеюсь – подумал Герман, – что с Верой Николаевной в церкви я не встречусь.

Внезапно на прилегавшем к дому дворе под быстрыми шагами захрустел песок. Хлопнула калитка толкнутая сильной рукой и в полосу, падавшего из окна света, вошел юноша с резко очерченным профилем, выше среднего роста и очень крепкого телосложения. Это был Павлуша Ельницкий.

– А вы Герман уже здесь. Не заставил ли я вас слишком долго ожидать меня? – спросил Павлуша слегка картавящим басом.

– Я не скучал, смотрел на небо – ответил Герман. – Однако, идемте скорее, уже поздно.

Минуты через две быстрой ходьбы приятели были за церковной оградой.

Два боровичских собора старый и новый были расположены почти рядом на окраине большой площади, совершенно обособленно от городских зданий. Между соборами на бугре возвышалась исполинская колокольня. На запад от соборов простирались сады "Летний" и "Зимний" с широким незастроенным промежутком между ними. Старый собор от "Летнего" сада отделяла проезжая дорога, ведшая к расположенному невдалеке мосту, перекинотому через Мсту. Этот красивый мост – гордость города – поддерживался очень высокими арками и в то время считался выдающимся достижением техники. От ворот церковной ограды вдоль "Зимнего" сада до набережной тянулась тропинка для прохожих. Павлуша и Герман заняли место у основания колокольни, откуда хорошо можно было видеть крестный ход. Город, полчаса тому назад казавшийся безлюдным, ожил. По всем улицам торопливо шли богомольцы, направляясь в ближай-

шие церкви, но главным образом, в старый собор. Вдруг издалека донесся четкий шаг, который быстро становился все громче: приближались роты первого саперного батальона квартировавшего в Боровичах.

— Стой! На молитву фуражки долой! Левое плечо вперед, шагом марш! — послышалась команда, и солдаты попарно, казалось, бесконечной вереницей стали входить в собор. Всех их принял вместительный храм.

Слегка ароматный, струившийся из садов, воздух и явственно доносившееся до слуха победное журчание полноводной Мсты, напоминали Герману о весне. Проведший в усадьбе годы детства и отрочества Герман ясно представлял себе, как могучие силы весны после зимнего оцепенения властно оживляли поля и леса и в нем радостное чувство обновления природы сливалось с радостным чувством духовного обновления, какое навевал Великий Праздник.

Но вот наступил желанный момент: раздался первый удар в большой колокол. Казалось город вздрогнул от мощного гула. К звону большого колокола тотчас же присоединились звоны средних и малых колоколов. Одновременно послышались звоны церкви расположенной на другом берегу Мсты, двух кладбищенских церквей и мужского монастыря. Весь город наполнился ликующими звонами. Но колокола не заглушили стройного пения многолюдного хора. В крестном ходе приняли участие густые толпы богомольцев. Сотни желтых огоньков мерцали в сумраке ночи. Окончив крестный ход, духовенство и хор возвратились на площадку перед храмом и, наконец, Герман услыхал торжественное пение "Христос Воскресе!" и он жадно ловил и слова и мелодию Пасхального Гимна и в пении этого Гимна ему чудилась огромная духовная сила.

Внутрь собора Павлуша и Герман не пошли, так как не любили тесноты доходившей до давки. Но они и снаружи испытывали молитвенное настроение, глядя на темносинее с кротко мерцающими звездами небо, которое им казалось необъятным сводом

нерукотворного храма. Постояв некоторое время возле колокольни, приятели, празднично настроенные, возвратились домой.

Когда на следующее утро Герман проснулся в своей комнате, то первым воспринятым им впечатлением был колокольный звон. В Боровичах в Светлый Праздник разрешалось звонить всем желающим, а так как желающих было много, то в течение первого дня Пасхи звон в городе почти не прекращался.

Напившись крепкого чаю с куличем, Герман пошел прогуляться по набережной. Нельзя было желать лучшей погоды для Великого Праздника. Радовало взор безупречно чистое голубое небо. Отражая яркие лучи апрельского солнца, сверкали быстро текшие вешние воды Мсты. Противоположный берег казался покрытым зеленым пухом.

Между берегом и домами на лужайке, установив лоток, катала крашенные яйца небольшая группа подростков реалистов. Имена, какие они давали яйцам, определенно указывали, что составлявшие группу реалисты были учениками третьего класса, в котором изучали историю древней Греции. Один из них, глядя на яйца, уже спущенные по лотку на лужайку, говорил:

– Конечно ваши "Лизандр" и царь "Леонид" – герои, но не такие, как "Александр Македонский", которого я сейчас спущу.

Красивое золотистое яйцо, скатившись по лотку, слегка толкнуло "Лизандра" и всею массой ударило царя "Леонида".

– Ну, вот видите, что значит "Александр Македонский" – торжествующим тоном заметил обладатель "знаменитого полководца" и взял себе выигранные им яйца.

Герман улыбнулся: он вспомнил, как всего лишь два года тому назад, он со своими друзьями так же катал яйца, называя их именами греческих героев.

После длительной прогулки по набережной Герман нанес свой единственный традиционный визит Каретовым и был ими радушно принят. Елена Валентиновна нарядная, торжественно настроенная, похристосовавшись с Германом, как обычно, подарила

ему большое шоколадное яйцо с сюрпризом и угостила очень вкусным праздничным завтраком.

Идя по улицам города, Герман обратил внимание, что почти у всех, кого он встречал были приветливые и, даже, радостные лица.

— Однако, какое огромное значение имеет Пасха для православных христиан, и как возвышает их духовно этот Великий Праздник — подумал Герман.

Около четырех часов пополудни в просторной, залитой солнечным светом комнате, за пасхальным столом сидели Герман, его мать, младшие братья, сестра и два его ровесника пансионера, неуехавшие домой на праздничные каникулы. Неожиданно в столовую легкими шагами вошла Вера Николаевна Ельницкая, миловидная, стройная, в изящном светлом платье, распространяя нежный запах дорогих духов. Окинув Германа ласковым взором карих глаз, Вера Николаевна обиженным тоном сказала:

— Антонина Оттовна, я пришла похристосоваться с вашим сыном, но он, как видно, не имеет ни малейшего желания пойти навстречу моему намерению.

— Герман, подойди к Вере Николаевне и похристосуйся — спокойно проговорила Антонина Оттовна.

Но Герман не подошел, только ярко пылавший на его щеках румянец стал еще ярче.

Антонина Оттовна, привыкшая к беспрекословному повиновению старшего сына, удивленно посмотрела на него и, сдвинув брови, строго повторила:

— Герман, сейчас же похристосуйся с Верой Николаевной!

Однако, Герман упорно продолжал стоять на своем месте. Все присутствовавшие за столом, молча улыбались. Вера Нико лаевна казалась смущенной и, обменявшись несколькими незначительными фразами с Антониной Оттовной, быстро вышла из столовой.

После обеда Антонина Оттовна зашла в комнату к сыну.

— Отчего ты меня не послушался? — укоризненным тоном спро сила она.

— Прости меня, мама. Но в данном случае дело касалось настолько лично меня, что я позволил себе тебя не послушаться.

— Хорошо. Но почему, все-таки, ты не хотел похристосоваться с Верой Николаевной? Ведь она — милая барышня и к тебе дружелюбно относится.

— Я считаю — убежденно ответил Герман — что православный обычай христосования основан на проявлении обоюдной радости по поводу праздноваеия Воскресения Христа. Поцелуи при христосовании должны быть строго братскими. Если Вера Николаевна желала соблюсти обычай ей следовало бы похристосоваться со всеми, кто находился в столовой. Возникшее же заранее намерение похристосоваться только с тем, кто нравится, есть не столько проявление праздничной радости, сколько нечто похожее на стремление к флирту под покровом обычая установленного для иной цели. Кроме того, Вера Николаевна заявив тебе, что она пришла похристосоваться с твоим сыном, отнеслась ко мне, как к мальчику, а я уже не мальчик.

— Ах, вот как ты рассуждаешь! Ну, а если на месте Веры Николаевны была бы Танечка Вознесенская, то, говори правду, как тогда ты поступил бы? — спросила Антонина Оттовна, лукаво улыбнувшись; она назвала красавицу гимназистку, которой Герман явно симпатизировал.

— Я поступил бы совершенно так же, как в отношении Веры Николавны.

— Что же? Ты, пожалуй, прав, но только отчасти. Все-таки симпатичную барышню ты обидил и при том в первый день Торжественного Праздника. Хорошо ли это? Вот подумай над тем, что я сказала тебе, мой милый — и, поцеловав сына, Антонина Оттовна ушла.

Подумать над словами матери Герману не удалось, потому что в комнате внезапно появился Павлуша и предложил:

— Не пойти ли нам сейчас в лес? Там теперь хорошо.

— Конечно, идемте — охотно согласился Герман.

Приятели тотчас же вышли на набережную.

На скамейке перед домом, на которой накануне ночью Герман ожидал Павлушу, сидели две гимназистки в новых форменных платьях коричневого цвета. Одна из них брюнетка с серьезным, почти строгим, взглядом темных глаз и тонкими слегка надломленными посредине бровями была Маруся Ельницкая младшая из сестер Павлуши. Другая идеально стройная, красивая шатенка с светлокарими задумчивыми глазами, вся точно овеянная поэзией была Таня Вознесенская. К ней очень подходили стихи Пушкина:

— Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей. . .

Герман был не совсем равнодушен к Тане, но ему нравились и выразительное лицо Маруси, ее голос, манера говорить и горделивое достоинство, с каким она держала себя. Проходя мимо девушек Герман, молча, но почтительно снял фуражку. Обе девушки, тоже молча, ответили глубоким поклоном. Эта встреча внесла новый аккорд в музыку переживаний, какими Герман был наполнен с утра.

Павлуша и Герман оба цветущего здоровья и оба сильные шли легко и быстро и процесс ходьбы доставлял им большое удовольствие. Через несколько минут они были уже за городом. Пройдя с версту вдоль железной дороги, они свернули в сторону, пересекли зеленую лужайку с синими и желтыми цветами, поднялись на небольшую возвышенность и очутились в лесу. Приятели сели на толстый ствол старой давно упавшей березы. Было необычайно тихо. Ни один лист не шевелился на деревьях.

— Хорошо — прокартавил Павлуша.

— Очень хорошо — согласился Герман.

Наслаждаясь близостью к природе, вдыхая полной грудью свежий воздух и не желая нарушать торжественную тишину леса, юноши молчали.

Вдруг издалека нахлынули волны ликующего церковного звона.

– Вот она Православная Пасха! Сколько обаяния в этом Светлом Празднике! – подумал Герман. – А, если я не был бы верующим, то для меня не существовали бы Пасха и те радости, какие в христианах пробуждает она. – И Герман ужаснулся при мысли о той пустоте, какая образовалась бы в его духовной жизни, если он стал бы атеистом и с чувством глубокого морального удовлетворения он мысленно сказал себе:

– Слава Богу! Я – В Е Р У Ю Щ И Й.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Не претендуя на звание поэта, но поощряемый друзьями, я все-таки решил поместить в этом сборнике несколько моих стихотворений. Если хотя бы одно из них пробудит в некоторых читателях сочувственный отклик, я не буду считать мои стихотворения напечатанными напрасно.

Г. Вантц.

ВОСХОД ЮНОСТИ.

Промчались детства впечатленья
В объятьях сказки, как во сне. . .
Восходит юность и стремленья
Волнуют глубже сердце мне.
Уж мне не весело с толпою
Беспечных отроков друзей. . .
К неясной цели рвусь порою. . .
Чарует песнь меня сильней.
И чудный образ все витает
И днем, и ночью предо мной,
И нежный голос слух ласкает,
Волшебных грез сзывая рой.

* * *

Когда в глазах твоих горит
Огнем чудесным вдохновенье,
Когда, как музыка, звучит
Из нежных уст стихотворенье,
Тогда стремлений дивных рой
Меня, как буря, увлекает,
Как моря шумного прибой
В душе поэзия играет,
Тогда весь мир передо мной
В неясных грезах утопает.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР.

В майский вечер в час досуга
В лес из города спешу,
Ветерком душистым луга
Грудью полною дышу.
Даль украшена весною,
Зелен вид полей, лесов;
Я извилистой тропою
Пробираюсь меж цветов.
Солнца луч уже бросает
Алый свет на облака;
Краски неба отражает
Точно в зеркале река.
В этот миг, забыв невзгоды,
Чуткий к счастью бытия,
С жизнью матери природы
Всей душой сливаюсь я.

ЭЛЕГИЯ

(На окончание реального училища).

Окончен курс. Вчера простился с школой.
Но жданный миг мне счастья не принес:
На новый путь вступлю с душой тяжелой:
Встревожен уж тот мир лучистых грез.
В котором я судьбой довольный рос.
Теперь весна, но близок день печальный,
Когда мой край любимый и родной,
И круг друзей, и быт патриархальный
Покину я, влекомый в даль судьбой,
И стану жить в столице мне чужой.
И там весной, когда я, укрепляя знанья,
Один над книгою склонюсь в тиши ночей,
Уж не пахнет в окно волной благоуханья
Объятых сумраком деревьев и полей
И песнь не запоет мечтатель соловей.

ВСТРЕЧА.

Любовь еще не волновала
Моей сердечной глубины,
Но ты мечту уж мне внушала,
Дарила радостные сны.
И синих глаз твой взор прекрасный,
Как луч задумчивой луны,
Не раз мне грезился так ясно
В часы вечерней тишины.
Я думал, что твои стремленья
Высоки, чисты, как кристалл;
И в ореоле восхищенья
Тебя возвел на пьедестал.

Но помню: в город в день весенний
Я возвратился из лесов
С душою полной песнопений,
С букетом пахнувших цветов.
Был праздник и толпы неугомонной
На тротуарах смех звучал. . .
И уличной той прозой поглощенной,
Тебя в толпе я увидал.
То был лишь миг, но впечатленье
Осталось яркое во мне
И пробудилось уж сомненье
В моей сердечной глубине.
Сомненье в том, что красотою
Обилен внутренний твой мир,
Что не бесцветна ты душою,
Что любишь пенье звонких лир.
Та встреча в день лазурный мая
Во мне рассеяла мечту,
И вместо чувств достойных рая
Таю я в сердце пустоту.
Скажи, что ты в толпе искала
На тротуарах городских?
Нет разве выше идеала
Вне толп бездельных и пустых?
Иное мне дано стремленье:
Не привлекаемый толпой,
Я с детских лет уединенья
Люблю под кровлею лесной.
Люблю вдыхать благоуханье
В тени черемухи густой;
Потока слушая журчанье,

Идти прибрежною тропой.
И ширь люблю я луговую,
Алмазы утренней росы,
На воле песню удалую
Под звон сверкающей косы.
Люблю следить за облаками
И за вечернею зарей,
Когда последними лучами
Играет солнце над землей.
Порой люблю отдаться я,
Потоку долгих размышлений
О вечной тайне бытия,
О смысле всех людских стремлений.
Но синих глаз твой взор прекрасный,
Как блеск мечтательной луны,
Еще мне чудится так ясно
В часы вечерней тишины.
И сердце шепчет мне порою,
Что все сомненье – лишь обман,
Что хитрый рок, шутя со мною,
Мой светлый луч облек в туман;
Что не чужда и ты стремленья
Уйти от прозы городской,
Что ищешь тайного общенья
С природой дышащей весной,
И что волшебные мотивы
В твоей душе звучат порой,
Волнуют бурно грудь порывы
В безбрежность дали голубой.
Рассей же, друг, мое сомненье,
Мечту былую возврати,

Чтоб в день тоски я утешенье
В мечте той чистой мог найти.

АНГЕЛ И ДИТЯ.

Был в спальне полуночи сумрак,
Покой безмятежный царил,
И там колыбель небольшую
Вдруг свет голубой озарил:
То ангел свой лик лучезарный
Над спящим малюткой склонял
И будто свое отраженье
В зеркальном ручье созерцал,
И молвил он с нежной улыбкой:
"Дитя неземной красоты,
Для грешного мира не создан,
Кто ангелов носит черты.
Здесь нет постоянного счастья,
С восторгом печаль сплетена
И часто в минуты веселья
Унылая песня слышна.
И если с посланником Бога
Сейчас не покинешь земли,
То будешь угрюмо до гроба
Влачиться в житейской пыли;
Тревоги на облике чистом
Морщин начертают узор
И в горечи слез потускнеет
Очей бирюзовых твой взор.
Навеки тебя избавляя
От горестей жизни земной,
В края благодатного рая
Тебя унесу я с собой".

И, свет неземной излучая,
Исчез Херувим в вышине,
А в спальне над мертвым малюткой
Уж плакала мать в тишине.

* * *

Я шел один вечернею порою
Среди полей широкий путь лежал.
Я шел один с усталою душою, —
Ряд странных дум покоя не давал.
Холодный вихрь уныло пел и злился;
Вверху, клубясь, бежал туман густой;
И падал снег, слепил глаза, кружился,
Как белых пчел неугомонный рой.
Я был далек от внешних всех явлений:,
Я вновь витал в душевной глубине;
И думал я о сущности стремлений,
О жизни всей, и было странно мне.
Что жизнь? Что я? — все призрачно неясно. . .
Я жизни смысл настойчиво искал—
Искал я ключ к душе своей. . . напрасно. . .
Но глубже все, я сам в себя вникал.
Казалось мне: нет ничего родного,
Казалось мне: я сам себе чужой. . .
И вдруг в душе почувствовал я бездну
Покрытую гнетущей темнотой.
Я вздрогнул весь, мне сердце защемила
Уж с детских лет знакомая печаль. . .
Валился снег и буря дико выла,
Густела тьма, от глаз скрывая даль.
А тучи дум нависли так ужасно. . .
Пытался я их бремя скинуть прочь ,

Чтоб хоть на миг свободным стать. . . Напрасно. . .
Я шел вперед. Вокруг чернела ночь.

МЕЧТЫ О ВЕСНЕ.

Природа нахмурилась: осень настала.
Как пусто, уныло под кровлею туч!
Уж с севера буря не раз завывала
И больше не греет нас солнечный луч.
Смотрю, как кружатся бездомной семьею
Последние листья над мокрой землей,
Как небо подернулось сеткой косою,
И сердце объято щемящей тоской.
На горы хотел бы я взвиться стрелою,

Чтоб видеть оттуда зеленую даль,
Чтоб, лежа в цветах, наслаждаться весною,
Забыв про заботы, забыв про печаль.
Хотел бы услышать пастушьи свирели,
Веселые звоны на свежих лугах;
Хотел бы чтоб птицы резвились и пели,
Купаясь на воле в горячих лучах.
Вернись же весна, красотою блистая;
В лазурном сияньи вернись к нам скорей,
И буйную радость в сердцах пробуждая
Укрась нам леса и просторы полей.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР.

Студеный вечер; дремлет поле
Увенчан снегом хвойный лес;
Луна в туманном ореоле
Глядит на мир с высот небес.

Вдали на западе алеют
Края пушистых облаков.
Поляны ровные белеют
Среди чернеющих кустов.
А на горе в селе игриво
Мигает первый огонек,
И кверху тянется лениво
На фоне пурпура дымок.
Вот звезды кротко замерцали,
К себе так ласково зовут
Туда в заоблачные дали,
Где тайны вечные живут.
Мороз становится все злее...
На тройке быстро едем мы.
Что может быть для нас милее,
Родная Русь, твоей зимы!
Что может быть для нас роднее
Простора русского полей,
Когда раздастся песнь звучнее
И кони мчатся веселей!

ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Тишь; воздух морозен; задумчивой мглою
Окутаны села, поля и леса.
Скользим мы на лыжах беспечной гурьбою
И весело хором звучат голоса.
Широко раскинулось небо над нами;
Окрест озарила сияньем луна;
И звезды ликуют, кивая лучами
И темная высь вся мерцанья полна.
И снежное поле хрустит под ногами
Алмазные искры повсюду горят

Устало, безмолвно поникнув ветвями,
Как будто заснувши, деревья стоят.
От них на снега легли тени густые
Сплетенные тысячей тонких теней.
Здесь область где властвуют чувства простые,
Где пошлости нет и нет душных страстей.
Здесь дремлют просторы, здесь дышит свобода,
Роятся мечтанья, ничто не томит.
Волшебной своей панорамой природа
Нам взоры чарует и дух веселит.
В сердцах молодых жизнь ключем бьет глубоким
Вся жизнь лишь порыв в этот блещущий путь. . .
Вперед же, вперед по равнинам широким,
Чтоб далью упиться, чтоб радость вдохнуть.

ВЕСНА.

С лазурно-ясными очами,
С приветно-звонкими речами,
Кипучей жизни, сил полна,
Пришла красавица весна.
Теплом дохнула грудью всей
Над ширью стынущих полей,
И потекли ручьи с журчаньем,
С победным буйным ликованьем
С холмов высоких по лугам,
По черным пашням и лесам.
Сорвав оковы крепких льдов,
Выходит Днепр из берегов;
Все шире шумно льются воды,
Прибрежных нив купая всходы.
Сверкают струи серебром
Под ярким солнечным лучом.

Природа смотрит веселей.
Весна дохнула горячей,
И изумрудными коврами
Вокруг легли поля с лугами;
Цветами с пылью золотой
Покрылись вербы над водой.
Гостей пернатых голоса
Уж будят рощи и леса
И взоры радуют людские
Просторы неба голубые.
Звучат мелодии весны
Призыва чудного полны.
Ключ жизни в людях бьет сильней;
Их думы стали веселей
И эта бодрость им дана
Тобой, могучая весна.

ЗАВЕТ.

(В альбом сестре)

Резвись, не знайся с думой злою,
Люби всем сердцем Божий Свет,
Пока играет над тобою
Заря беспечных детских лет.
Пока легко струятся слезы,
Легко проносится печаль
И в свете розовом все грезы
Рисуют жизненную даль.
Года бегут. . .несут иное,
Иные чувства познаешь. . .
Ты, вспомнив детство золотое,
Быть может, горестно вздохнешь.
Не раз тревоги и сомненья,

Быть может, станешь ты полна;
Не раз рыданья – песнь томленья
Услышит ночи тишина. . .

Резвись же, будь чиста душою,
Люби, люби, ты Божий Свет,
Пока играет над тобою
Заря беспечных детских лет.

ТАЙНА ЦВЕТКА.

Дитя:

–Поведай мне тайну цветок полевой:
Зачем лепестки распускаешь широко
В тот час, когда солнце над сонной землей
Еще не успело подняться высоко?

Цветок:

– Дитя, рано утром, когда твой покой
Прекрасная греза с любовью лелеет,
Все травы сверкают алмазной росой
И воздух отрадно прохладою веет;

Зефир аромат над лугами струит;
Над озером пар чуть заметный несется;
Пастушья свирель за деревней звучит;
Бубенчиков звон на лугах раздается;
Торжественно птицы гимн солнцу поют,
На ветках зеленых беспечно играя
И пчелы мой мед хлопотливо сосут,
Жужжаньем, как сказкой, меня забавляя.
Не спи же ты долго весенней порой, –
Лишь солнце взойдет, горизонт озаряя,
Вставай и спеши на простор луговой
Приветствовать утро веселого мая.

1921 год.

К ПРОШЛОМУ.

В наш век ты найдешь ли края,
Где греза витает моя
Где в жизни под светлым лучом
Добро торжествует над злом;
Где пошлого нет лицемерья
И модного ныне безверья;
Где нет коммунизма идей;
Фальшивых и скучных речей;
Где деспотов льстиво не славят
Доверчивых сотни мужчин;
На улицах граждан не давят
Колеса бездушных машин;
Где девушки в брюках не встретишь,
Держащей окурок в перстах,
И краски следа не приметишь
На милых невинных устах.
Страну в дни былые я знал:
Дух чести над нею витал .
И храмом искусству она
Служила во все времена .
Там выше богатства стоял
Священный любви идеал;
Там девушек с чистой душой
В стихах воспевал я порой.
Родной мне была та страна,
Россией звалася она.

СОЖАЛЕНЬЕ.

Среди лесов и сжатых нив унылых
На лоне сельской тишины

Я думаю о прежних встречах милых,
Даривших радость в дни весны.
Твой образ женственный и чистый,
Твой взор овеянный мечтой,
То полный грусти, то лучистый,
Везде я вижу пред собой .
И грезится: звучит, мой слух лаская,
Твой голос вкрадчивый, грудной . . .
Не в силах я забыть тебя родная
С твоей глубокою душой.
Уж много дней прошло с разлуки.
Я много строк тебе послал.
Но о любви, о тайнах муки
В строках тех робких не сказал.
И все же я с волненьем жду ответа,
Но ты не вспомнишь обо мне.
Моих надежд, быть может песня спета
Тебя я вижу лишь во сне.
В столице в вихре развлечений
Восторги встреч забыла ты,
И нет во мне уж вдохновений
И блекнут яркие мечты.
Так пел печалью я ,грядущего не зная . . .
А сколько встреч потом, судьба послала нам!
Как я любил тебя, всегда любовь скрывая,
И как невольно я, о сне позабывая,
Порой в сомнениях томился по ночам.
Желанный день настал, день долгожданный мной:
На свой житейский путь, я твердой стал ногой
И мог перед тобой открыть тайник желанья.
Был тих тенистый сад; мы молча шли вдвоем

В тот миг уже я знал, что любишь,
ждешь признанья: . .
Восторгом для меня дышала жизнь кругом.
Мечта заветная сбывалась,
Мечта тревожных долгпх дней,
Еще мгновенье . . . И, казалось,
Невестой станешь ты моей.
Но, вдруг, пока свободным быть желанье
Так властно овладело мной,
И уж давно готовое признанье
Из уст не вырвалось с мольбой.
Но, идя на войну, простился я с тобою
С надеждою сказать "люблю" потом.
Не думал я тогда, что над родной страною
Восстания уж скоро грянет гром,
Не знал, что, от тебя отброшенным судьбою,
Я обречен на жизнь в краю чужом.
Теперь среди чужих от родины далеко
К былому рвусь я преданной душой.
Всегда себя кляня, тоскую одиноко:
Мне счастья жаль упущенного мной.
Мне той минуты жаль, когда в саду тенистом
Тебя, мой друг, я мог назвать своей,
И больно сознавать, что на пути тернистом
Возврата нет к надеждам прежних дней.
Бегут года . . . года суровых испытаний. . .
Угасла жизнь твоя там в сумрачном краю.
Но светлый образ твой среди святых мечтаний
В душевном храме я навеки сохраню.

БОРЬБА.

Среди тихих лугов, где пестреют цветы,
Среди шумной толпы в блеске бального зала, –
Неизменно повсюду являлась мне ты,
Радость жизни моей с юных лет омрачала.
В любви к девушке чистой с глубокой душой,
В чарах искренних ласк так хотел я забыться,
Но во взоре ее взор почудился твой
И я с сердцем больным поспешил удалиться
Я ушел на войну: там никто не слыхал,
Мне казалось, твоих угнетающих песен,
Но под сенью знамен голос твой зазвучал,
Поля битвы простор вдруг мне сделался тесен.
Среди грозной симфонии бурных морей,
На высотах подвижных кипучего вала, –
И там в сумраке черном тревожных ночей
На родном корабле в кругу близких друзей
Мне мучительно грудь ты не раз надрывала.
В Божьем храме потом я спасенья искал,
Но, как видно, сомненье владело душою,
И в сиянье лампад предо мною предстал
Ненавистный твой образ с усмешкою злою.
Предо мной широко расстилались пути;
Напряженно в груди клокотали желанья,
Но, томимый тобою, не мог я идти
К светлым целям, куда так манили призванья.
С юных лет я не знал мирных радостных снов:
Эти сны от меня ты тогда удалила. . .
В мрачных недрах души из каких тайников,
Ты, внезапно исходишь жестокая сила?
Я все страсти свои без труда побеждал,
А тебя покорить все еще так бессилен.

Но на помощь Творца я, молясь, призывал
И в упорной борьбе сильный духом не пал,
На победный исход вновь надеждой обилен.
И быть может, уж близко то время, когда
Мне жизнь омрачáть ты не станешь повсюду.
Я, воспрянув душою, быть может, тогда
Недобытое счастье успешно добуду.
1934 год.

ВОСПОМИНАНИЕ.

(Посвящено Анне Георгиевне Вантц).

Ты помнишь залив той страны благодатной,
Где крейсер укрылся от крепких ветров,
Где шум беспокойный волны необъятной
Сменило безмолвье прибрежных лесов?
От долгих тревог отдыхая душою,
Там часто мы дни проводили вдвоем;
На шлюпке по бухте скользили стрелою,
Искали ракушки на пляже морском.
Ты помнишь, как лунною ночью признанье
Взволновано нежно твердили уста,
А рейд притаился в лазурном сиянье
В зените мерцало созвездье креста?
Ты помнишь Люцон, и поляну лесную,
И неба над нею клочек голубой? —
Там нас, позабывших всю прозу земную,
Тропический лес чаровал красотой.
Там пели цикады и пахло цветами,
Спокойно стояли гиганты лесов,
Могучие сучья развесив над нами,
Сплетая зеленый узорчатый кров.

Там воздух душистый мы жадно вдыхали,
В раздумьи смотрели на быстрый поток,
И пенились струи, и звонко журчали,
И чист был омытый водою песок.
Мы долго резвились, в ловушки играя,
Над пеной потока на скользких комнях,
И брызги, как пыль, водопад подымая,
Цветисто искрился в отвесных лучах.
Скрестивши лианы, ты свила качели
И, смело взлетая, качалась на них;
Твой взор был задумчив, а щеки алели;
Тропический вечер был ясен и тих.
Я слушать любил мелодичные речи,
Украдкой любуясь улыбкой твоей . . .
Тогда я не думал, что эти все встречи —
Начало слиянья двух жизней путей.
Но после, когда в ожиданьи разлуки,
Ты, молча, стояла бледна предо мной,
Я понял в тисках возростающей муки,
Что стала ты мне бесконечно родной . . .
И мы не расстались: те встречи былые
Так скоро скрепили союз навсегда,
Те первые встречи, для нас дорогие,
Из памяти вырвать не в силах года.

ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ.

(Посвящено милым детям).

Лишь звезды в сочельник зажгутся,
Лишь стужа ударит сильней —
Уж чьи-то шаги раздаются
Среди молчаливых полей.

То святочный дед торопливо
По снежной равнине идет,
На мощном плече бережливо
Огромное что-то несет.
Одет он по-царски богато:
Он в белой папахе большой
И в шубе краснее заката
И с длинной седой бородой.
Идет он из дальней избушки,
Что в роще сосновой стоит.
Обычаю верный, игрушки
В сочельник он детям дарит.
Но в те лишь дома он стучится,
Где дети совсем не шалят,
Правдивы и любят учиться,
И маму и папу не злят.
И дети его ожидают,
Собравшись вкруг елки толпой,
И радостный шум подымают
Лишь явится гость дорогой.
А дед с бороды отряхает
Сверкающий ярко снежок,
С плеча же проворно снимает
Большой и тяжелый мешок.
И вот вынимает салазки,
И куклу, и мяч, и солдат,
И книжку, где русские сказки
Чудесного много сулят.
Достойных детей подзывает
И ласково им говорит,
Что их добродетели знает
И щедро их всех наградит.

С улыбкой детишек лаская,
Подарки им дед раздает,
А елка, огнями сверкая,
В гостиной уют создает.
А после, накинув на плечи
Мешок опорожненный свой,
Под песни и резвые речи
Дед добрый уходит домой.
И дети его провожают,
И с гамом бегут до ворот,
Примерными быть обещают
Чтоб вновь он пришел через год.

К РОДИНЕ.

В году роковом для спасенья Руси восстановлен
народом был царственный трон.
Века миновали и смутой тревожною край наш великий
опять омрачен.
Там властное иго довлеет сурово, задумчивы взоры
печальных очей
И с прежним призывом к любви и прошенью неслышно
давно вдохновенных речей.
Россия! Простор твой увидеть бы снова,услышать бы
песен чарующпй зов
Вдохнуть бы всей грудью твой запах медвянный цве-
тущих полей и дремучих лесов.
Напрасно стремленье! – отчизны любимой захлопнута
крепкая дверь
И там христианства святые заветы отвергнуты грубо
теперь,
Но с праведной Русью, томимой в неволе, незримо
я связан судьбой.

От жизни реальной, от жизни печальной в былое лечу
я мечтой
Сквозь ужас террора и мрачное рабство, сквозь слезы
и братскую кровь
Я вижу картины далекого детства, когда ликовала
любовь:
Мне грезится русской весны обаянье: лугов зе-
ленеет ковер,
На нем одуваньчиков желто-лучистых и синих
фиалок узор;
Душисты листочки ветвистой березы; над озером
вербы цветут;
Торжественно льются церковные звоны, "Воскресе"
повсюду поют
И верю, что чувства все теже и ныне клокочут в
глубинах народной груди.
О, Русь, собери ж богатырские силы, восстань
и к былым идеалам иди.
Стряхни же насилье над верой, над жизнью, воскресни
духовно, воскресни скорей!
И хлынут к тебе издалека потоки твоих за тебя по-
страдавших детей.
Луч светлой надежды увидеть Россию, меня на чуж-
бине всегда ободрял,
И в храме усердно молюсь за отчизну, чтоб мирную
жизнь ей Господь даровал!

РЕКВИЕМ

Ты так рано покинула нас дорогая. .
Без тебя мы печально живем,
Но на все и всегда воля Бога святая,
Крест тяжелый покорно несем.

В годы сумрачнойжизни в изгнаньи
Для нас светлым лучом ты была
И за то, что с молитвой страданье
Так безропотно ты приняла,
Быть может, взята ты в селенья,
Где праведных вечный приют,
Где нет ни забот, ни волненья,
Где ангелов хоры поют.
Небесному пенью внимая
Под сенью нетленных садов,
Среди благодатного рая
Не встретишь надменных врагов.
Быть может, там радость познаешь
Лишенную прозы земной,
В раю лишь доступную радость
Всем, кто непорочен душой
Тебя уж нет и нет нам утешенья. . .
Но за все те счастливые мгновенья,
Что ты родным доставила так много,
Благодарить всю жизнь мы будем БОГА.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка Сверху	Строка Снизу	Следует читать
3	18		игравшие побудку
3	18		"На верхних побудку" – не читать
24	10		Гехенберга
24		3	Отдаются встречные почести
25	1		здание
26	12		приобщенный
39	10		понадеявшись
41	4		пожаловал
42	14		яствами
42		5	водворился
45	2		разыскать
49		2	машинисты
53		1	гудит тяга в поддувалах
57		7	чудилась
64		3	Рождественского
65	7		в случае
74		4	колонне
77		8	сопряжена
89	2		Пышнов
96	7		отставать
98	6		свистел
98	9		закаленный
98	11		оттесненный
102	10		кинематографов
112		6	митинге
116		3	агроном
131		5	уединенье
144		7	клочок
147		8	медвяный

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЯСНЕНИЯ

Марс – небольшая площадка для наблюдений установленная высоко на мачте

Трос – стальной канат

Канат – толстая веревка.